

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

№ 5 (754) 2020

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:

И.О. АБРАМОВА
В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
Л.В. ГЕВЕЛИНГ
А.Б. ДАВИДСОН
А.В. ДЕНИСОВ
Р.Г. ЛАНДА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
Д.В. МОСЯКОВ
С.В. ПРОЖОГИНА
О.И. ТЕТЕРИН
Л.Л. ФИТУНИ
Т.Л. ШАУМЯН
В.Г. ШУБИН

Международный
редакционный совет:

Б.А. АКИНТЕРИНВА
(Нигерия)
Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия)
М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ
(Египет)
ЯН ГУАН (КНР)
Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД
(Саудовская Аравия)
С.С. КУНАНБАЕВА
(Казахстан)
Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР)
У. РЕНО (США)

Над номером
работали:

А.В. ДЕНИСОВ,
ответственный секретарь
Т.С. ДЕНИСОВА
В.С. ОКУЛОВ
М.Е. ПЕТРОВА
О.И. ТЕТЕРИН, первый
зам. главного редактора
Н.В. ЕСЕНКИНА,
зав. редакцией
Оформление и верстка
Г.М. АБИШЕВА

Подписано в печать 15.05.2020. Формат 60x88 ¹/₈. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 230 экз. Цифровая печать. Заказ 1/5а. Цена свободная.

Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука».

105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314.

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

CONTENTS

№ 5 (754) 2020

Abramova I.O. 60 years of the Day of Africa (in Russian) 4

POLITICS, ECONOMICS

Yury V. Kulintsev. First foreign policy outcomes of implementing the Chinese Belt and Road initiative in Eurasia 5

Elena V. Dunaeva, Vladimir I. Sazhin. Islamic Republic of Iran faces new challenges 12

Anastasia A. Bourt. The Houthis propaganda in Yemen: A copy of the Lebanese Hezbollah or their own product? 21

Olga S. Chikrizova, Nadezhda N. Morozova. Shi'ism in Morocco: Historical heritage and modernity 28

AFRICA DAY - MAY 25

Lidia O. Zatolokina. The Ethiopian-Eritrean conflict: the way to reconciliation 36

Nassor M. Mansour (Tanzania). East African Community: 20 years of regional integration 42

Vladilen I. Gusarov, Liudmila N. Kalinichenko. Equatorial Guinea. Challenges of oil-driven economy 47

Nina V. Grishina, Natalia A. Ksenofontova. Women of Asia and Africa in international politics. 2015-2019 54

Boris M. Gorelik. Putting out the small flames: South Africa's approach to combating COVID-19 58

Book review

Denisova T.S. Uganda: The civil war and the destiny of a journalist 63

Pages of History

Sergei V. Mazov. USSR and "Union of African States" project, 1963-1964 (based on Russian archival materials) 66

EVENTS, FACTS, COMMENTS

Ahmad Kh. Akifi (Afghanistan). Russia-Afghanistan youth forum *AFRUS*-2019 73

CULTURE, LITERATURE, ART

Larisa A. Chereshneva. Influence of external factors on Japanese national traditionalism (on the example of American comics and Japanese manga) 76

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal (in Russian) of the Russian Academy of Sciences. Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view of the Editorial Board.

Included in **Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.**
ISSN 0321-5075

Postal Address:
30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Тел.: +7 495 697 94 50
Tel./Fax: +7 495 691 02 70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

On the cover: African Union Headquarters in Addis Ababa (Ethiopia) (photo by Vladimir Nemchenko).

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 (754) 2020

Абрамова И.О. Году Африки - 60 лет	4
ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА	
Кулинцев Ю.В. Внешнеполитические итоги первого этапа реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» на пространстве Евразии	5
Дунаева Е.В., Сажин В.И. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов	12
Бурт А.А. Пропаганда хуситов в Йемене: калька с ливанской «Хезболлы» или самостоятельный продукт?	21
Чикризова О.С., Морозова Н.Н. Шиизм в Марокко: историческое наследие и современность	28
К ДНЮ АФРИКИ - 25 МАЯ	
Затолокина Л.О. Эфиопо-эритрейский конфликт: путь к примирению	36
Мансур Н.М. (Танзания). Восточноафриканское сообщество: 20 лет региональной интеграции	42
Гусаров В.И., Калиниченко Л.Н. Экваториальная Гвинея. Вызовы сырьевой экономики	47
Гришина Н.В., Ксенофонтова Н.А. Женщины Азии и Африки в международной политической жизни. 2015-2019	54
Gorelik B.M. Putting out the small flames: South Africa's approach to combating COVID-19	58
<i>Рецензия</i>	
Denisova T.S. Uganda: The civil war and the destiny of a journalist	63
<i>Страницы истории</i>	
Мазов С.В. СССР и проект создания «Союза африканских государств», 1963-1964 гг. (по материалам российских архивов)	66
СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ	
Акифи А.Х. (Афганистан). Российско-афганский молодежный форум <i>AFRUS-2019</i>	73
КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО	
Черешнева Л.А., Власова О.Г. (Липецк). Влияние внешнего фактора на японский национальный традиционализм (на примере американского комикса и японской манги)	76

© Российская академия наук, 2020
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2020

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК.
Входит в Russian Science Citation Index
на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495 697 94 50
Тел./факс: +7 495 6910270
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

На первой полосе обложки: Штаб-квартира Африканского Союза, Аддис-Абеба (Эфиопия) (фото В.П. Немченко).

ГОДУ АФРИКИ - 60 ЛЕТ

В 2020 году отмечается 60-летие Года Африки - знаменательное событие как для африканских государств, так и для всех стран, которые активно развивают сотрудничество с этим динамично растущим и меняющимся континентом.

Бурный подъем национально-освободительного движения в африканских странах, результатом которого явился распад колониальных империй в Африке, в значительной степени был связан с окончанием Второй мировой войны. Мощный импульс освободительной борьбе африканских народов дал разгром Германии и ее союзников, решающий вклад в который внес Советский Союз. Крах идеологий нацизма и фашизма (а вместе с этим и концепции расового превосходства) стал важным фактором массовых выступлений народов Африки против колониализма.

В 1959 г. Организация Объединенных Наций приняла решение объявить 1960 год Годом Африки. К этому моменту борьба африканских народов за освобождение от колониального гнета достигла небывалого накала, и стало понятно, что очень скоро на карте мира появятся новые независимые африканские государства. Так и произошло. В 1960 г. сразу 17 стран Африки обрели независимость: Бельгийское Конго (ныне - Демократическая Республика Конго), Берег Слоновой Кости (ныне - Кот-д'Ивуар), Британское Сомали, Верхняя Вольты (ныне - Буркина Фасо), Габон, Дагомея (ныне - Республика Бенин), Итальянское Сомали, Камерун, Конго (ныне - Республика Конго), Мавритания, Мадагаскар, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Того, Убанги-Шари (ныне - Центральноафриканская Республика), Чад.

Выдающийся африканский лидер Патрис Лумумба, первый президент Конго (ДРК), так описал это событие: «Я прошу всех вас, моих друзей, неустанно боровшихся в наших рядах, запомнить 1960 год как выдающуюся дату, которая никогда не сотрется в вашей памяти, дату, о значении которой вы с гордостью расскажете вашим детям, чтобы они, в свою очередь, поведали своим внукам и правнукам о славной истории нашей борьбы за свободу... Независимость завоевана нами в борьбе, в борьбе повседневной, упорной, трудной, в борьбе, где нас не останавливали ни лишения, ни страдания, ни огромные жертвы, ни кровь, пролитая нашими народами. Мы глубоко гордимся нашей борьбой, так как это была справедливая и благородная борьба, необходимая для избавления от унижительного рабства, навязанного нам силой»¹.

Огромную роль в ускорении деколонизации африканских народов сыграл Советский Союз. Несмотря на сопротивление ведущих демократий Запада, по инициативе и настоянию СССР Генеральная Ассамблея ООН 14 декабря 1960 г. приняла «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (Резолюция 1514(XV)), ускорившую процесс обретения политической независимости африканскими государствами. Политика СССР оказала огромное влияние на социально-экономическое развитие молодых африканских государств. Во многих странах оно положило начало созданию современной и национально-ориентированной экономики. Кроме того, развитие сотрудничества с СССР нарушило экономическую монополию западных стран, что создало для африканцев возможность маневра, достижения более выгодных условий при взаимодействии с традиционными партнерами.

За 60 лет независимости африканцам удалось выработать собственную стратегию развития, сформулированную, в частности, в Лагосском плане действий (1980 г.), Абуджийском договоре (1991 г.), Программе нового партнерства для развития Африки (НЕПАД, 2002 г.).

На чрезвычайном саммите Африканского Союза в 2013 г., посвященном 50-летию создания Организации африканского единства - предшественнице Африканского Союза, был принят программный документ, определивший стратегию развития Африки на ближайшие 50 лет - «Повестка 2063». Она включает 7 основных устремлений, в т.ч. процветающую, устойчиво развивающуюся и интегрированную Африку, где уважают права человека и делают все для его развития, где строго соблюдаются законы, поддерживается мир и безопасность, сохраняется культурная самобытность африканских народов, растет роль женщин и молодежи. Реализация «Повестки 2063» позволит превратиться Африке во влиятельного глобального игрока и привлекательного партнера.

Современная Россия весьма заинтересована в развитии отношений с африканскими государствами, в выведении их на новый достойный уровень. Необходимость возрождения активного сотрудничества с Африканским континентом сегодня, пожалуй, осознали большинство российских политиков, бизнесменов и экспертов. И подтверждение этому - первые в истории РФ Экономический форум и Саммит «Россия-Африка», успешно прошедшие в октябре 2019 г. в г. Сочи, как раз накануне 60-летия Года Африки. Саммит показал, что устремления африканской «Повестки 2063» во многом совпадают с целями россиян, а рамочные программы Африканского Союза открывают возможности для активного участия России в их реализации. Но не следует забывать, что главным субъектом экономической жизни любой страны выступает его народ. Нам, россиянам, очень важно, чтобы человек, помимо материальных благ, мог получить достойное образование, качественное медицинское обслуживание и приобщиться к ценностям мировой культуры.

Именно в гуманитарной сфере Россия может оказать реальную поддержку африканским странам, расширяя образовательные возможности для жителей континента, предоставляя качественные медицинские услуги, в т.ч. по борьбе с инфекционными заболеваниями, углубляя научные и культурные связи. Гуманитарные проекты при сравнительно небольших затратах могут оказаться куда эффективнее, чем многомиллиардные финансовые вливания, поскольку нацелены на развитие каждого конкретного человека.

Перед Россией и Африкой стоят сегодня сложные задачи. Но все они вполне реализуемы и могут создать ту основу для российско-африканских отношений, которая так нужна и россиянам, и африканцам, и перевести их на новый стратегический уровень. В юбилейный для Африки год мы открываем новую страницу российско-африканского сотрудничества. Пока мы не видим еще всех открывающихся возможностей, но, как говорят в Африке: **Safari ni hatua** - Путешествие - это (первый) шаг.

И.О. АБРАМОВА

Директор Института Африки РАН,
член-корреспондент РАН, член Президиума РАН

¹ История Африки в документах, 1870-2000. В 3 томах. Под общей редакцией Аполлона Давидсона. Том 2. 1919-1960. Редактор Сергей Мазов. М., 2007. С. 341-344.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

© 2020 Ю. КУЛИНЦЕВ

DOI: 10.31857/S032150750009541-7

КУЛИНЦЕВ Юрий Викторович, н.с., Центр изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, Институт Дальнего Востока РАН (kulintsev.y@ifes-ras.ru)

Резюме. В статье рассматриваются результаты китайской инициативы «Один пояс, один путь» с точки зрения их влияния на развитие международных отношений в Евразии в период с 2013 по 2019 гг. Анализируя основные принципы реализации инициативы ОПОП, автор предпринимает попытку определить ее первичные внешнеполитические итоги. Отмечается, что в глобальном масштабе инициатива «Один пояс, один путь» означает начало нового финансового миропорядка. Особое внимание уделяется изучению содержания сотрудничества Китая с Россией и со странами ЦА, а также пересекающимися сферам взаимных интересов.

Ключевые слова: Китай, инициатива «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС, международные отношения

FIRST FOREIGN POLICY OUTCOMES OF IMPLEMENTING THE CHINESE BELT AND ROAD INITIATIVE IN EURASIA

Yury V. KULINTSEV, Research Fellow, North-East Asia Strategic Issues and Shanghai Cooperation Organization Center, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (kulintsev.y@ifes-ras.ru)

Abstract. The article poses the question of how beneficial the Chinese strategic Belt and Road Initiative appears to be in the first run during 2013-2019. Drawing on the general description of the Initiative's core principles and components, the author then makes an attempt to emphasize advantages and drawbacks of its potential implementation with a special focus on interrelations between China and proposed partners to the BRI. Central Asia and Russia are, thus, put under the microscope as the neighboring states having no other way but to interact with China as the unequivocal rising economic and geopolitical power. The author examines overlapping spheres of interest for China and these countries to shed a light on future perspectives of proclaimed "equal cooperation for all". The model of the Chinese behavior and the country's capacity for dialog are considered through the lens of the "EAEU-Silk Road" integration project.

The end of the first stage of the BRI is characterized by the International Forum of High Level on Belt and Road Initiative held in Beijing in 2017. The Chinese government has referred to it as to the one of the main international events of the years. The fact that the BRI has the solid cultural and civilization basis has become the key specialty of the initiative. The prompt about the historical role of the participant countries in the development of the Ancient Silk Road becomes the powerful factor for the consolidation of states with such different level of economic potentials and political systems such as Central Asian countries, China and Pakistan. With this regard Beijing stands not only as an economic, but also as an «ideological» leader who offers his own decision to solve regional problems.

Keywords: China, Belt and Road Initiative, Silk Road Economic Belt, EAEU, international relations

Сразу же после официального выдвижения инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» в 2013 г., китайский проект привлек повышенное внимание международного сообщества, которое было обусловлено активизацией внешней политики Китая и изменением его политической роли на глобальной арене. Постепенному росту значимости азиатского гиганта способствовали высокие темпы экономического роста и изменение геополитической конъюнктуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Приход к власти нового поколения китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином совпал с рядом вызовов, связанных с общим замедлением роста мировой экономики, возрастающей конкуренцией мировых держав в Азии и ухудшением внешнеполитических отношений КНР с рядом соседних стран. Выход Китая на лидирующие позиции в международных торгово-экономических отно-

шениях естественным образом привел к росту зависимости Пекина от импорта энергоносителей и от маршрутов морской торговли. В условиях усложнения характера многосторонних международных отношений, характеризующихся наличием большого числа факторов неопределенности, Пекин искал адекватную реакцию на новые вызовы экономической и внешнеполитической стабильности Китая как растущей державы.

Известный китаевед, д.и.н., профессор С.Г.Лузянин отмечал, что Китай рассматривает Евразийское пространство значительно шире в экономическом и интеграционном плане, чем остальные региональные участники. Новая китайская инициатива, фактически, предлагает мегапроект экономического соразвития от Восточной Азии до Европы, где Пекин выступает в качестве геополитического архитектора. Причем, в данном случае, речь идет о не создании некоей евразийской зоны свободной торговли, а, скорее, о развитии экономик, транспортных и инфраструктурных проектов при помощи КНР в Евразии [1].

В сентябре 2013 г. во время рабочей поездки по центрально-азиатским странам председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу о совместном строительстве «Экономического пояса Шелкового пути» [2], месяцем позже, в ходе своего визита в Индонезию, - инициативу «Морского Шелкового пути XXI века». Тогда же впервые была обнародована и идея создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [3]. Обе инициативы вызвали неоднозначные толкования в политических и научных кругах. Проработка проектов на экспертном уровне заняла более полутора лет, в ходе которых они постепенно стали обретать конкретные формы.

Первый официальный документ, в котором были четко сформулированы принципы, структура, приоритетные направления и механизмы сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), был выпущен в марте 2015 г. в ходе Боаоского азиатского форума. Обнародованный документ получил название «Видение и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века» [4].

Заявленная цель этого крупномасштабного проекта - создание новых механизмов экономического развития, которые будут способствовать более эффективному распределению ресурсов в регионе и укреплению рыночной интеграции между государствами Азии, Европы и Африки. Планируемые к реализации инфраструктурные проекты в рамках нескольких экономических коридоров должны объединить более 65 стран вдоль маршрута древнего Шелкового пути.

Важность опубликованного документа заключается в определении 5 основных компонентов со-

трудничества, на развитие которых ориентирована инициатива «Один пояс, один путь».

Среди них выделяется *координация политических усилий*, которая подразумевает постоянный обмен мнениями по различным вопросам стратегии экономического развития для выработки мер и программ по экономической интеграции. Главная задача - «открыть зеленый свет» на политическом и юридическом уровнях для слияния региональных экономик, упрощения таможенных, визовых и иных процедур для облегчения деятельности предпринимателей (как государств региона, так и китайских) и расширения масштабов сотрудничества.

Второй компонент - *развитие инфраструктурной взаимосвязанности* - включает в себя строительство единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря. Китай готов принимать участие в создании транснациональной транспортной инфраструктуры, формировать транспортную сеть, охватывающую Центральную, Восточную, Западную и Южную Азию.

Третий компонент - *стимулирование свободной торговли* - направлен на расширение торговых связей с ликвидацией различных мешающих им бюрократических и юридических барьеров, повышением скорости доставки товаров и созданием соответствующей системы логистики.

Четвертый - *повышение финансовой интеграции* - означает усиление валютных потоков. В настоящее время Китай успешно торгует с рядом стран (в т.ч. с Россией), рассчитываясь не долларами, а национальной валютой. Такую практику планируется использовать и с Казахстаном, и государствами Средней Азии, что должно снизить денежные издержки, защитить финансовую систему от рисков, а также повысить международную конкурентоспособность экономики.

И наконец, пятый компонент - *активизация контактов между людьми* - служит цели дальнейшего укрепления связей между народами. Региональное сотрудничество должно получить поддержку народов всех государств, что позволит заложить социальную базу для развития регионального сотрудничества. Расширение контактов в научно-технической, образовательной и гуманитарной сферах - одно из направлений сотрудничества, чем решается задача выхода китайской культуры за пределы Китая и роста значимости «мягкой силы» во внешней политике его нового руководства.

Конкретные меры по реализации проектов будут включать в себя несколько взаимосвязанных шагов. В одной только сфере инфраструктурного строительства, к которой относятся создание автомобильных и железных дорог, прокладка нефтепроводов и линий электропередач, сооружение мостов и портов, зарождаются огромные финан-

совые возможности. Разработчики концепции попытались в едином документе представить подробный план действий практически по всем аспектам экономического взаимодействия. Механизмы сотрудничества предполагают многоуровневые платформы и многосторонние консультации, подписание меморандумов о взаимопонимании, выработку совместных дорожных карт и запуск двусторонних пилотных проектов. Также предлагается в полной мере задействовать потенциал уже имеющихся двусторонних механизмов взаимодействия - объединенных комитетов, совместных комиссий и координационных групп, созданных с участием Китая и других государств, прежде всего - соседних стран.

Для усиления коммуникационной составляющей сотрудничества и привлечения новых стран предусматривается использование возможностей существующих международных площадок - ШОС, АСЕАН плюс Китай (10+1), АТЭС, Форума «Азия - Европа», Азиатского диалога по сотрудничеству, СВМДА, ЦАРЭС.

Конструктивная роль в развитии инициативы отводится также международным выставкам и форумам на региональном и субрегиональном уровнях. В частности, инициатива «Пояса и Пути» являлась практически обязательным вопросом для обсуждения на политологических конференциях и экономических форумах в Китае и за его пределами. На международном уровне пути реализации китайской идеи рассматривались на форумах - в Стамбуле (декабрь 2014 г.) и в Мадриде (октябре 2015 г.) [6].

Кроме того, в России с 2015 г. проводится международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», организаторами которой выступают Российский совет по международным делам (РСМД) и Китайская академия общественных наук (КАОН). На повестку форума выносятся актуальные вопросы сотрудничества Москвы и Пекина, в т.ч. влияние односторонних санкций и торговых войн на развитие ситуации в Евразии, а также значение гуманитарных контактов и сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс, один путь» [7].

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ И РИСКИ КИТАЙСКОГО МЕГАПРОЕКТА

Выдвинутая Китаем инициатива - попытка поиска новой модели международного взаимодействия, призванной дать положительный импульс мировому развитию, а также способствовать поддержанию всеобщего мира на планете.

Китай не претендует на экономическую гегемонию и не заявляет о своей исключительности. Теоретические основы, на которых базируются главные положения концепции, согласуются с ос-

новными целями Устава ООН и «пятью принципами мирного сосуществования» [8]. Проект полностью открыт для участия всех членов международного сообщества и не ограничивается территорией, исторически относящейся к древнему Шелковому пути [9].

Анализ предложенного варианта действий по совместному строительству «Пояса и Пути» показывает, что от реализации проекта Китай ожидает расширения масштабов своей открытости внешнему миру и укрепления взаимовыгодного сотрудничества со странами-участниками. Не менее важную роль в проекте играет и реализация геополитических целей КНР, а именно - расширение взятых Пекином на себя политических обязательств и международной ответственности в соответствии со своими экономическими способностями.

Вместе с тем, необходимо осознавать наличие для России определенных вызовов и рисков, возникающих в ходе совместной реализации инициативы. Развитие транспортных магистралей и создание высокоскоростного транспортного коридора для транзита китайских грузов в Европу может привести к снижению загруженности российского Транссиба и БАМа, а фокус на развитии сырьевых проектов может стать причиной полной экономической зависимости других участников кооперации от более сильного в финансовом плане партнера.

Большим вызовом для Китая на пути практической реализации инициативы «Один пояс, один путь» является выстраивание геополитических отношений с центрально-азиатскими странами и Россией.

Центральная Азия очень непростой регион, здесь переплетаются интересы и сталкиваются противоречия не только России, США, Европы, Китая, Индии, Ирана и Турции, но и отношения между самими государствами региона оставляют желать лучшего. А потому для Китая, как инициатора нового интеграционного проекта, необходимо будет приложить определенные усилия, направленные если не на устранение (что видимо, невозможно), то, хотя бы, сглаживание этих противоречий.

Что касается КНР, определенный риск для него имеют культурные и ментальные различия со странами-участницами проекта, особенно с учетом того, что общее число стран достигает нескольких десятков. Единственным консолидирующим фактором, способным объединить столь различные страны, выступают возможности Китая по кредитованию экономик государств региона.

Одним из главных вызовов для России и государств региона является отсутствие наполнения ЭППП конкретными проектами. Согласованный в марте 2017 г. список инфраструктурных проек-

тов в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП до сих пор не опубликован в полном объеме. Известно лишь, что проекты касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов [10].

В итоге, остается не очень понятным, что же предполагает ЭПШП, кроме создания транспортно-логистической, торговой и финансовой инфраструктуры. Чтобы снять эти опасения, Пекину необходимо предложить конкретные прорывные проекты, такие, как, например, известная сеть газопроводов «Средняя Азия - Китай». Однако сделать это будет очень сложно, учитывая приоритетную ставку Пекина на сотрудничество в сырьевом секторе, предоставление льготных кредитов и поставку основного спектра продукции широкого потребления.

Кроме того, необходимо учитывать, что, помимо сотрудничества в энергетическом секторе и создания транспортных коридоров, Китай в последнее время начал активно скупать наиболее привлекательные активы за рубежом. Параллельно Пекин планирует перенести часть своих производств в соседние страны и уже превратился в основного кредитора целого ряда стран. Учитывая тактику КНР по экспорту своей рабочей силы на места реализации инфраструктурных проектов, представляется, что транспортные проекты смогут не только обеспечить Китаю контроль над перемещением товаров, услуг, капиталов, людей, но и значительно расширят его демографическое и, следовательно, геополитическое присутствие в той или иной стране.

Именно по этим причинам при реализации всех предлагаемых Китаем проектов, в первую очередь, необходим учет национальных интересов государств региона. По каждому из них должны быть проведены не только полноценное технико-экономическое обоснование (ТЭО), но и маркетинговые исследования, учитывающие потребности и возможности национальной экономики, а также те риски, которые могут возникнуть в процессе реализации проектов.

В Центральной Азии пересекаются интересы крупнейших мировых держав. Свои концепции развития региона предложили члены Евразийского экономического союза, Китай и США [11]. От того, какая из них будет реализована, зависит направление мирового экономического развития в ближайшем десятилетии.

Пока больше шансов на претворение в жизнь имеет инициатива Китая. Наиболее привлекательным структурным составляющим элементом китайского проекта является применение такого формата сотрудничества, при котором выиграют все участники. При этом Пекин готов давать гарантии многосторонней открытости, способствовать практическому взаимодействию во всех сфе-

рах и тем самым формировать «сообщество общей судьбы» [12].

Страны, расположенные в регионе «Пояса и Пути», обладают уникальными ресурсами, их экономические базы дополняют друг друга, и у подобного сотрудничества есть огромный потенциал для развития. Если говорить о России, то ей участие в проекте принесет развитие инфраструктуры, дальнейшую диверсификацию направлений поставок энергоносителей и укрепление инвестиционного сотрудничества с КНР. У стран Центральной Азии - большой транзитный потенциал. Так, Казахстан за счет своего географического расположения в центре Евразии может стать оптимальным наземным транспортным звеном в цепочке Европа - Россия - Китай. Узбекистан получает возможность стать крупным логистическим центром для грузопотоков из Туркменинии, Афганистана, Ирана и получать доходы от транзита грузоперевозок. Пекин же сможет усилить свои позиции в Центральной Азии и замкнуть на себе грузопоток из Юго-Восточной Азии на Европу. Его дополнительное преимущество - значительные финансовые ресурсы.

Для финансирования региональных проектов Китай еще в 2013 г. выступил с инициативой создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [13], и не случайно детали концепции «Пояса и пути» были опубликованы лишь за три дня до окончания срока подачи заявок на присоединение к этой финансовой организации.

Выдвинутое Китаем предложение о создании АБИИ и Фонда Шелкового пути уже стало приносить первые плоды. К АБИИ, уставной капитал которого составляет \$100 млрд, помимо азиатских стран, присоединился и ряд ведущих западноевропейских государств - Германия, Франция, Италия, Великобритания. Из \$40 млрд уставного капитала Фонда Шелкового пути \$10 млрд уже поступили на счет и будут направлены на реализацию инвестиционных проектов.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНЫХ УСИЛИЙ

К 2017 г. инициативу «Один пояс, один путь» поддержали более 100 стран и международных организаций. Меморандумы о взаимопонимании подписаны с более чем 40 странами и международными организациями [14]. В мае 2015 г. лидерами России и Китая было подписано Совместное заявление о сопряжении Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» [15]. В 2016 г. Казахстан договорился о сопряжении своей национальной программы развития «Светлый путь» («Нурлы Жол») с китайской инициативой ЭПШП [16].

В рамках создания многосторонних международных экономических коридоров летом 2016 г.

после переговоров лидеров России, Китая и Монголии на полях ШОС в Ташкенте была подписана программа экономического коридора трех стран, включающая свыше 30 перспективных проектов, и был согласован план по строительству экономического коридора «Китай - Монголия - Россия» [17].

Важным событием, характеризующим одновременное окончание первого и запуск второго этапа реализации инициативы ОПОП, стал международный форум в Пекине в мае 2017 г., собравший более 1500 тыс. участников из 130 стран и которому предшествовал ряд экспертных встреч и консультаций по различным аспектам «Экономического пояса Шелкового пути» [18].

На форуме председатель КНР Си Цзиньпин обратился к лидерам мировых держав с призывом отказаться от протекционизма в пользу глобализации. Долгоиграющая и успешная глобальная стратегия является хорошим поводом не только войти в историю, но и, возможно, остаться нынешнему лидеру во главе государства еще на один срок. Прошедший в Пекине форум высокого уровня стал заявкой Китая на более заметную роль в определении правил игры на глобальной сцене.

По регламенту, который был заявлен на новой площадке, следующая встреча лидеров стран-участниц китайской инициативы состоялась в Пекине в 2019 г.

Второй саммит «Пояса и пути» получился более представительным, чем первый: в нем приняли участие 37 глав государств и правительств (против 29 лидеров в 2017 г.), включая главу МВФ К.Лагард и Генерального секретаря ООН А.Гутерреша. Приехали лидеры стран ЕС, хотя первый форум главы ЕС бойкотировали в полном составе.

Геополитическим посылом второго форума «Один пояс, один путь» стало заявление окончательной позиции Китая о готовности противостоять конфронтационным усилиям США.

В контексте противостояния Пекина и Вашингтона в Евразии Москве отводится одна из ведущих ролей. Как отмечают ведущие российские китаеведы, формирование «неамериканского мира» в Большой Евразии осуществляется через сопряжение и взаимодействие в рамках ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь». Специфика этого формирования заключается в использовании равных подходов и признании равных прав на освоение евразийского пространства [19].

Ключевой характеристикой инициативы ОПОП является тот факт, что она имеет прочную культурно-цивилизационную основу: отсылка к исторической роли стран-участниц проекта в развитии Древнего шелкового пути является мощным объединяющим фактором для госу-

дарств с таким разным уровнем экономического и политического потенциала, как страны Центральной Азии, КНР и Пакистан. В этом смысле Китай выступает не только как экономический, но и как «идейный» лидер, предлагающий свое решение региональных проблем.

Достигнутые по итогам первого этапа реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» результаты показывают, что этот проект является важнейшей программной стратегией КНР, имеющей как социоэкономический, политико-дипломатический, культурно-цивилизационный, так и геополитический аспекты. Ее цель - обеспечить китайские интересы, прежде всего, вблизи китайских границ, а по возможности - и далее.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ В ЕВРАЗИИ

К экономическим интересам Китая относятся обеспечение собственной экономики сырьем, производимой продукции - рынками сбыта, а рабочей силы - работой. Поскольку в самом Китае во всем этом наблюдается нехватка, единственная возможность решить проблему - это «выход вовне».

Политические интересы Китая сводятся, в первую очередь, к обеспечению его экономических интересов и поддержанию безопасности на евразийском пространстве. Проект ЭПШП призван развивать торгово-экономические отношения Китая с партнерами по региону через содействие их экономическому развитию, которое, в свою очередь, способствует сохранению стабильной политической обстановки в этих государствах.

Кроме того, в чисто геополитическом плане Пекин противодействует политике США и Запада в соседних с Китаем регионах, которая, по его мнению, подрывает там выгодную ему стабильность, а также направлена на сдерживание экономического роста в самом Китае и ограничение его растущего влияния в мире.

Однако китайские декларации о полном совпадении собственных интересов с интересами партнеров не всегда соответствуют тому, что делается на практике. На примере стран ЦА виден риск критического усиления контроля Китая над инфраструктурными объектами Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, поскольку основная часть работ по строительству, модернизации и последующему обслуживанию указанных объектов осуществляется китайской стороной [20].

Предоставляя инвестиции, Китай регулярно выдвигает в качестве обязательного условия использование его собственных технологий и рабочей силы. К тому же представители китайского бизнеса не всегда соблюдают местное природоохранное законодательство и т.п. Однако все эти вопросы можно регулировать. Как китайские ча-

стные компании, так и госструктуры идут на диалог, воспринимая аргументы партнеров.

Важнейшим свидетельством возможности договариваться с китайскими партнерами является согласие Китая на сопряжение ЭПШП и ЕАЭС. Несмотря на отрицательные заключения многих китайских экспертов, Пекин пошел на сопряжение, очевидно, восприняв российские доводы о том, что сотрудничать с единым таможенным пространством ЕАЭС по ряду направлений проще и выгоднее, чем на двусторонней основе с каждым из членов объединения.

В мае 2017 г. в ходе экономического форума в Астане было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, которое заложило юридические основы для развития взаимодействия. В октябре 2019 г. указанное соглашение вступило в силу, запустив практическую фазу процесса устранения взаимных барьеров в трансграничной торговле. Положения Соглашения позволяют создавать рабочие группы с участием представителей всех заинтересованных сторон для обсуждения различных вопросов, включая устранение нетарифных барьеров, обсуждение таможенного сотрудничества, прав интеллектуальной собственности, развитие электронной коммерции, вопросов фитосанитарного и ветеринарного контроля [21].

Перспективной представляется идея о своеобразном разделении «специализаций» в процессе сопряжения, в соответствии с которой Россия займется вопросами безопасности, ЕАЭС - нормативной базой сотрудничества, а Китай - инвестициями в инфраструктуру и развитие.

Для внешней политики России, которая уделяет все больше внимания проекту создания Большой Евразии, укрепление ЕАЭС и развитие отношений с Китаем приобретают ключевое значение.

В условиях санкций со стороны стран Запада, от успеха реализации этих двух направлений взаимодействия во многом связано будущее развитие России, становление ее в качестве независимого центра мировой политики, успех решения стратегической задачи модернизационного роста, а также социально-экономического развития ее восточных регионов. В этом плане значение успешной реализации идеи сопряжения этих двух проектов трудно переоценить.

При этом перед Россией стоит сложная задача сохранения своего политического влияния и экономических позиций в Центрально-Азиатском регионе. Ряд экспертов полагает, что деятельность Пекина в ЦА необходимо рассматривать в контексте понимания региона как особой буферной зоны в центральной части Евразии, нейтрализующей избыточный геополитический потенциал отдельных государств на ее окраинах [22].

Нам же наиболее перспективным представляется такой вариант действий, при котором Москва будет искать точки сопряжения китайской инициативы «Один пояс, один путь» с Евразийским экономическим союзом и ШОС. Остальным региональным игрокам, участвующим в проекте, предстоит оценить, насколько равным окажется сотрудничество, и что им придется отдать взамен инвестиций, которые обещает Пекин.

России и государствам Центральной Азии необходимо воспользоваться создавшимся положением, заинтересованностью набирающего силу Китая в сотрудничестве, использовать его мощный потенциал в интересах собственного развития. Необходимо в скорейшее время выдвинуть согласованную в рамках ЕАЭС программу наполнения концепции сопряжения конкретными инфраструктурными и иными проектами. Желательно, чтобы эта концепция имела целостное и системное содержание, позволяющее продвигать ее как на политическом уровне и в публичном пространстве - в виде четкой и понятной идеи по поводу того, каким Россия и ее партнеры хотят видеть тот или иной регион, так и на уровне управленческого взаимодействия, когда речь идет о реализации конкретных проектов. Недостаток такого рода идей и концепций в современной российской политике еще существует.

Для оптимизации имеющегося у России политического ресурса следует также существенно повысить активность ШОС, переориентировав ее на поддержку экономических проектов и координацию экономического сотрудничества в целом. При этом необходимо обеспечить подключение к этой работе государств Центральной Азии, не входящих в ЕАЭС, а также таких крупных и заинтересованных государств, как Индия, Пакистан, Иран, Монголия и других членов и наблюдателей организации.

* * *

В глобальном масштабе инициатива «Один пояс, один путь» означает начало нового финансового миропорядка. Успешный запуск АБИИ позволяет наиболее динамично развивающимся государствам Азии получать инвестиции от финансового института, который не ставит обязательным условием следование «прозападным» моделям развития. Следствием этого может стать снижение роли МВФ и Всемирного банка, которые до сих пор обеспечивали финансовое преимущество западных стран в мировой экономике.

В случае успешной реализации китайский проект станет одним из главных факторов формирования международных отношений нового типа, основополагающим мотивом которых будет сотрудничество и выигрыш всех участников на основе новой мировой финансовой архитектуры.

Список литературы / References

1. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. М., ИДВ РАН. 2016, 41 с. (Luzianin S.G. 2016. Absorption, conjunction or conflict? SCO, Chinese project Silk Road and EAEU: possible options of cooperation in Eurasia. M.) (In Russ.)
2. Си Цзиньпин предложил создать «Экономический коридор Шелкового пути». *Синьхуа*. 07.09.2013. (Xi Jinping has offered to create Silk Road Economic Belt. *Sinhua*. 07.09.2013) (In Russ.). http://www.russian.news.cn/china/2013-09/07/c_132700806.htm (accessed 15.08.2019)
3. Совместно построить новый «морской Шелковый путь». *Синьхуа*. 04.10.2013. (Jointly build new Maritime Silk Road. *Sinhua*. 04.10.2013) (In Russ.). http://www.russian.news.cn/china/2013-10/04/c_132771322.htm (accessed 15.08.2019)
4. Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce of the PRC. 28.03.2015. http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed 29.11.2017)
5. Гафуров С. Китай пытается изменить мировую финансовую систему под себя. *Взгляд*. 14.01.2015. (Gafurov S. China tries to change the world's financial system to fit itself. *Vzglyad*. 14.01.2015) (In Russ.). <https://vz.ru/economy/2015/4/14/739927.html> (accessed 29.11.2017)
6. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству. *Азия и Африка сегодня*. 2016, № 2, с. 8-12. (Ostrovsky A.V. 2016. Chinese project "Silk Road Economic Belt" - the way towards international economic cooperation. *Asia and Africa today*. № 2) (In Russ.)
7. Кузьмина К.А. Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 11, с. 55-60. (Kuzmin K.A. 2019. Russia and China: cooperation in new epoch. *Asia and Africa today*. № 3) (In Russ.)
8. Agreement (with exchange of notes) on trade and intercourse between Tibet Region of China and India. signed at Peking on 29 April 1954. *United Nations Treaty Series*. 29.04.1954, vol. 299, pp. 57-81. <http://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf> (accessed 19.07.2019)
9. Кулинцев Ю.В. «Один пояс - один путь»: инициатива с китайской спецификой. *Российский совет по международным делам*. 22.05.2015. (Kulintsev Y.V. One Belt - One Road: initiative with Chinese characteristics. Russian International Affairs Council. 14.01.2015) (In Russ.). http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868 (accessed 19.07.2019)
10. Сопряжение ЕАЭС и ЭППШ приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов. Евразийская экономическая комиссия. 01.03.2017. (Conjunction of EAEU and SREB becomes real: the list of infrastructure projects have been confirmed. Eurasian Economic Commission. 01.03.2017) (In Russ.). <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx> (accessed 19.07.2019)
11. Малиновская М. ЕАЭС, Китай, США: чья стратегия развития Центральной Азии выиграет? *Евразийский коммуникационный центр*. 21.11.2014. (Malinovskaya M. EAEU, China, USA: whose strategy of Central Asia development will win? *Eurasian Communication Center*. 21.11.2014) (In Russ.). <http://www.eurasiancenter.ru/infrastructure/20141121/1003776366.html> (accessed 19.07.2019)
12. Закрытие БАФ-2015: основное внимание на «Сообщество общей судьбы» и «Один пояс, один путь». *Жэньминь Жибао*. 30.03.2015. (Close of BAF-2015: main attention to «Community of the common destiny of mankind» and to «Belt and Road Initiative». *Renmin Ribao*. 30.03.2015) (In Russ.). <http://russian.people.com.cn/n/2015/0330/c95181-8871312.html> (accessed 19.07.2019)
13. An Asian infrastructure bank. Only connect. *The Economist*. 04.10.2013. <http://www.economist.com/blogs/analects/2013/10/asian-infrastructure-bank-1> (accessed 19.07.2019)
14. Стратегия экономического развития «Один пояс, один путь». *РИА-Новости*. 14.05.2017. (The strategy of economic development «Belt and Road Initiative». *RIA-Novosti*. 14.05.2017) (In Russ.). <https://ria.ru/spravka/20170514/1494097368.html> (accessed 19.07.2019)
15. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭППШ. 08.05.2015. (The joint statement of Russian Federation and People's Republic of China on cooperation for construction of EAEU and SREB. 08.05.2015) (In Russ.). <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 19.07.2019)
16. Сухарева О. Шелковый путь: безальтернативность северного маршрута. *Ритм Евразии*. 30.06.2016. (Sukhareva O. Silk Road: no alternative to the northern rout. *Ritm Evrazii*. 30.06.2016) (In Russ.). <https://www.ritmurasia.org/news-2016-06-30-shelkovyj-put-bezalternativnost-severnogo-marshruta-24422> (accessed 12.08.2019)
17. Латухина К. Россия, Китай и Монголия создадут экономический коридор. *Российская газета*. 23.06.2016. (Latukhina K. Russia, China and Mongolia will open economic corridor. *Rossiyskaya gazeta*. 23.06.2016) (In Russ.). <https://rg.ru/2016/06/23/rossiya-kitaj-i-mongoliia-sozdatut-ekonomicheskij-koridor.html> (accessed 12.08.2019)
18. В Пекине открылся форум высокого уровня «Один пояс - один путь». *РИА Новости*. 14.05.2017. (The high level forum «One Belt, One Road» has opened in Beijing. *RIA-Novosti*. 14.05.2017) (In Russ.). <https://ria.ru/world/20170514/1494250680.html> (accessed 19.07.2019)
19. Лузянин С.Г. «Россия - Китай» или «Великая Америка». Будет ли конец истории? *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 8, с. 2-4. (Luzianin S. 2019. "Russia-China" or "Great America". Will the end of history happen? *Asia and Africa today*. № 8) (In Russ.)
20. Сафронова Е. Проект ЭППШ и российско-китайский диалог. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 3, с. 2-9. (Safronova E. 2019. SREB project and Russian-Chinese dialogue. *Asia and Africa today*. № 3) (In Russ.)
21. Кофнер Ю. Соглашение ЕАЭС с Китаем создаст платформу для устранения торговых барьеров. *Российский совет по международным делам*. 12.11.2019. (Kofner Y. Agreement between EAEU and China creates a platform to eliminate trade barriers. *Russian international Affairs Council*. 12.11.2019) (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34910/> (accessed 15.01.2020)
22. Михалев М. «Пояс и путь»: перспективы в Центральной Азии. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 7, с. 18-23. (Mikhalev M. 2019. "Belt and Road": prospects in Central Asia. *Asia and Africa today*. № 7) (In Russ.)

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

© 2020 Е. ДУНАЕВА, В. САЖИН

DOI: 10.31857/S032150750009542-8

ДУНАЕВА Елена Викторовна, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН; доцент кафедры экономики и экономгеографии стран Азии и Африки ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова (elena-vd@list.ru)

САЖИН Владимир Игоревич, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВРАН, профессор (vsaj1@yandex.ru)

Резюме. В статье анализируются основные тенденции социально-экономического и политического развития ИРИ после выхода США из СВПД и возвращения американских санкций. Появление новых вызовов: усиление конфронтации с США в регионе, экономический спад, рост внутреннего протестного потенциала, противостояние политических элит, радикализация власти, пандемия коронавируса - угрожает стабильности исламского режима.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, США, СВПД, санкции, экономическая рецессия, социальные протесты

ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN FACES NEW CHALLENGES

Elena V. DUNAEVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, College of Afro and Asian Studies Lomonosov Moscow State University (elena-vd@list.ru)

Vladimir I. SAZHIN, PhD (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (vsaj1@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the main trends in the socio-economic and political development of the Islamic Republic of Iran after the US withdrawal from JCPOA and returning the unilateral sanctions. The authors review the current state of the nuclear deal and Iran's gradual refusal to fulfill its obligations and assess the possibilities of preservation of Iran nuclear deal in current conditions. Iran faces new challenges in 2019 such as increased confrontation with the United States as a result of tougher US sanctions especially in the oil sector. Iran -US standoff in the region intensified.

The situation in the country was aggravated by the economic recession especially in the oil industry, high inflation and unemployment, which led to a decline in living standards and an increase in protest potential. Rising petrol prices by the Government in November 2019 triggered massive and destructive protests in the country. Protesters shouted slogans against the country's leaders and Islamic regime. There was a widespread crackdown against demonstrators. In recent years the growth of protests turns into a major challenge to the regime.

The political situation is extremely complex. Domestic power struggle is intensifying. In February 2020 conservatives won the parliamentary elections. Strengthening the hardliners will lead to the fact that tensions between Iran and the United States will continue to grow

Coronavirus epidemic swept the country and it is causing serious economic damage.

These challenges are a threat to the stability of the regime. In this situation, the most real way to resolve problems is to step up the negotiations with JCPOA's partners and establish contacts negotiate with the United States through them.

Keywords: Islamic Republic of Iran, USA, JCPOA, sanctions, economic downturn, social protests

Антииранская политика Д.Трампа, осуществляемая им с момента прихода к власти, привела к выходу США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2018 г. и вводу жестких санкций, подрывающих иранскую экономику. Однако к весне 2019 г. стало ясно, что цель американского президента - нанесение экономического ущерба ИРИ, с тем, чтобы спровоцировать социальные потрясения в стране, которые могли бы привести к смене режима, так и не достигнута. Несмотря на психологическое давление и санкции, Ирану удается выживать, поддерживать внутреннюю стабильность и сохранять свои позиции на Ближнем Востоке. В мае 2019 г. США усилили санкционный нажим, сняв льготы для 8 стран-импортеров иранской нефти,

пытаясь полностью «обнулить» ее экспорт и оказать максимальное давление на экономику ИРИ.

Как представляется, администрация Д.Трампа несколько сместила акценты в своей политике, поставив задачу заставить иранское руководство вновь сесть за стол переговоров со Штатами на их условиях по более широкому кругу вопросов, начиная от ядерной и ракетной программ, деятельности Тегерана на Ближнем Востоке и заканчивая правами человека. В случае реализации этого плана, безусловно, политика ИРИ претерпела бы кардинальные изменения.

Вызов, брошенный Д.Трампом Ирану, создает сложную ситуацию внутри страны и вокруг нее, порождая все новые вызовы.

ИРАН, США И СВПД

Выход США из СВПД расшатал ядерную сделку, что в перспективе может обернуться катастрофическими последствиями. Хотя Великобритания, Франция и Германия как участники СВПД выступили против антииранской политики Д.Трампа, они в то же время были не в состоянии заставить предпринимателей своих стран работать в Иране или с Ираном в условиях жестких санкционных мер США. Тегеран выжидал и надеялся на Европу. Однако за прошедшие почти два года страны ЕС так и не смогли отладить работу механизма INSTEX¹, обещанного ими Ирану в целях сохранения СВПД.

Религиозно-политическое руководство ИРИ, стремившееся сохранить СВПД в условиях ужесточения санкций и невыполнения странами ЕС своих обязательств, решило не выходить одномоментно из ядерной сделки. Тегеран объявил о постепенном сокращении выполнения части своих обязательств, как бы давая знак европейским столицам, что готов к полному возвращению в СВПД в любой момент, когда партнеры облегчат санкционный груз. Одновременно Иран призвал других участников полностью выполнять условия соглашения (то есть противодействовать США и осуществлять обход американских санкций).

Россия и Китай настоятельно советовали Тегерану не расширять масштабы своего невыполнения положений, оговоренных в соглашении.

Однако с мая 2019 г. Тегеран приступил к претворению в жизнь своего плана, который предусматривал поэтапную приостановку выполнения некоторых пунктов ядерной сделки. В 2019 г. иранцы осуществили задуманную акцию в *4 этапа* (каждый по 60 дней), четырежды предоставляя Западу шанс вернуться к СВПД. Однако, не получив адекватного ответа, они шаг за шагом снижали уровень своих обязательств.

За это время Иран значительно преуспел в восстановлении своей ядерной инфраструктуры. Было увеличено допустимое количество хранимого обогащенного урана и тяжелой воды, увеличен уровень обогащения с 3,76% до 4,5%; введены в стадию испытаний и задействованы в производстве новейшие и более эффективные центрифуги, что запрещено СВПД; возобновился процесс обогащения урана на заводе Фордо, что также недопустимо в рамках ядерной сделки. Планируется возобновить работу тяжеловодного реактора в г. Арак, способного нарабатывать до 10 кг оружейного плутония в год, что вполне достаточно для двух ядерных плутониевых зарядов. При этом Тегеран сохранил сотрудничество с МАГАТЭ и постоянно заявляет о том, что готов вернуться к условиям соглашения в случае снятия американских санкций.

6 января 2020 г. начался *5-й этап*. Тегеран заявил, что «Иран окончательно отказывается от ограничений по ядерной сделке, прежде всего касающихся числа центрифуг. Таким образом, иранская ядерная программа не будет иметь никаких ограничений в части производства, включая мощности по обогащению, процентное соотношение и количество обогащенного урана, а также исследования в этой области и дальнейшее ее развитие [1].»

Пятый этап, по существу, характеризуется выходом ИРИ из СВПД де-факто, а это может привести к не желаемым последствиям. Примечательно, что при этом Иран не выходит из соглашения де-юре. И это объясняется тем, что, в соответствии с положениями СВПД, в июле 2020 г. истекает срок эмбарго для ИРИ на экспорт - импорт вооружения и боевой техники.

В ответ на действия Тегерана по дискредитации СВПД Лондон, Париж и Берлин заявили о запуске механизма урегулирования споров, предусмотренного в этом документе.

В настоящее время в связи с эпидемией коронавируса этот процесс приостановлен. Однако вопрос в перспективе может быть вынесен в Совбез ООН. А там, если резолюция о сохранении режима отмены санкций в отношении ИРИ принята не будет, значит, Совбез вновь введет санкционные меры против Ирана, которые будут носить международный характер.

Евросоюз, со своей стороны, может присоединиться к США и ввести против ИРИ свою порцию односторонних санкций.

В этих условиях иранцы также могут резко отреагировать на вызовы европейцев и выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), к чему уже давно призывают наиболее радикальные круги в стране, а также и из-под контроля МАГАТЭ. Тем самым Иран откроет себе свободный путь для безотчетного и полномочного развития ядерной программы, в т.ч. ее военной составляющей.

Конечно, на следующий день ИРИ не создаст ядерного оружия. Для восстановления ядерной инфраструктуры, которая была до 2015 г., потребуется не один месяц. Даже если исключить политическое, экономическое и киберпротивостояние со стороны оппонентов ИРИ, создание Ираном ядерного оружия займет не один год. Отметим, что накануне вступления в силу СВПД сроки создания ядерного взрывного устройства в ИРИ оценивались в 4-6 лет, при этом не учитывались возможности создания носителей ядерного оружия.

Но, пожалуй, не это главное. Нельзя не учитывать реакцию Израиля и США на бесконтрольное развитие ядерного потенциала ИРИ. В этом случае вероятность удара Израиля и/или США по иранским ядерным объектам приблизится к 100%.

¹ INSTEX (Instrument for Supporting Trade Exchanges) - инструмент по поддержке коммерческих транзакций для обхода санкций, разработанный Великобританией, Францией и Германией (прим. авт.).

А это война. Можно, конечно, спорить, насколько ракетно-бомбовые удары (других быть не может) нанесут достаточный урон ядерной инфраструктуре Ирана и затормозят развитие ядерной сферы, но то, что это будет началом серьезного конфликта в регионе, который взорвет и так тлеющий и временами горящий Ближний Восток, в этом сомнений нет.

НАКАНУНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 ИРИ И США БАЛАНСИРОВАЛИ НА ГРАНИ ВОЙНЫ

К началу 2020 г. напряженность в отношениях между Ираном и США достигла апогея. Две страны оказались на грани большой войны.

Эскалация напряженности началась еще в мае 2019 г. Тогда Тегеран, год ожидавший разрешения конфликта вокруг ядерной сделки в связи с вводом санкций, потерял надежду и перешел к решительным действиям.

Летом разразилась «танкерная война» в Персидском заливе. Корпус стражей исламской революции (КСИР)² уничтожил американский беспилотник [2], нефтяные объекты Саудовской Аравии были поражены иранскими ракетами, иранские хакеры активизировали кибератаки против США [3]. Напряжение в регионе нарастало. Казалось, что США вот-вот ударят по иранским объектам. Стало известно, что в случае с дроном президент США изначально одобрил нанесение удара по таким иранским целям, как радары и ракетные батареи.

Следующая волна ирано-американского противостояния обрушилась на Ближний Восток в конце декабря 2019 г. Всё началось с обстрела американской военной базы в Ираке в районе Киркука. США возложили ответственность за эти действия на группировку «Хезболла», курируемую Тегераном, и нанесли авиаудары по иранским объектам на территории Сирии и Ирака, что привело к вспышке антиамериканских настроений в Багдаде, где иракские шииты попытались взять штурмом посольство США.

Такое развитие событий побудило Д.Трампа отдать приказ об уничтожении иранского генерала Касема Сулеймани, командующего Силами специального назначения «Кодс», входящими в КСИР. Свои действия американцы объясняют тем, что это он стоял за атакой на американские базы в Ираке и посольство в Багдаде. Конечно, этот акт американцев на территории третьей страны явился полным нарушением международных норм.

В ответ иранские власти приняли решение «жёстко ответить» на гибель легендарного генерала. Всё свидетельствовало о том, что война неми-

нуема. Однако, несмотря на жесткую и провокационную риторику по отношению друг к другу, ни Тегеран, ни Вашингтон не хотели большой войны.

Именно поэтому сразу же после убийства генерала К.Солеймани между США и Ираном начался активный обмен секретными посланиями через сотрудников посольства Швейцарии в Тегеране с целью не допустить эскалации конфликта [4]. Очевидно, обе стороны пришли к осознанию катастрофичности усиления конфронтации.

Иранцы, чтобы сохранить свое лицо, не могли оставить без ответа коварное убийство известного генерала, но в то же время не стремились к дальнейшей эскалации. В ответ они нанесли удар по авиабазе США «Аль-Асад» в Ираке. Жертв не было, только раненые. Глава МИД ИРИ М.Дж.Зариф заявил, что «целью этой атаки не было убийство американских солдат. Задачей было послать четкий сигнал. Тегеран хотел продемонстрировать США, что Иран нельзя притеснить и действия против Ирана будут иметь последствия» [5].

Напряжение вокруг ирано-американского конфликта несколько спало. Ясно, что в ближайшее время широкомасштабной войны не предвидится. Иран и США при всей конфронтационности отношений не заинтересованы в большой войне. Пока [6].

При нынешнем состоянии отношений Иран - США, которые находятся в «серой зоне», где идет, по сути, жесткая гибридная война, и любой, даже на первый взгляд, незначительный эпизод способен привести к катастрофическим последствиям. Некоторые американские политологи предупреждают, что нынешняя ситуация в американо-иранских отношениях чревата опасностью: США, безусловно, и впредь будут пытаться давить и оказывать влияние на любые контакты с Ираном [7].

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИРАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ввиду усиления санкционного режима в 2019 г. экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. Рецессия, наблюдавшаяся в 2018 г. усугубилась, падение ВВП за 9 месяцев 1398 г. (2019/2020 г.)³ составило -7,6%. Согласно прогнозам Всемирного банка, по итогам года спад может составить -8,7%, что связано с резким сокращением объемов экспорта нефти [8].

В настоящее время Иран официально не предоставляет каких-либо данных о продаже углеводородов, поскольку, пытаясь обойти санкции, использует черные схемы экспорта [подробнее см.: 26, с 24-31]. По разным оценкам, уровень продаж составляет от 100 тыс. до 500 тыс. барр.

² КСИР - элитный компонент вооруженных сил ИРИ. Оказывает влияние на высшие эшелоны власти и силовые структуры, политику и экономику (прим. авт.).

³ Иранский новый год начинается 21 марта и заканчивается 20 марта следующего года по Григорианскому календарю (прим. авт.).

в день⁴. Таким образом, ежегодные доходы Ирана от экспорта нефти снизились более чем на \$10 млрд [9].

Именно отрицательная динамика в нефтегазовом секторе (-37%) обусловила отрицательные темпы экономического роста. В то же время, в отличие от 2018/19 г., когда падение ВВП без учета нефти составило минус 2,1%, в 2019/2020 г. отмечен минимальный, но положительный тренд: объем ВВП без учета нефти показал рост 0,9%, а в секторе сельского хозяйства +3,4%, строительстве - +9,6%, и промышленности - +2% [10]. Эти примеры позволяют говорить о том, что страна преодолела шок от усиления американских санкций, и правительство пытается, мобилизовав свои ресурсы, стабилизировать ситуацию.

В 2019 г. был приостановлен процесс обеспечения риала, рост национальной валюты значительно замедлился, и его курс, в целом, не отличался большой волатильностью.

Одной из основных проблем иранской экономики на протяжении и 2018, и 2019 гг. оставалась инфляция. Темпы ее роста за последний год составили 35,1% [11]. Правительство, несмотря на попытки регулирования цен, обеспечения прозрачности в выделении валюты импортерам, введении ограничений на ввоз предметов роскоши, не сумело сдержать рост потребительских цен. В результате, цены на продовольствие в городах возросли более чем на 40%, а промтоваров на 28-35%, что привело к снижению покупательной способности населения. Попытки выровнять ситуацию путем повышения зарплат, пособий, выплат адресной помощи не смогли ослабить процесс удорожания в связи с девальвацией риала и только привели к росту денежной массы в обращении, составившему за последний год 29% [12].

Пытаясь компенсировать дефицит бюджета, спровоцированный сокращением нефтяных доходов, правительство в рамках стратегии «экономика сопротивления» уделяет большое внимание импортозамещению с целью добиться самообеспечения и развития ненефтяного экспорта. Несмотря на сложную ситуацию в производственном секторе, подвергшемся санкциям, лишенным возможности импортировать новые технологии, в 2019/2020 гг. иранский автопром сумел локализовать производство значительной части комплектующих на местных производствах, отказавшись от закупки деталей за рубежом и сэкономив 16,7 млн евро [13].

Экспорт ненефтяной продукции за последний год составил \$38,5 млрд, сократившись по сравнению с предыдущим годом только на 4,5%.

Он становится одним из источников пополнения доходной части бюджета в условиях резкого сокращения поступлений от нефти. Основными направлениями иранского ненефтяного экспорта продолжают оставаться Китай - 23%, Ирак - 22%, Турция - 12,9% и ОАЭ - 10,6%⁵. Объем вывоза этого продукта вполне сопоставим с объемом импорта, который уже второй год в стоимостном выражении сохраняется на уровне \$40 млрд [14].

Необходимость полной мобилизации внутреннего потенциала для обеспечения роста производства, подчеркнул духовный лидер страны Али Хаменеи, объявив новый 1399 г. годом «производственного скачка». При этом особое внимание должно будет уделяться дальнейшей диверсификации производства, созданию новых мощностей в нефтехимической промышленности и продвижению экспорта в азиатские государства.

В этой связи надо отметить и вступление в силу в октябре 2019 г. Временного соглашения о зоне свободной торговли между Ираном и ЕАЭС. Иранская сторона, согласно договоренностям, получила преференциальное импортное покрытие в объеме 49% от всех своих поставок в ЕАЭС. По итогам 2018 г., экспорт ИРИ увеличился в страны Союза более чем на 27%, а согласование тарифных преференций по продукции сельского хозяйства, строительным материалам, коврам, изделиям из цветных металлов позволяет и далее наращивать объемы экспорта [15].

В то же время, несмотря на некоторые положительные тенденции в экономике, ситуация, в целом, остается очень сложной. Сокращение доходов не позволит правительству даже при использовании резервов Национального стабилизационного фонда поддерживать производство, реализовывать свои социальные обязательства.

Вступив в новый иранский 1399 г., как признают многие экономисты, политологи, социологи, Иран в условиях политики максимального давления со стороны США, неприсоединения к резолюциям ФАТФ⁶ и перевода ИРИ в «черный список» этой организации, а также с учетом ущерба от природных катаклизмов и, особенно, захватившей всю страну эпидемии коронавируса, без структурных изменений в экономической и социально-политической сферах и достижения договоренностей со странами Запада, сможет лишь ограниченное время «продержаться на плаву». Время ее выживания за счет созданного в предыдущие десятилетия запаса прочности сильно лимитируется новыми жесткими вызовами исламскому режиму.

⁴ В апреле 2018 г. Иран экспортировал около 2,5 млн барр. нефти в сутки. По американским данным, ИРИ потеряла порядка 90% доходов от нефти (*прим. авт.*).

⁵ Данные приведены за 11 месяцев 1398 г.

⁶ ФАТФ - *Financial Action Task Force (FATF)* - группа по борьбе с отмыванием денег, межправительственная организация, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (*прим. авт.*).

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ НАРАСТАЕТ

В начале 2018 г. по всей стране прокатилась волна оппозиционных выступлений, которая продемонстрировала рост недовольства населения ухудшающейся социально-экономической ситуацией и действиями властей [подробнее см.: 25, с 10-17].

Хотя волнения были подавлены в течение нескольких дней, отдельные акции и забастовки продолжались и в 2018, и в 2019 гг. Эти выступления были вызваны задержками выплат пенсий, зарплат и социальных пособий, ростом дороговизны, закрытием предприятий, сокращением государственных субсидий, т.е. экономическими причинами. По мере ухудшения социально-экономической ситуации, следствием которой становится снижение жизненного уровня, недовольство народных масс нарастает.

Демонстрируемая правительством неэффективность системы управления, несбалансированность в работе структур исполнительной власти, невыполнимость многих даваемых обещаний на фоне продолжающейся, но без особых успехов, борьбы с коррупцией, банкротства промышленных предприятий, роста безработицы, доходящей среди молодых возрастных групп до 25% [16, с. 79], все более проявляется неудовлетворенность, усиливаются настроения безнадежности, открыто выражается недоверие к властям.

Резко сократилась социальная поддержка президента, представляющих лагерь либеральных сил. Наиболее политически ангажированные и современно мыслящие слои общества осознают, что в условиях сложившейся государственной системы, приход к власти либерально настроенных политических элит, стремящихся к усилению демократических тенденций, проблему не решит. Сильная ограниченность полномочий руководителей исполнительной и законодательной власти не позволит им проводить реформы.

Низшие слои общества, не потерявшие надежду на реализацию идеи социальной справедливости, выражают недовольство в связи с усилением имущественного неравенства, сокращением социальной поддержки, нарастанием уровня бедности⁷, безработицей. Такие настроения усиливают протестный потенциал, который проявляется в особо чувствительных для общества ситуациях.

Так, в ноябре 2019 г. вспыхнул протест, поводом к которому стало решение Совета руководителей трех властей о повышении цен на бензин и квотировании его отпуска по более низким ценам.

Необходимость этого шага ввиду заниженных цен на автомобильное топливо в Иране и большими объемами его контрабанды в соседние страны, обсуждалась давно, и большинство экономистов призывали правительство пойти на этот шаг. Однако кабинет Х.Роухани был поставлен в известность об этом решении только накануне повышения цен и не сумел провести соответствующую разъяснительную работу среди населения и тем самым снивелировать отрицательную реакцию.

Объявление о росте цен вызвало взрыв недовольства в обществе, привыкшем к низкой стоимости бензина и не принявшем практики экономии, утвердившейся в развитых странах при использовании топлива, энергии, воды. Отдельные протестные акции стремительно переросли в разрушительные действия, в которых принимали участие, в основном, низы общества.

Это - наиболее неимущие группы, населяющие окраины крупных городов и мелкие города-спутники. Мигрировавшие из других районов страны, они не имеют постоянного заработка, не обзавелись жильем, и в сложившихся условиях лишены надежды на будущее. Они проявляют особую агрессивность по отношению к более имущим слоям. Регулярно внимая публикациям о коррупции в высших слоях и даже в среде духовных лиц (а эта тематика получила значительные отклики в СМИ в 2019 г.), все свои негативные эмоции активисты из наиболее обездоленных слоев обращают против банков, магазинов, бензоколонок, нанося ущерб не только частным лицам, но и муниципальному имуществу.

В ходе ноябрьских акций акцентировались, в основном, бытовые сложности и проблема безработицы, и можно утверждать, что протесты носили преимущественно экономический характер. В то же время в некоторых городах звучали политические призывы против режима и наблюдались нападения на религиозные учреждения и духовных лиц, которых обвиняли в забвении обездоленных. Однако эти акции не получили особой поддержки. Волнения были быстро и жестко подавлены. Количество убитых и раненых превысило сотни человек.

По утверждению властей, в возникновении протестов большую роль сыграл внешний фактор. Однако ни представители Организации моджахедов иранского народа (ОМИН)⁸, ни прошахские силы не имеют значимого влияния в иранском обществе, хотя нельзя отрицать, что отдельные группы молодежи проявляют интерес к их пропа-

⁷ По данным ВБ, индекс Джини, который рассчитывается в пределах от 0 до 1, для Ирана составляет 0,4, т.е. страна находится в «середняках» с точки зрения оценки социального неравенства, однако в последние 5 лет этот показатель неуклонно возрастает. См.: World bank: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=IR> (accessed 31.03.2020) (прим. авт.).

⁸ ОМИН - запрещенная в Иране политическая партия. Принимала активное участие в революции 1978-1979 гг., в начале 1980-х, ввиду несогласия с курсом руководства страны, перешла к активной террористической деятельности. В настоящее время базируется в Европе (прим. авт.).

гандистским материалам на интернет-сайтах и в соцсетях.

В этих выступлениях, так же как и в событиях начала 2018 г., не принимали участия средние классы. Они обеспокоены перспективой дестабилизации внутренней ситуации, и именно эти слои традиционно выступают носителями политического недовольства, именно они имеют связи с иранской эмиграцией. Студенчество организовало отдельные протестные акции на территории университетов, на которых звучали требования политических свобод, но без видимой реакции в обществе.

Иранские политологи, анализируя результаты протестов, отмечают нарастающий отрыв власти от народа и более радикальный и разрушительный характер действий протестующих, рост участия в беспорядках молодежи до 30 лет и большой охват территории [17]. Нельзя исключать и того, что фактором активизации таких акций выступает борьба политических элит, разыгрывающих свой сценарий. Радикально консервативные силы, резко критикуя действия президента, обвиняя его в некомпетентности, готовности идти на уступки Западу, тем самым нагнетают недовольство народных масс и провоцируют их на выступления против правительства. Ноябрьские акции вспыхнули в период подготовки к парламентским выборам, назначенным на февраль 2020 г., и, несомненно, оказали определенное влияние на результаты голосования и явку избирателей.

Правительство уже в первые дни после повышения цен на топливо предприняло усилия для оказания помощи малоимущим слоям и выделило субсидии для 20 млн жителей, что составляет четверть населения страны, пообещав и в будущем выплачивать им разницу в цене на топливо. Тем не менее, «бензиновый вопрос» усилил недоверие к президенту и правительству, ко всему лагерю либеральных сил, став еще одним поводом для дальнейшего развода конкурирующих групп и интересов в иранском обществе.

УСИЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАДИКАЛИЗАЦИИ РЕЖИМА

Выход США из СВПД и обострение социально-экономических проблем в стране значительно ослабили положение правительства Х.Роухани, т.к. практически свели на нет его заслуги по достижению соглашения с мировым сообществом и усилили позиции резко критикующих политику президента консерваторов.

В последнее время противостояние религиозно-политических элит нарастало. Весной и летом 2019 г. в центре конфронтации консервативных и либеральных сил оказались вопросы присоеди-

нения к ФАТФ и возможности вступления в переговоры с США. По первому пункту, несмотря на разъяснения правительства о необходимости этого шага для облегчения финансового взаимодействия с мировым сообществом, так и не было принято положительного решения. Вопрос о вступлении был заморожен в Совете по целесообразности принимаемых решений, большинство членов которого представители консерваторов.

Еще более резкие выпады обрушились на либералов в связи с их позицией по вопросу о возможности установления контактов с американцами. Руководство ИРИ рассматривает вероятность такого шага лишь в случае предварительной отмены всех санкций со стороны США [18].

Консервативный лагерь открыто призывал к выходу из СВПД, даже поднимал вопрос о возможном прекращении участия ИРИ в ДНЯО, призывал к расширению атомной и ракетной программ, к укреплению позиций Ирана в регионе.

Значительно различаются позиции либералов и консерваторов относительно развития политической системы в стране. Если первые выступают за расширение принципов демократизма и делают упор на укреплении республиканских структур, то вторые - сторонники опоры преимущественно на исламские принципы. Поскольку радикально консервативное крыло опирается на поддержку КСИР, в обществе все чаще высказываются опасения ввиду того, что сложившаяся ситуация в Иране открывает широкие возможности вмешательства военных в политическую жизнь, что может привести к радикализации внешней и внутренней политики.

Проведение парламентских выборов в феврале 2020 г. и президентских выборов весной 2021 г. обостряло внутривнутриполитическую борьбу. Консервативно настроенные круги, значительно укрепившие свои позиции в ряде государственных структур и в судебной власти⁹, поставили цель получить большинство мест в меджлисе с тем, чтобы иметь максимальные шансы на победу на президентских выборах.

Накануне выборов в сложном положении оказался либеральный лагерь. Он потерял доверие своего электората, поддержав Х.Роухани на выборах 2017 г. Поскольку президент не сумел выполнить своих обещаний, сторонники реформаторов и умеренных не могли рассчитывать на широкую поддержку населения. По данным социальных опросов на начало 2020 г., 85% населения недовольны своим положением и ситуацией в стране и проявляют апатию и политическую индифферентность [17]. Большинство кандидатов от реформаторов были не допущены к участию в выборах. Все это не могло не сказаться на результатах голосования.

⁹ Главой судебной власти в марте 2019 г. был назначен И.Раиси, оппонент Х.Роухани на президентских выборах 2017 г., представляющий радикально консервативное крыло и опирающийся на поддержку КСИР (прим. авт.).

Уровень явки на выборы составил 42,6% по стране и 25% по Тегерану и был самым низким за всю историю Исламской республики [19]. Как и предполагалось заранее, большинство голосов получила коалиция консерваторов. В их руках 75% депутатских мест¹⁰. Кандидаты либеральных сил, которые отказались выступать единым фронтом под лозунгом реформ, получили 9% голосов. Остальные места занимают независимые депутаты и представители религиозных меньшинств, которым отведено 5 мест в парламенте.

Анализ нового депутатского корпуса демонстрирует увеличение в 2 раза по сравнению с предыдущим составом меджлиса представителей КСИР и духовенства, среди которых преобладают радикальные консерваторы [20].

Прошедшие парламентские выборы продемонстрировали отсутствие интереса у граждан к соперничеству политических элит, поскольку более половины избирателей проигнорировали выборы. Свои надежды на будущее они уже не связывают с приходом в законодательную власть представителей того или иного политико-идеологического течения, осознавая, что для проведения дальнейших реформ требуются структурные изменения политической системы. Новый расклад сил в парламенте может значительно осложнить последний год работы правительства, поскольку консервативный меджлис будет стремиться максимально ослабить президента и позиции умеренных сил, чтобы не допустить повторного избрания их кандидата на президентских выборах 2021 г.

Однако, ввиду того, что депутаты от консерваторов представляют различные течения и внутренние разногласия у них настолько сильны, что дадут о себе знать с начала работы меджлиса, маловероятно, что они будут выступать единым фронтом и требовать отставки кабинета или выхода ИРИ из СВПД. Стоит отметить, что различия между этими течениями консерваторов проявляются отнюдь не во взглядах на социально-политические проблемы, и противостояние этих групп между собой определяется лишь их стремлением пробиться во власть и в будущем расширить свои позиции.

Предполагается, что в первые месяцы своей работы меджлис сосредоточится на бытовых проблемах, пытаясь поддержать свой электорат материально. В свете президентских выборов 2021 г. отсутствие подвижек в сторону улучшения ситуации в экономической сфере представляет для консерваторов угрозу. Однако решить основные проблемы страны в краткосрочной перспективе не представляется возможным.

КОРОНАВИРУС В ИРАНЕ: БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА

Парламентские выборы в Иране проходили в условиях появления первых сведений о заболев-

ших в религиозном центре страны г. Кум. Эпидемия быстро распространялась по стране. Вторым сильнейшим очагом болезни стала прикаспийская провинция Гилян. Количество зараженных резко возросло в начале марта, однако решительных мер по установлению карантина не принималось. По числу заболевших COVID-19 Иран занял второе место после Китая.

Духовенство Кума не последовало рекомендациям министерства здравоохранения и призывало не закрывать шиитскую святыню - гробницу Фатимы Масуме. Это, несомненно, привело к резкому расширению числа инфицированных и задержало осуществление столь необходимых мер борьбы с вирусом.

В результате, в стране была зафиксирована высокая смертность - 7,6%. Среди умерших - депутаты парламента, духовные лица, сотрудники государственных органов, высокопоставленные военные. Целый месяц руководству страны не удавалось договориться о введении строгих ограничительных мер, прекращении транспортного сообщения между провинциями.

Игнорирование населением рекомендаций государственных чиновников по защите от вируса и требований оставаться дома было вызвано его недоверием к властям, которые не продемонстрировали достаточной открытости и готовности к диалогу с общественностью ни в период повышения цен на бензин, ни в связи с крушением украинского авиалайнера 8 января 2020 г. в результате случайного попадания в него ракеты сил ПВО КСИР.

В Иране расценили угрозу COVID-19 умышленно преувеличенной, т.к. не увидели в первые недели эпидемии решительных действий ни со стороны президента, ни руководителей других властей.

Быстрые темпы распространения болезни связаны и с традициями тесного общения родственников, особенно в праздничные дни. Пик эпидемии совпал с новогодними каникулами в Иране, и властям и активистам социальных сетей не удалось переломить многовековую традицию и заставить иранцев отказаться от поездок по стране. Только привлечение армии и КСИР, создание в вооруженных силах специальной Ставки борьбы с COVID-19 привело к расширению карантинных мер и введению ограничений на дорогах.

Фактором, усугубившем ситуацию, стали ограничения в банковском и финансовом секторах, введенные против Ирана под давлением США, которые ограничивают закупки гуманитарных товаров, прежде всего, медицинского оборудования и лекарств.

Медицина и здравоохранение в Иране находятся на достаточно высоком уровне и считаются одними из лучших в регионе. Иранские медики

¹⁰ Представители консерваторов получили 220 мест из 290.

прилагают неослабевающие усилия в борьбе с этой болезнью, однако ощущается острая нехватка медико-санитарных товаров, и возможности ИРИ сопротивляться болезни практически на пределе.

Иран, подчеркивает, что борьба с этой бедой является глобальной проблемой, которая требует международного сотрудничества. И поэтому Тегеран приветствует обращение ряда стран, в т.ч. и России, в ООН с целью поддержать призыв за отмену незаконных американских санкций против Ирана. Руководство страны отказалось принимать помощь от США без снятия санкций и расценивает американскую политику в условиях пандемии как экономический и медицинский терроризм против ИРИ, призывает вместе бороться с вирусом, а не друг с другом. И такая позиция властей вполне объяснима и приемлема [21].

Однако некоторые решения руководителей ИРИ относительно международной помощи представляются недостаточно обоснованными и не находят понимания у мировой общественности. Так, прибывшие в Иран представители организации «Врачи без границ», готовые развернуть полевые госпитали и предоставить необходимое оборудование для лечения больных, были фактически выдворены из страны под предлогом возможного ведения шпионской деятельности.

Стоит учесть, что чрезвычайное положение, связанное с эпидемией, усиливает давление на экономику и социальную сферу. За первые две недели этого кризиса тегеранская биржа обвалилась на 3,4%, а национальная валюта на 19%. По оценкам Торгово-промышленной палаты ИРИ, ежедневные потери от закрытия предприятий в стране составляют \$164 млн. Зарегистрированы случаи банкротства небольших магазинов, кафе, парикмахерских, станций техобслуживания автомобилей, а также таксистов [22]. По данным Общества Красного Полумесяца, в стране в связи с пандемией потеряли работу около 2 млн человек. И они лишены государственных пособий или поддержки благотворительных организаций [23].

Вынужденное закрытие сухопутных и воздушных границ нанесет дополнительный удар по экономике Ирана, усиливая эффект блокады, установленной США.

ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

Вызовы, с которыми сталкивается Иран в последний год, значительно осложняют социально-экономическую ситуацию и угрожают стабильности режима в будущем.

Прогнозы об изменении тенденций в экономике неопределенны, особенно с учетом пандемии. Эпидемия практически поставила ИРИ на грань гуманитарной катастрофы. Падение цен на нефть угрожает Ирану сокращением той незначитель-

ной части доходов, которую удастся получать, обходя американские санкции. Дальнейшее снижение жизненного уровня, рост бытовых проблем, безработицы и краха мелкого и мельчайшего предпринимательства, неминуемые в условиях кризиса, приведет к росту протестного потенциала и к новым акциям, возможно, более массовым и разрушительным, чем ноябрьские.

Со своей стороны, правительство принимает меры к повышению зарплат, пенсий, выделяет пособия для борьбы с пандемией, предлагает беспроцентные кредиты. Оно обратилось в МВФ с просьбой предоставить заем на \$5 млрд на неотложные нужды. Однако отключение иранских банков от системы *SWIFT* может вызвать сложности при выделении и переводе денег.

Сообщения о начале работы механизма *INSTEX* для закупки необходимых медикаментов и поставке их в Иран со стороны Великобритании, Франции, Германии дает надежду на возможность и в дальнейшем проведения транзакций и расширения взаимодействия стран ЕС и Ирана, а возможно, и присоединения к этому механизму других государств [24]. По некоторым данным, США дали разрешение нескольким международным банкам разморозить иранские счета для закупки гуманитарных товаров, подчеркивая при этом, что о снятии санкций речь не идет.

Осознавая, что любые барьеры на пути оказания взаимопомощи для борьбы с болезнью должны быть сняты, активисты негосударственных организаций, правительства различных стран поддерживают инициативу правительства ИРИ, изложенную в обращении к генеральному секретарю ООН по формированию коалиции за снятие санкций. Все эти факты зарождают семена надежды на отказ от враждебности в отношениях США и ИРИ и на приостановку санкций.

Беспристрастный анализ ситуации свидетельствует, что без снятия санкций и проведения структурных изменений в экономике и политической сфере решить проблемы ИРИ на долговременной основе невозможно. У Ирана, который пока еще сохраняет запас прочности, в ближайшей перспективе, чтобы не допустить экономического коллапса, выход один - переговоры. Конечно, после событий начала 2020 г. между ИРИ и США это труднодостижимо. Начавшиеся перегруппировка сил США в регионе Персидского залива и развертывание ими систем противовоздушной обороны в Ираке, направленных против Ирана, могут привести к усилению конфронтации. Так же как и активизация проиранских группировок в Ираке, нацеленных на ракетные удары по американцам в этой стране.

Однако не исключен и иной сценарий. Вполне вероятно, что новый консервативный парламент изменит свое отношение к вопросу о присоединении к ФАТФ, а после президентских выборов в США «увидит» необходимость установления

с ними контактов уже под руководством антитеррористического настроенного меджлиса, который будет «лучше», чем «прозападное» правительство Х.Рухани отстаивать национальные интересы.

Уже сейчас Иран имеет возможность вести переговоры с европейцами, Россией и Китаем, что необходимо для формирования реальной базы для установления контактов Иран - США, которые, несомненно, единственный шанс снизить напряжение внутри и вокруг ИРИ.

Большинство аналитиков сходятся во мнении, что в первоначальном виде ядерную сделку с Ираном сохранить уже не удастся, однако есть шанс реанимировать ее в виде версии СВПД 2, охватывающей более широкий круг вопросов. Однако, чтобы «проложить мост» к новым договоренностям, необходимо сохранить как можно больше элементов существующей договорной конструкции, которые послужат основой для переговоров.

Список литературы / References

1. Сажин В.И. Иран, ядерная сделка и атомная бомба. (Sazhin V.I. Iran, nuclear deal and atomic bomb) (In Russ.). <https://interaffairs.ru/news/show/25176> (accessed 31.01.2020)
2. US military says Iran shoot down of its drone was «unprovoked attack». <https://www.reuters.com/article/mideast-iran-usa-confirmation/us-military-says-iran-shoot-down-of-its-drone-was-unprovoked-attack-idUSL2N23R07X> (accessed 03.03.2020)
3. Recent cyberattacks require us all to be vigilant. <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2019/10/04/recent-cyberattacks-require-us-all-to-be-vigilant/> (accessed 21.01.2020)
4. Swiss Back Channel Helped Defuse U.S.-Iran Crisis. <https://www.wsj.com/articles/swiss-back-channel-helped-defuse-u-s-iran-crisis-11578702290?mod=searchresults&page=1&pos=7> (accessed 30.01.2020)
5. NBC: Full interview: Iranian Foreign Minister Zarif speaks out. <https://www.nbcnews.com/nightly-news/video/extended-interview-iranian-foreign-minister-zarif-speaks-out-63903301808> (accessed 25.02.2020)
6. Сажин В.И. Какую войну ведут Иран и США? (Sazhin V.I. What kind of war are Iran and the United States?) (In Russ.). <https://interaffairs.ru/news/show/25426> (accessed 21.02.2020)
7. Lawrence J. Korb. Can Trump avoid a war with Iran? History tells us to worry. <https://nationalinterest.org/blog/middle-east-watch/can-donald-trump-avoid-war-iran-history-tells-us-worry-124116> (accessed 20.02.2020)
8. Eghtesade bartar. <https://www.eghtesadbartar.com/1398> (accessed 20.03.2020) (In Pers.); World Bank. Global Economic Prospects 2020. <https://www.worldbank.org/> (accessed 21.03.2020)
9. МВФ: Ирану нужна нефть по \$ 195 за баррель (IMF: Iran needs oil at \$ 195 per barrel to balance budget) (In Russ.). <https://eaily.com/ru/news/2019/10/28/mvf-iranu-nuzhna-neft-po-195-za-barrel-chtoby-sbalansirovat-byudzhet> (accessed 21.03.2020)
10. Economynews (In Pers.). <https://www.eghtesadnews.com/329824> (accessed 21.03.2020)
11. Statistical centre of Iran (In Pers.). <https://www.amar.org.ir/Portals/0/News/1397/tavarom%20esf.pdf>
12. Economynews (In Pers.). <https://www.eghtesadnews.com/330482> (accessed 21.03.2020)
13. Tabnak: 20 important events of a difficult year for Iran's economy (In Pers.). <http://www.tabnak.ir/fa/966896> (accessed 21.03.2020)
14. Iran's Foreign Trade stood at \$80 billion (In Pers.) <http://www.khabaronline.ir/news/1365692> (accessed 21.03.2020)
15. Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС и Иран переходят на преференциальные условия торговли. (Eurasian Economic Commission EAEU and Iran pass on to preferential trade conditions) (In Russ.). <http://www.eurasian-commission.org/ru/nae/news/Pages/28-10-2019-1.aspx> (accessed 20.03.2020)
16. Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана). *Восточная аналитика*. Вып. 1, 2019. (Dunaeva E., Mamedova N., Sazhin V. 2019. A Year after the US Withdrawal from the Nuclear Deal (New Risks for Iran. *Vostochnaya Analitika*. № 1) (In Russ.)
17. Asr-e Iran: 85% of the population complain (In Pers.). <https://www.asriran.com/fa/704354> (accessed 20.12.2019)
18. Khabaronline: Rouhani: We are negotiating if we are respected (In Pers.). <https://www.khabaronline.ir/news/1265929> (accessed 3.06.2019)
19. BBC: Iran elections: Record low turnout but hardliners set for win. <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51605942> (accessed 23.02.2020)
20. Khabaronline (In Pers.). <https://www.khabaronline.ir/news/1360553> (accessed 03.03.2020)
21. Зариф М. Боритесь с вирусом, а не с нами. *Коммерсант*. 31.03.2020. (Zarif M. Fight the virus not us. *Kommersant* 31.03.2020) (In Russ.)
22. Kussa I. The total number of people infected in Iran has stepped over 9 thousand. <https://newseek.org/articles/2713882> (accessed 13.03.2020)
23. Красный полумесяц поможет миллионам иранцев, уволенным из-за эпидемии (Red Crescent helps millions of Iranians fired due to epidemic) (In Russ.) <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Frossaprimavera.ru%2Fnews%2F32ce6ac4> (accessed 04.04.2020)
24. «Евротройка» пошла поперёк США: Иран получил партию медицинского груза. (Troika against the USA: Iran received medical cargo) (In Russ.) <https://eaily.com/ru/news/2020/03/31/evrotroyka-poshla-poperyok-ssha-iran-poluchil-partiyu-meditsinskogo-gruza> (accessed 31.03.2020)
25. Дунаева Е.В. Иран на пороге 40-летия исламской революции. Что скрывается за январскими протестами? *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 6. (Dunaeva E.V. 2018. Iran on the eve of the 40th anniversary of the Islamic Revolution. What do the recent protests hide? *Aziya i Afrika segodnya*. № 6) (In Russ.). DOI: 10.7868/s0321507518060028
26. Кожанов Н.А., Исаев Л.М. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 7. (Kozhanov N., Isaev L. 2019. Iran and sanctions: experience of overcoming and influence on socio-economic development. *Aziya i Afrika segodnya*. № 7) (In Russ.). DOI: 10.31857/s032150750005565-3

ПРОПАГАНДА ХУСИТОВ В ЙЕМЕНЕ

Калька с ливанской «Хезболлы» или самостоятельный продукт?

© 2020 А. БУРТ

DOI: 10.31857/S032150750009543-9

БУРТ Анастасия Андреевна, соискатель, Институт востоковедения РАН (ranp@mail.ru)

Резюме. Проводится сравнительный анализ средств и методов, которые использует движение «Ансарулла» в Йемене и «Хезболла» в Ливане в борьбе за общественное мнение внутри своих стран. Задача понять, как, спустя 5 лет после начала военной операции арабской коалиции против хуситов, они по-прежнему удерживают власть в столице.

Исследование основано на личном опыте работы в Йемене, посещении провинции Саада в разгар боевых действий в 2016 г., общении с жителями, с политическим руководством движения хуситов и с бывшим президентом Йемена Али Абдаллой Салехом.

Ключевые слова: Йемен, Ливан, Саудовская Аравия, Иран, «Ансарулла», хуситы, «Хезболла», пропаганда, информационная война

THE HOUTHIES PROPAGANDA IN YEMEN: A copy of the Lebanese Hezbollah or their own product?

Anastasia A. BOURT, Applicant, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (ranp@mail.ru)

Abstract. This article is comparing the tools and methods of propaganda that are used by both Ansarullah in Yemen and Hezbollah in Lebanon.

The author has personally visited both countries, met with the leaders of the Houthies in Sanaa and Saada, had a conversation with the former President Ali Abdallah Saleh and witnessed the way the propaganda machine works on the territories that are controlled by the Houthies.

The spectrum of different tools that are used from music to mass media is reviewed and the effectiveness of each is analysed. At the same time these tools are compared to the ones that Hezbollah has used during the war with Israel in 2006. The focus is made on the work with foreign media on the one hand and the work with the population inside Lebanon on the other. At the same time the assumption that Iran can be directly involved in helping the Houthis is also analysed. As there is a wide range of accusations starting from weapons aid and ending with technological support provided to the movement the author tried to understand if there is any basis for these accusations and to track down possible supporting facts.

In general, the main goal of this article is to understand how after 5 years of war and airstrikes by the Arab coalition the Houthis stay in power in the capital Sanaa and why most people there still support them despite an economic siege and hunger which is considered by the UN to be one of the worst in the world.

Keywords: Yemen, Lebanon, Saudi Arabia, Iran, «Ansarullah», «Hezbollah», houthis, propaganda, media war

Начавшаяся пять лет назад в Йемене война стала прямым следствием «арабской весны», когда в 2012 г. в результате массовых протестов, покушения и давления извне в отставку после 34 лет нахождения у власти ушел президент страны Али Абдалла Салех (1942-2017). Он передал полномочия своему заместителю Абд Раб Мансуру Хади, который должен был реализовать реформы, изменить конституцию и провести свободные выборы.

Но вместо переходного периода в Йемене началась борьба за власть, верх одержали хуситы. 25 января 2015 г. Абд Раб Мансур Хади подал в отставку (через месяц он отозвал заявление), а 24 марта 2015 г. бежал из Йемена.

Это произошло за два дня до начала вторжения арабской коалиции¹. Цель военной операции - восстановить А.Хади в кресле президента и ли-

шить власти хуситов, которые составляют около трети населения Йемена.

Костяк их движения - зейдиты, живущие на северо-западе страны и вдоль границы с Саудовской Аравией². В конце 1980-х гг. началась их самоорганизация в ответ на агрессивное навязывание на их территориях чуждых им идей салафизма³.

В 1990 г. была создана партия «аль-Хак» («Правда»), в которую вошел сын влиятельного религиозного деятеля Хусейн Бадр аль-Дин аль-Хуси. Он же стал одним из основателей движения «Верующая молодежь», которая объединяла различные ассоциации, спортивные клубы, летние школы и лагеря. Их целью было возрождение традиций и преподавание истории зейдитов.

Быстро растущая популярность и авторитет Хусейна аль-Хуси вызывали беспокойство в Санае. В 1993-1997 гг. аль-Хуси, будучи членом Депу-

¹ В состав коалиции в 2015 г. вошли Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Катар, Иордания, Судан, Египет, Марокко, Пакистан, Сенегал, Малайзия. Логистическую поддержку и разведанные предоставили США (прим. авт.).

² Зейдиты - последователи учения Зейда ибн Али, жившего в VIII в., основателя умеренного течения шиитов (прим. авт.).

³ Салафизм - суннитский «исламский фундаментализм» (прим. авт.).

татского собрания от провинции Саада, открыто критиковал президента Салеха. В 2004 г. он снова обвинил его в продвижении интересов Соединенных Штатов в стране. В ответ йеменские власти попытались арестовать аль-Хуси, что привело к вооруженному конфликту между его сторонниками и правительственными войсками.

После убийства в 2004 г. Хусейна аль-Хуси движение вначале возглавил его отец, а затем брат - нынешний лидер Абдул-Малик Бадр аль-Дин аль-Хуси. Тогда же за ними закрепилось название «хуситы».

В 2010 г. с властями Йемена было подписано соглашение о мире, но уже через год хуситы приняли участие в свержении президента Салеха. Через три года после начала иностранной интервенции бывшие враги вновь стали союзниками. Несмотря на экономическую блокаду, голод, бомбардировки, боевые действия и убийство Салеха, хуситы на протяжении 5 лет удерживают власть в столице Санае.

Их успех часто увязывают с возможной поддержкой со стороны Ирана.

Вообще, о йеменской войне мировые СМИ вспоминают обычно лишь тогда, когда в очередной раз возникает необходимость обвинить Иран в дестабилизации региона и ведении прокси-войн. Тезис о том, что Исламская республика поддерживает хуситов, подается как непреложный факт в арабской или европейской прессе [1; 2]. Нередко можно встретить определение «шиитские повстанцы». Формально хуситов относят к шиитской ветви ислама, но во многих вопросах их учение схоже с суннизмом.

Попытки «привязать» хуситов к Ирану через религию автор считает ошибочными. Еще один аргумент сторонников версии о тесных связях с Ираном - почитание хуситами иранской революции 1979 г. и частые визиты Хусейна аль-Хуси в Исламскую республику.

Тезис об особом характере отношений хуситов с Ираном не раз звучал со стороны властей Йемена, а после начала интервенции его подхватили и США, заявив о поставках хуситам иранского оружия. Причем первые упоминания этой версии появились еще во время войн между хуситами и правительственными войсками (2004-2010 гг.).

В октябре 2009 г. власти Йемена заявили о перехвате в своих территориальных водах иранского корабля с противотанковым оружием, которое, как утверждалось, предназначалось хуситам. Но и Тегеран, и сами хуситы эти заявления опровергли. В том же 2009 г. в телеграмме, которая была отправлена из посольства США в Йемене, содержались данные, что хуситы получают свое оружие с йеменского черного рынка и армейских складов [3].

Тезис, что хуситов тренирует «Хезболла» или иранский Корпус стражей исламской революции (КСИР), также весьма сомнительны.

У хуситов, учитывая историю шестилетних войн, накопилось много боевого опыта. Интересен другой момент. Как им удалось закрепиться в наи-

более густонаселенных провинциях Йемена и удерживать власть, даже несмотря на разлад с Салехом? К удивлению многих экспертов, на призыв бывшего президента в 2018 г. сбросить хуситов откликнулось довольно мало его сторонников.

Автор статьи считает, что причина - грамотное использование хуситами других средств СМИ и пропаганды, в чем можно проследить ливанский след. За основу взят опыт работы «Хезболлы» во время ливано-израильской войны 2006 г., проводится сравнительный анализ средств и методов, которые использует ливанская «Хезболла» и хуситское движение «Ансарулла» в борьбе за общественное мнение внутри своих стран.

Эта работа насколько эффективна, что во многом именно благодаря ей хуситам удалось неожиданно для многих экспертов и союзников укорениться в Сане несмотря на продолжавшуюся войну и колоссальное экономическое давление извне.

У НИХ ОДИН БОГ

Обращает на себя внимание сходство в названиях: «Хезболла» - «партия Бога». «Ансарулла» - «сторонники Бога». Флаги у них разные, но идеи похожи. «Хезболла» - ярый противник Израиля, США и западных ценностей. Лозунг хуситской «Ансаруллы» уходит корнями в иранскую революцию 1979 г. США оказывали поддержку шаху [4]. Тогдашний советник лидера аятоллы Рухоллы Хомейни - Мохсен Сазегара, задача которого была организовывать демонстрации и забастовки, пытался объединить людей единым слоганом. Его вариант - «Шах должен уйти» - в народе мутировал сначала в «Смерть Шаху», а позже - в «Смерть Америке». «Ансарулла» трансформировала эту идею в следующее - «Аллах велик, смерть Америке, смерть Израилю, проклятие иудеям, победа за исламом».

Проклятия в адрес Израиля тоже идут из 1979 г., когда в Исламской республике появился день Аль-Кудс - день солидарности с борьбой палестинцев. Вскоре эти идеи вышли за пределы Ирана и распространились в исламском мире - от Афганистана до Северной Африки. Эти же идеи взяла за основу «Хезболла».

В Йемене впервые лозунг прозвучал в январе 2002 г. в школе аль-Хади в местечке Марран. Лидер зейдитов - Хусейн Бадр аль-Дин аль-Хуси - произнес слоган, когда увидел фотографию погибшего палестинского мальчика на руках у отца во время второй интифады 2000 г. [1; 5].

С тех пор этот лозунг звучал на всех пятничных молитвах и во время протестов против войны в Ираке, которую президент Йемена Али Абдалла Салех поддержал. Этим же лозунгом хуситы встречали в 2003 г. у себя, в провинции Саада, главу Йемена во время его остановки на пути в Мекку для совершения хаджа. Эти же слова в марте того же года скандировала многотысячная толпа в Сане у стен посольства США [6]. Теперь этим лозунгом хуситы заканчивают любые видеоролики и выступления на публике, а строки

стали официальным символом движения. При этом стоит отметить, что если «Хезболла» не раз открыто воевала с Израилем, то хуситы подчеркивают, что их лозунг носит, скорее, символический характер.

КУЛЬТ ЛИДЕРА

Схожа во многом и система общения лидеров движения «Хезболла» и «Ансарулла» с народом. За обоими ведется непрерывная охота со стороны их противников, оба вынуждены скрывать свое местонахождение и в основном обращаться к людям с экрана. Фон за обоими чаще синий. В исламе этот цвет ассоциируют с защитой, надеждой и раем. Слева на экране обычно представлена тематика обращения, чему посвящена речь. Лидер «Хезболлы» Хасан Насралла много жестикулирует, говорит экспрессивно, переходит на повышенные тона, поднимает вверх указательный палец [7]. Те же движения, та же мимика, даже похожая интонация и в речах Абдул-Малика аль-Хуси [8].

Общие враги для обоих лидеров - Израиль, США, террористические группировки ИГИЛ и «Аль-Каида». «Ансарулла» добавляет к этому списку еще и Великобританию, поскольку и Лондон с первого дня поддержал военную интервенцию арабской коалиции и увеличил поставки вооружений Саудовской Аравии: за первый год операции «Буря решимости» (2015-2016 гг.) продано вооружений на 3,3 млрд евро. В 2017 г. поставки выросли еще на две трети [9]. США помогли коалиции военными советниками, разведанными и оружием. Американские бомбы продолжают активно использоваться в этой кампании.

Хасан Насралла и Абдул-Малик аль-Хуси считают, что страны региона зачастую ведут свою политику по указке и в угоду Вашингтону, стремясь завладеть территорией, ресурсами, стратегическими точками на геополитической карте. Оба - против американской культуры, которую навязывают повсеместно. Оба - за исламские ценности, которые в некоторой степени вполне совпадают с западными. Риторика Хасана Насраллы гораздо более воинственна и агрессивна. К примеру, регулярно звучат угрозы уничтожить Израиль. Выступления Абдул-Малика аль-Хуси, скорее, сводятся к объяснению своего видения ситуации.

Разъясняются позиции «Ансаруллы», главная задача которой, по его словам, восстановление суверенитета Йемена и его независимости. Речи пронизаны здоровым национализмом. Нередко звучат призывы к Саудовской Аравии и ОАЭ одуматься, прекратить бесполезные бомбардировки и не следовать в фарватере политики США. Все это приправлено угрозами точечных ракетных ударов. При этом заявляется право на самоопределение Йемена, звучат требования уважать его идентичность, традиции, веру.

Оба лидера не раз выражали друг другу симпатию и подтверждали в речах общее видение на происходящие события на Ближнем Востоке [10].

Против обоих оппоненты использовали классический метод дезинформации - каждый раз, когда Хасан Насралла или Абдул-Малик аль-Хуси исчезали из поля зрения на неопределенный срок, про них писали, будто они погибли или готовятся бежать, болеют или находятся при смерти в больницах. Каждый раз такие сообщения не подтверждались, но опровержений не следовало.

Хуситы также значительно расширили количество национальных праздников на подконтрольной территории (в их руках находятся наиболее густонаселенные северные и центральные провинции Йемена). С одной стороны, резко увеличили число религиозных торжеств. К примеру, с размахом отмечали очень важный для шиитов «ид аль-Гадир» - день, когда двоюродный брат пророка Мухаммеда имам Али был назван религиозным авторитетом. С другой стороны, что интересно в контексте пропаганды, с таким же национальным размахом решено отмечать даты, важные для партнеров по коалиции, например, в 2019 г. праздновали 37 лет со дня основания партии Всеобщий народный конгресс, лидером которой до недавнего времени был Али Абдалла Салех.

Это, безусловно, сплачивает людей разных политических взглядов вокруг хуситов и создает общее панарабское религиозно-культурное самосознание в противовес навязываемой глобализации Ближнего Востока. Этому способствуют и торжества по случаю дня солидарности с палестинцами, теперь тоже очень масштабные, так же, как и в Иране. При этом в Йемене на каждое подобное торжество Абдель-Малик аль-Хуси выступает с речью-обращением, которое транслируется повсюду, и следом выкладывается в Интернет.

РАБОТА С «КАРТИНКОЙ»

Учитывая высокую степень неграмотности населения Йемена, наиболее эффективные методы распространения информации - телевидение и радио. У движения «Ансарулла» есть свой телеканал - «аль-Масира» (Марш). Впервые он вышел в эфир 23 марта 2012 г. на египетском спутнике *Nile Sat*. Вещает не только на Йемен, но и на соседние страны региона.

Основа сетки - новостные выпуски, политические ток-шоу, религиозные программы, документальные фильмы и культура. Интересно, что головной офис и запасные студии находятся в Южном Бейруте в том же здании, что и офис телеканала «Хезболлы» - «аль-Манар» (Маяк) [11].

Сайт телеканала «аль-Масира» представлен на двух языках - арабском и английском. Все репортажи и новости идут на обоих языках, следовательно, информация может доходить и до западной аудитории. Отличительной особенностью новостных выпусков являются ролики боевых действий на передовой.

В сюжетах подчеркивается высокий боевой дух и смелость бойцов. На одних кадрах хуситы

из противотанкового ракетного комплекса (ПТРК) уничтожают саудовскую технику, саудовские солдаты разбегаются враспынную. На другом - хуситы, используя лестницу, взбираются на утес, откуда уничтожают застигнутых врасплох саудовских военных. Выкрики «сдавайся, саудит, ты окружен» даже легли в основу популярной песни, став ее припевом. Враг высмеивается, ролики заканчиваются скандированием лозунга хуситов.

Такие видео формируют у аудитории имидж неуязвимого в йеменских горах хуситского бойца, против которого бомбардировки бесполезны, а наземные войска коалиции бессильны. При этом данные о потерях среди своих войск обычно замалчиваются.

Ролики получают широкое распространение благодаря мобильным телефонам, их пересылают друг другу, обеспечивая просмотры на всей территории Йемена и за рубежом. Телеканал «аль-Масира» приводит ежедневную сводку с фронта, рапортует даже об успехах в создании нового, более точного оружия; в качестве доказательств транслируются кадры запусков ракет, которые предположительно были выпущены по территории Саудовской Аравии. Все это сопровождается объяснениями, что запуски - вынужденный ответ на продолжающиеся бомбардировки Йемена.

Обращает на себя внимание жесткий контроль за информацией со стороны движения «Ансарулла». Иностранной прессе снимать своих бойцов они запрещают. Попасть на фронт невозможно, автор проверил это на своем опыте. Разрешено документировать последствия бомбардировок, гуманитарную ситуацию, беженцев, мирную жизнь на подконтрольных хуситам территориях. При этом данные о количестве погибших своих бойцов не разглашаются.

Такой же контроль вводила группировка «Хезболла» во время войны с Израилем в 2006 г. Никому не позволяли снимать бойцов «Хезболлы», но широко освещались последствия ударов израильской армии. В итоге, у зрителя складывалось впечатление, что израильские солдаты воюют с призраками и просто разрушают инфраструктуру Ливана, бьют по мирным жителям.

Приведу пример типичного противостояния в информационной войне между Израилем и «Хезболлой».

Новостной репортаж складывался из следующего: журналисты вместе с израильским спецназом идут в рейд ночью. Те издали обнаруживают дом, в котором, по данным военных, засели боевики. Координаты передаются авиации, та наносит удары. А утром весь мир облетали кадры, снятые прессой уже по ту сторону фронта, - кадры разбомбленного в Ливане дома, люди разбирают завалы, мимо проносятся кареты скорой помощи. Выяснялось, что снаряды попали в бомбоубежище, где прятались мирные люди. Кадры погибших женщин, детей вызвали вопросы и вынуждали израильское командование оправдываться, заявлять, что боевики успели уйти.

Та же ситуация повторяется в Йемене. Типичный репортаж саудовских телеканалов выглядит так - съемки на военном аэродроме, летящие самолеты, удары по целям с воздуха. Отдельные попытки снять «человеческую историю» на земле выглядят неубедительно.

Взять, к примеру, репортаж телеканала «аль-Арабия» [12]. Мужчина обвиняет хуситов в убийстве детей, затем показано большое количество мин, разбитая лодка (учитывая йеменские реалии, не факт, что причина этого - мина), далее военный утверждает, что задача повстанцев - убивать, следом показывают госпиталь, где французский хирург объясняет по-французски детали проведенной операции. Травму ребенок получил, по его словам, в результате подрыва на mine в поле.

Для сравнения - репортаж телеканала «аль-Масира» [13]. Снято, что называется, по горячим следам. Местные жители, еще не успев отереть пот и кровь с рубашек, рассказывают о том, что удар коалиции пришелся на жилые дома. На земле разорванные тела женщин и детей, кадры шокируют, на часть из них пришлось накладывать мозаику, искреннее возмущение живущих там людей. Такой репортаж не оставляет вопросов о том, кто агрессор, а кто жертва.

Этот метод работы с информацией хуситы, очевидно, заимствовали у «Хезболлы». Все разрушения и последствия авиаударов тщательно фиксируются. Кадры разбитых ударами с воздуха мостов, автомобильных дорог, бензоколонок, административных и общественных зданий, школ, часто единственных на всю округу, электростанций и промышленных предприятий в дополнение к страдающим мирным людям, вызывают вопросы у зрителя как в самом Йемене, так и за рубежом.

Последствия блокады, кадры голодающих детей, беженцев попадают уже в сводки мировых новостей. Цели коалиции становятся все менее понятны простому зрителю. Складывается ощущение, что задача - максимально разрушить Йемен. По аналогии с войной 2006 г., в ответ на сообщения коалиционных войск об очередных ударах по позициям повстанцев, из Йемена приходят кадры погибших мирных людей. Об ударах по свадебной церемонии, школьному автобусу, больнице «Врачей без границ», панихиде, когда погибших были сотни, сообщили многие мировые телеканалы, вновь привлекая внимание к йеменской войне.

Саудовскому командованию, так же как и израильскому в 2006-м, пришлось оправдываться, звучали обещания провести расследование, утверждалось, что удары планировали нанести исключительно по военным объектам, но кадры с места доказывали обратное. Видя страдания людей, эмоционально зритель не мог остаться в стороне.

В случае таких «ошибочных авиаударов» симпатии аудитории и доверие оказывалось на стороне хуситов, закреплялся образ жертвы неоправданных бомбардировок. И часто уже мало кто вспоминал о причинах начала войны, звучало

осуждение самого факта ведения боевых действий и звучали призывы прекратить операцию. Гибель журналистов телеканала «аль-Масира» после очередных авианалетов в 2016 г. вызвала осуждение, в т.ч. и генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой.

Отдельное внимание хуситы уделяют освещению разлада внутри коалиции. Дежжа стратегического острова Сокотра между КСА и ОАЭ, бои в Адене между эмиратцами и йеменским «Движением за независимость юга», теракты, разгул «Аль-Каиды» и «Исламского государства» на территориях, которые подконтрольны находящемуся в изгнании правительству беглого президента Абд Раб Мансура Хади, на стороне которого и воюет саудовская коалиция, - все это лишь добавляет хуситам очков. В итоге, уже зафиксированы случаи, когда на их сторону склоняются даже те йеменцы, которые идеологически хуситов не поддерживают [14].

«МЯГКАЯ СИЛА» ФОЛЬКЛОРА

Аудиозаписи имеют в Йемене широкое распространение, они очень популярны. Аудиоконтент очень эмоциональный, имеет сильный эффект и длится долго. Большое распространение имеют речи, проповеди, религиозные учения, но, с точки зрения информационного воздействия, гораздо эффективнее музыка.

Хуситы возродили и сделали популярной практически утраченную культуру - *йеменский замилль*. Это - жанр поэзии, истоки которого уходят корнями в жизнь племен. Мысли и истории там перекладывали на стихи, рефреном звучат идеи о чести, мужестве, храбрости, верности роду, подвиге предков, коллективизме и племенном самосознании [15]. Пение идет под аккомпанемент ударных инструментов.

Хуситы не только возродили этот жанр, но и активно его используют в пропагандистских целях. Их поэты, часто сами воюющие на фронте [16], слагают стихи о несправедливости агрессии и бомбардировок Йемена, о гибели детей, об угрозе, исходящей от США и Израиля в отношении всего арабского мира, о том, что враги хотят контролировать Йемен и уничтожить его. Главный посыл - необходимость защищаться, собственная сила, легитимность действий и слава мученичества.

Нынешнюю войну в песнях они в очень возвышенном стиле сравнивают с битвой при Кербеле, когда в сражении погиб внук пророка Мухаммеда, сын его двоюродного брата Хусейн ибн Али. Сражение, которое историки часто рассматривают как начало разделения между суннитами и шиитами [17]. Кербелу, к слову, свято чтит и «Хезболла», и Иран.

Отличительной особенностью композиций хуситов является быстрый темп, мелодия и ритм, больше похожие на победный марш. Песни играют не только на радио, по улицам подконтрольных городов ездят машины с громкоговорителями, особенно интенсивно идет обработка людей на фронте. Продаются CD-диски, звучат компози-

ции и в интернете, и в эфире телеканала «аль-Масира». Причем клипы состоят из нарезки кадров военных операций хуситов, выступлений Абдул-Малика аль-Хуси, наглядных последствий бомбардировок, страдающих от гуманитарной ситуации йеменцев. Классический пример текста - песня «Армии Бога в Марибе»:

*Мужчины собрались и приготовились к битве.
Они собрали свое снаряжение и оседлали лошадей.
Скажите Салману [Королю Саудовской
Аравии], что от нас не сбежать.
Даже если он провалится сквозь землю -
мы придем за ним.*

*Это Йемен, и мы, его сыны, страдаем!
Глупый агрессор должен готовиться к возмездию*
[18].

Точных данных о том, сколько песен сложено с начала войны, нет. Но эффект от такого творчества колоссален. По признанию профессора психологии Амаль Аббаса из университета Таиз, многие стихи проникают в самое нутро йеменцев и вдохновляют людей из самых разных секторов общества. Они эффективны в мобилизации толпы. В качестве примера можно привести откровения таксиста Бассама аль-Шариabi. Он считает себя политически нейтральным, но ему нравится слушать песни хуситов на их радиостанции: «Они красивые, и у них прекрасные слова» [19].

Больше того, те, кто воюют против хуситов на стороне бежавшего 24 марта 2015 г. в Эр-Рияд президента Абд Раб Мансура Хади, тоже признаются, что слушают их песни [20].

Значит, достигается еще одна цель, помимо мобилизации толпы, - нейтрализация и подрыв морального духа противника, у которого возникают вопросы, кто и за что воюет. Саудовская коалиция таким же эффективным культурным оружием похвастаться не может, и, с точки зрения пропаганды, проигрывает хуситам.

В репертуаре ливанской «Хезболлы» также немало музыкальных композиций на любой вкус: от серьезных песен о войне до смеси гимнов с поп-музыкой. В течение многих лет главной темой песен было противостояние Израилю, восхваление бойцов движения, необходимость всегда быть готовым к войне. Сейчас добавилась тема Сирии, в песнях объясняется необходимость ведения боевых действий за пределами Ливана, строки адресованы врагу - террористическому «Исламскому государству» и схожим группировкам. Часто присутствует религиозный контекст, говорится о необходимости защищать шиитские святыни.

Тексты и послы у движений «Ансарулла» и «Хезболла» похожи, но ритм, звучание и музыкальное оформление очень сильно различаются. Можно сделать вывод, что хуситы поняли силу аудиозаписей, взяли за основу этот инструмент пропаганды ливанского движения, но не скопировали, а интегрировали его, адаптировав к йеменской культуре.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПОГИБШИХ

Отношение к погибшим у «Ансаруллы» и «Хезболлы» похожее. Портреты вывешивают на улицах городов (см. *фото 1, 2*), во время пятнич-

Фото 1. Портреты погибших хуситов на площади Тахрир в Санае.

ных молитв рассказывают об их подвигах. И «Хезболла», и «Ансарулла» помогают семьям погибших, что положительно сказывается на общественном мнении. Смерть на фронте представляется как подвиг самопожертвования во имя общей цели, поступок, достойный восхваления и подражания. Имена погибших и их истории

Фото 2. Ятр, юг Ливана. 10 апреля 2008 г. «Мученики «Хезболлы»».

иногда звучат в текстах песен как хуситских, так и «Хезболлы».

ГРАФФИТИ

Еще одно сходство - использование уличного искусства граффити. Рисунки против США и Израиля встречаются и на улицах Южного Бейрута, и на улицах Саны. В йеменской столице тематика шире - от бомб, падающих с беспилотников, до голодающих детей. Ко всему прочему, на площади Тахрир установлен картонный монумент - окровавленная статуя Свободы с бомбами в руках (см. *фото 3*).

Фото 3. Картонная статуя Свободы на площади Тахрир.

В этом случае напрашивается параллель с рисунками на стенах посольства США в Тегеране. Стоит добавить, что часто «Ансарулла» наносит на стены домов свой девиз, он же является и флагом движения. «Хезболла», в свою очередь, ограничивается вывешиванием флагов на улицах.

ЗАИМСТВОВАНИЕ И РАСШИРЕНИЕ

Глубокое знание культуры и традиций Йемена, упор на них в сочетании с широким применением современных технологий привели хуситов к успеху.

Документальных подтверждений того, что на земле работают иранские или ливанские советники, нет. Более того, в прессе встречались указания на то, что хуситы в 2013 и 2014 гг. ездили в Бейрут и Тегеран и остались недовольны тем, что к ним относились как к братьям меньшим, а не на равных.

Со стороны Тегерана были озвучены советы - не брать столицу Сану, не идти далее на юг, не рвать отношения с Али Абдаллой Салехом. Но все эти послы, в итоге, были хуситами проигнорированы [22].

Документально доказать возможный факт сотрудничества «Ансаруллы» с «Хезболлой» трудно. Автор склоняется к мысли, что в области СМИ имеет место простое заимствование уже отработанной успешной формы взаимодействия и работы с населением в условиях конфликта. Учитывая местные реалии и похожую повестку, выбран зарекомендовавший себя в Ливане вариант. Но получилась не калька, а расширенный и более креативный подход к информационному воздействию на массы.

О том, насколько успешна информационная работа хуситов, говорит и тот факт, что министр

ры информации стран саудовской коалиции в июне 2018 г., т.е. спустя 4 года после начала военных действий, были вынуждены собраться в Саудовской Аравии, в Джидде, чтобы обсудить, как скоординированно противодействовать хуситам в информационном поле, в т.ч. и в интернете [23]. Предпринимались отдельные попытки отключить телеканал «аль-Масира» от спутника. Но, в целом, противопоставить оказалось нечего. Еженедельные отчеты военного командования, скудные репортажи с фронта вкупе с реалиями на земле делают хуситский вариант работы с информацией предпочтительнее и эффективнее.

* * *

Исходя из личного опыта пребывания в Йемене в 2012 и 2016 гг., автор пришел к выводу, что хуситы выбрали наиболее эффективную тактику работы с общественным мнением с учетом специфики и менталитета региона в целом. У руководства движения есть четкое понимание важности пропаганды. Идет активная работа с молодежью в Санае, которая началась еще в период «арабской весны». Немало усилий тратится именно на ведение информационной войны, в то время как противник явно недооценивает этот инструмент, делая ставку на тупиковое военное решение конфликта.

Фото автора

Список литературы / References

1. Iran-backed Yemeni rebels attack Saudi civilian airport. <https://www.dw.com/en/iran-backed-yemeni-rebels-attack-saudi-civilian-airport/a-49154184> (accessed 12.06.2019)
2. Saudi Arabia ups the ante on Iran-backed Houthis. <https://the arabweekly.com/saudi-arabia-ups-ante-iran-backed-houthis> (accessed 16.06.2019)
3. Who are the Houthis and how closely linked are they to Iran. https://www.washingtonpost.com/gdpr-consent/?next_url=https%3a%2f%2fwww.washingtonpost.com%2fworld%2f2019%2f09%2f16%2fwhy-iran-is-getting-blame-an-attack-saudi-arabia-claimed-by-yemens-houthis%2f (accessed 16.09.2019)
4. The last days of Iran under the Shah. <https://www.ft.com/content/509f5672-f261-11dd-9678-0000779fd2ac> (accessed 06.02.2019)
5. The history of «Death to America». https://www.washingtonpost.com/gdpr-consent/?destination=%2fnews%2fworldviews%2fwfp%2f2015%2f02%2f18%2fthe-history-of-death-to-america%2f%3futm_term%3d.95411d4a47b1 (accessed 18.02.2015).
6. Furious Arabs Protest Invasion of Iraq. https://www.foxnews.com/printer_friendly_story/0,3566,81822,00.html (accessed 21.03.2003)
7. Hizbullah Leader Hassan Nasrallah: Trump is Greatest Hypocrite on Earth for Claiming to Defeat ISIS. <https://www.youtube.com/watch?v=9TqhBnNTq8w> (accessed 19.02.2019)
8. 4:3 Houthi leader on «historic» mission against Hadi govt. <https://www.youtube.com/watch?v=rvnwV9cQH-A> (accessed 03.08.2015)
9. The truth about UK arms deals with Saudi Arabia. <https://www.theweek.co.uk/checked-out/86700/the-truth-about-uk-arms-sales-to-saudi-arabia> (accessed 26.10.2018)
10. Abdul Malik al-Houthi talks about Sayyid Hasan Nasrallah. <https://www.youtube.com/watch?v=OaRaFZuAPRU> (accessed 02.06.2017); Avertissement sur le Yémen - extraits du seyyed Hassan Nasrallah sur le Yémen. <https://www.youtube.com/watch?v=Vi43QKxTcCI> (accessed 01.07.2018)
11. Houthis' visit to Beirut stirs division and controversy. <https://the arabweekly.com/houthis-visit-beirut-stirs-division-and-controversy> (accessed 09.09.2018)
12. Houthi landmines kill, injure dozens of children in Yemen's Mocha. <https://english.alarabiya.net/en/features/2019/01/16/Children-are-dying-in-this-Yemeni-city-scattered-with-Houthi-landmines.html> (accessed 16.01.2019)
13. The crime of targeting the Hayash family in the Hajjah Governorate on the blessed Eid Al-Adha Day. https://www.almasirah.net/gallery/preview.php?file_id=29263 (accessed 11.08.2019)
14. How the war in Yemen became a bloody stalemate. <https://www.nytimes.com/interactive/2018/10/31/magazine/yemen-war-saudi-arabia.html> (accessed 06.11.2018)
15. Слепухина О.П. Народная поэзия как источник по истории и культуре Йемена. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2017, № 6, с. 42-46. (Slepukhina O.P. 2017. People's poetry as source of history and culture or Yemen. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. № 6) (In Russ.)
16. Rebel, rebel: The protest songs of Yemen's war. <https://www.middleeasteye.net/news/rebel-rebel-protest-songs-yemens-war> (accessed 20.11.2016)
17. Karbala - Inspiration of Freedom - Yemeni song with English subtitles. <https://www.youtube.com/watch?v=ydJNjImWjos> (accessed 10.09.2018)
18. Houthi BEST Song Against Saudi - With Subtitles. <https://www.youtube.com/watch?v=RkmRRgrCHJM> (accessed 14.01.2019)
19. Houthi poetry and songs: Propaganda, art or both? <https://www.thefreelibrary.com/Houthi+poetry+and+songs%25253A+Propaganda%25252C+art+or+both%25253F-a0392309036> (accessed 04.12.2014)
20. Houthi Nasheed (The Drums of War). https://www.reddit.com/r/YemeniCrisis/comments/8nnyjw/houthi_nasheed_the_drums_of_war/dzyscdv/ (accessed 01.06.2018)
21. Songs for Hezbollah. <https://www.buzzfeednews.com/article/mikegiglio/songs-for-hezbollah> (accessed 05.12.2013)
22. How the war in Yemen became a bloody stalemate. <https://www.nytimes.com/interactive/2018/10/31/magazine/yemen-war-saudi-arabia.html> (accessed 06.11.2018)
23. Ministers discuss winning media war in fight for Yemen's legitimacy. <https://www.arabnews.pk/node/1326951/saudi-arabia> (accessed 24.06.2008)

ШИИЗМ В МАРОККО: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2020 О. ЧИКРИЗОВА, Н. МОРОЗОВА

DOI: 10.31857/S032150750009547-3

ЧИКРИЗОВА Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (chikrizova-os@rudn.ru)

МОРОЗОВА Надежда Николаевна, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (morozova-nn@rudn.ru)

Резюме. Статья посвящена общественно-политическому положению шиитского меньшинства в Марокко и вовлеченности марокканских шиитов в транснациональную шиитскую политику. Выявляется влияние шиитского «наследия» на современное Марокко и роль внешних факторов в политизации шиитского меньшинства в Королевстве. Сравнивая активность марокканских шиитов, проживающих на родине и за ее пределами, автор объясняет причины более высокой социальной активности шиитов Марокко, проживающих в Бельгии.

Ключевые слова: Марокко, шиизм, шерифская традиция передачи власти, «духовная безопасность», транснациональная шиитская политика, религиозная политика в отношении диаспоры, Бельгия, Иран

SHI'ISM IN MOROCCO: HISTORICAL HERITAGE AND MODERNITY

Olga S. CHIKRIZOVA, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (chikrizova-os@rudn.ru)

Nadezhda N. MOROZOVA, Assistant, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (morozova-nn@rudn.ru)

Abstract. The article is devoted to the socio-political stance of the Shiite minority of Morocco, as well as the involvement of Moroccan Shiites in transnational Shiite politics caused by the aggravation of the situation around Iran due to the United States withdrawing from the Joint Comprehensive Plan of Action for the Iranian Nuclear Program (2015) in 2018, the escalation of the struggle for regional leadership between Saudi Arabia and Iran, which involves other regional participants and affects conflicts in Iraq, Syria and Yemen.

The author reveals influence of the Shiite "heritage" on modern Morocco, as well as the role of external factors in the politicization of the Shiite minority in the Kingdom. Comparing the activity of Moroccan Shiites living at home and abroad, the author explains the reasons for the higher social activity of Moroccan Shiites living in Western Europe: unlimited religious freedom guaranteed to Belgians, lack of obstacles to religious pilgrimage, including Shiite shrines, wide access to sources of information about Shi'ism, the most valuable of which are Shiites from Iran, Iraq and Lebanon, who live in Belgium next to Moroccans. The author also cites studies that analyze the phenomenon of the transition of Belgian Moroccan Sunnis to Shi'ism.

To sum up, the author concludes that Moroccan authorities fear not "individual" Shi'ism, but consolidated Shiite movement because its loyalty may belong not to the Moroccan monarchy, but to foreign governments, for example, Iran or the Lebanese Hezbollah.

Keywords: Morocco, Shi'ism, Sherifian tradition of power transfer, spiritual security, transnational Shiite policy, religious diaspora policy, Belgium, Iran

Актуальность изучения общественно-политического положения и роли шиитского меньшинства в Королевстве Марокко - государстве, подавляющее большинство населения которого составляют мусульмане-сунниты, обусловлено двумя факторами.

Во-первых, в настоящее время наблюдается очередной всплеск шиитского политического активизма, а также рост влияния транснационального шиитского движения. Это вызвано обострением обстановки вокруг Ирана вследствие выхода в 2018 г. США из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (2015 г.) и эскалацией борьбы за региональное лидерство между Саудовской Аравией и Ираном, в которую втянуты другие региональные участни-

ки и которая отражается на конфликтах в Ираке, Сирии и Йемене.

Международное сообщество в лице США, стран ЕС и Саудовской Аравии обвиняет Тегеран в финансовой и военно-технической поддержке шиитских общин по всему миру, в стремлении объединить шиитов с целью усиления собственного влияния. Естественной реакцией Ирана на подобные обвинения является желание «сомкнуть ряды» своих союзников, в числе которых Ирак, режим Б.Асада в Сирии и ливанская «Хезболла», и еще более активно защищать общие интересы.

Во-вторых, в контексте изучения исламского фактора в политике выделяется Марокко, в котором сложилась уникальная модель взаимодейст-

вия ислама и политики, в рамках которой главой и светской, и духовной власти выступает один человек - монарх, носящий также титул «повелителя правоверных» (*амир аль-му'минин*). В этой связи к функциям короля относится «управление» вопросами религии, что должно обеспечивать согласие внутри мусульманской уммы Марокко и, следовательно, национальное единство. Однако на практике вовлеченность марокканских шиитов в транснациональное шиитское движение возрастает практически пропорционально росту их численности среди марокканцев, особенно проживающих за пределами Марокко.

Если вспомнить о богатом шиитском «наследии» Королевства, о котором речь пойдет ниже, марокканская модель взаимодействия религии и политики становится еще более привлекательной для исследователей.

ШИИТСКИЕ ОБЩИНЫ МАРОККО: ЧИСЛЕННОСТЬ, ГЕОГРАФИЯ ПРОЖИВАНИЯ

Численность шиитской общины Марокко доподлинно неизвестна, что объясняется следующими причинами: во-первых, в анкетах переписей населения, проведенных в Королевстве в 1994, 2004 и 2014 гг. [1], отсутствовал вопрос о конфессиональной принадлежности; во-вторых, марокканские шииты нередко придерживаются принципа *ат-такыйй* - сокрытия религиозных убеждений с целью выживания себя и единоверцев.

В этой связи приведем данные из нескольких источников, где указывается приблизительное число проживающих в Марокко шиитов. Так, по данным *Pew Research Centre* за 2009 г., шиитское меньшинство в Королевстве составляет менее 1% [2]. Согласно ежегодному докладу о религиозной свободе в мире (2018 г.), подготовленному Госдепартаментом США, марокканские шииты составляют менее 0,1% населения страны, составляющего 32 млн 472 тыс. человек [3], т.е. несколько тысяч, из которых от 1 до 2 тыс. - выходцы из Ливана, Сирии и Ирака [4].

Шииты проживают преимущественно на севере Марокко: в Танжере, Тетуане, Эль-Хосейме, Касабланке, Фесе, Рабате, Мекнесе, Уджде, а также на юго-западе - в Агадире и Марракеше [5, р. 524; 6]. Таким образом, можно утверждать, что шииты «разбросаны» по всей территории Королевства, а не сосредоточены в какой-то конкретной области.

ШИИТСКОЕ «НАСЛЕДИЕ» МАРОККО

Шиизм начал проникать на территорию Марокко в VIII в., но широкое распространение получил уже в IX в. во время правления династии Идрисидов (789-985). Основатель династии - Идрис I - был потомком пророка Мухаммеда по ли-

нии Али ибн Аби Талиба, т.е. был одним из Алидов, или *ахль аль-бейт*. Идрис I, принадлежавший к зейдитскому ответвлению шиизма, впал в немилость у правивших тогда Арабским халифатом Аббасидов и был вынужден бежать на запад Северной Африки.

В 786 г. Идрису I удалось заручиться поддержкой ряда берберских племен, которые признали его имамом и приняли шиизм в качестве своей религии. Впоследствии Идрисиды привлекли берберов к управлению государством [5, р. 518]. Более того, шиизм для части берберов стал одним из «столпов» национальной идентичности, позволивших сохранить свою уникальность перед лицом угрозы ассимиляции и аккультурации со стороны арабской цивилизации в рамках халифата Аббасидов.

Таким образом, Идрис I сумел создать на территории Марокко первое независимое от Халифата исламское государство, наследование трона в котором регулировалось *шерифской* традицией, т.е. власть передавалась потомкам пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы и зятя и кузена Али ибн Аби Талиба.

Нынешняя правящая династия, Алауиты, которые также являются *шерифами*, сохранили эту традицию передачи власти. Хотя королевская семья принадлежит к маликитскому *мазхабу* (религиозно-правовой школе) суннитской ветви ислама, именно шерифская традиция передачи власти сближает маликитский *мазхаб* с шиизмом.

Главными достижениями правления Идриса I стали территориальные завоевания в западной и центральной частях Марокко, а также распространение шиизма в тех уголках страны, куда исламское вероучение до этого не успело проникнуть. Первый правитель династии Идрисидов основал Фес, а его наследник, Идрис II, превратил город в центр исламизации Магриба - не только Марокко, но и Алжира, часть территории которого была отвоєвана у Аббасидов.

Начало заката государства Идрисидов было обусловлено как внутренней междоусобицей, начавшейся после смерти Идриса II в 829 г., так и внешними факторами, среди которых - рост влияния династии Фатимидов, которым удалось заручиться поддержкой некоторых берберских племен, проживавших на территории государства Идрисидов. Фатимиды, исповедовавшие исмаилизм - другое ответвление шиизма, нанесли ряд серьезных поражений Идрисидам в 917-920 гг. Только благодаря поддержке кордовских Омейядов династия Идрисидов вплоть до 985 г. удерживала власть над Танжером, а также Фесом и Сеутой, которые несколько раз переходили из рук в руки.

После падения Идрисидов территория Марокко была разделена на несколько мелких королевств, которые были вновь объединены только в XI в. династией Альморавидов (1062-1145).

Важно отметить, что все правящие в Марокко после Идрисидов династии, кроме Альморавидов (которые проводили практику «очищения» ислама и гонения на шиитов) и Альмохадов (1145-1248), вели свое происхождение от пророка Мухаммеда и следовали шиитской политической модели, хотя и принадлежали к суннитскому исламу. Нынешний правитель Марокко - Мухаммед VI - из династии Алауитов, как и его предшественники, носит титул «повелитель правоверных», являясь главой не только светской, но и духовной власти.

Таким образом, правление Идрисидов и Фатимидов в Марокко не прошло бесследно для культурного «кода» страны: шиизм, несомненно, повлиял на религиозную жизнь марокканского общества, главным образом, посредством обращения в ислам берберских племен. Кроме того, шерифская традиция передачи власти, возникшая при Идрисидах, соблюдается до сих пор.

«ШИИТСКИЙ ФАКТОР» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МАРОККО

Шииты, проживающие в Марокко, условно делятся на два типа: те, кто идентифицирует себя с шиизмом, руководствуясь религиозными соображениями и чувством религиозной сопричастности, и те, кто принял шиизм или подчеркивает свою принадлежность к шиитской общине с целью демонстрации поддержки транснационального шиитского движения в лице ливанской «Хезболлы» и/или Исламской Республики Иран.

Марокканские шииты следуют в русле общей тенденции к росту шиитского политического активизма, который наблюдается с момента победы иранской исламской революции и провозглашения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г.

Это подтверждается тем, что именно в 1980-е гг. в Марокко начался рост числа людей, относящих себя к шиитам. Тогда же на Марокко начало распространяться вещание радиостанции «Аль-Манар», принадлежащей ливанской «Хезболле» и транслирующей проповеди ее идеологов. Кроме того, постулаты шиизма распространялись в Королевстве марокканцами, обучавшимися в Ираке, Иране, Ливане и Сирии, а также теми, кто в течение какого-то времени проживал и работал в этих странах и успел усвоить и проникнуться симпатией к шиитской доктрине.

Реакцией марокканских властей на распространение идеи иранской исламской революции стало издание в 1981 г. указа о создании Высшего совета улемов. В преамбуле этого документа говорилось об «опасности иностранных идеологий» для «самобытности марокканской нации и ее подлинных ценностей» [7, р. 65]. Нетрудно догадаться, что опаснейшей среди «иностранных идеоло-

гий» на тот момент был политизированный шиизм в его иранском варианте.

Исламская революция в Иране и ее международно-политические последствия вынудили Марокко разработать концепцию «духовной безопасности» (*аль-амн ар-рухий*), которая демонстрировала, насколько высока степень интегрированности духовной сферы в систему безопасности марокканского государства [7, р. 65; 8]. В рамках концепции подчеркивалась значимость «доктринального единства» марокканского ислама, состоявшего, по выражению доктора политических наук Б.Брюса (Колледж северной границы, г. Монтеррей, Мексика), в «триумvirате национальных религиозных традиций», таких как маликитский *мазхаб*, *аш'аризм* и суфизм [7, р. 65]. В центре этой системы находится марокканский монарх как «повелитель правоверных».

Однако картина будет неполной, если не указать на еще одну опасность для марокканской монархии, исходящую от шиизма: это его приверженность следованию авторитетам (*ат-таклид*), образцам для подражания (*марджа ат-таклид*, высшее духовное звание шиитских духовных лидеров), которыми часто выступают великие аятоллы, обладающие харизмой и даром ораторов. В глазах правящего в Марокко режима любой харизматичный шиитский проповедник может отнять - если не де-юре, то де-факто - титул «повелителя правоверных» у марокканского монарха [9, р. 246].

Как мы видим, шиитский ислам в таком контексте автоматически оказывался «за бортом», что открывало двери для повсеместного осуждения приверженцев шиизма, обвинений их в религиозном отступничестве и отсутствии лояльности по отношению к правящему режиму.

В условиях, когда прежний лидер арабского мира, Египет, находился в изоляции после подписания мирного договора с Израилем в 1979 г., главы арабских государств, враждебно настроенных по отношению к «режиму мулл» в Иране, возглавил именно Хасан II. В 1982 г. он созвал улемов в Касабланке с тем, чтобы они объявили имама Хомейни отступником от ислама [10]. В своем интервью в феврале 1982 г. газете «Фигаро», король Хасан II заявил, что не хочет называться мусульманином, если аятолла Хомейни называет себя таковым [10].

Хасан II и последний шах Ирана, Мохаммед Реза Пехлеви, состояли в дружеских отношениях. После исламской революции в Иране и свержения монархии шах некоторое время проживал в Марокко по приглашению Хасана II, а отношения с новым режимом в Иране были разорваны и восстановлены только в 1991 г., уже после смерти аятоллы Хомейни, с которым у тогдашнего марокканского монарха существовали непреодолимые разногласия.

В начале 1980-х гг. Королевство решительно встало на сторону Ирака и его лидера С.Хусейна в ирано-иракской войне. В свою очередь, Иран не остался в стороне: Тегеран стал прибежищем для бежавшего из Марокко в 1980 г. Абделькрима Мутии, основателя движения «Шабига исламийя». А.Мутии и его последователи, как отмечает марокканский журналист М.Джаабук, получали от иранских властей оружие и разрешение на организацию тренировочных лагерей на территории Ирана [10].

Для подобного шага у Ирана был и еще один мотив: ранее марокканское правительство, стремясь обрести поддержку, в т.ч. финансовую, своей войны против западно-сахарского фронта ПОЛИСАРИО, обратилось к Саудовской Аравии, главному оппоненту ИРИ в «мире ислама». Сближало два королевства и стремление противодействовать влиянию идей иранской исламской революции на свое население.

Саудовская Аравия начала инвестировать значительные средства в экономическое развитие Марокко, параллельно ведя идеологическую работу: распространение своего видения ислама посредством открытия коранических школ, где преподавались не основы маликитского мазхаба, распространенного в Марокко, а пропагандировался саудовский вариант ханбалитского мазхаба¹. Кроме того, Эр-Рияд поощрял деятельность различных благотворительных фондов на марокканской территории, которые юридически были частными, а на деле контролировались членами правящей семьи Аль Сауд (подробнее об этом см.: [11]).

Естественным следствием такой политики Саудовской Аравии стало доминирование просаудовских улемов в Королевстве Марокко и активизация антииранской и антишиитской пропаганды в стране [12]. Шииты объявлялись отступниками или вообще немусульманами.

Результатом совместных действий Саудовской Аравии и Марокко стало более строгое следование принципу *ат-такыйя* марокканскими шиитами, которые опасались преследований со стороны правительства. Часть шиитов, не сумевших смириться с подобным к себе отношением на родине, эмигрировали в Иран [5, р. 520] или страны Западной Европы.

После восстановления мароккано-иранских дипломатических отношений в 1991 г., тем не менее, Рабат не смог полностью избавиться от стра-

ха перед угрозой «экспорта исламской революции» из Ирана, даже несмотря на официальный отказ Тегерана от этой внешнеполитической концепции.

Общественно-политическое положение марокканских шиитов несколько улучшилось после принятия в 1996 г. новой конституции, которая гарантировала свободу вероисповедания (ст. 6), свободу мысли и выражения (ст. 9, п. b) и свободу союзов (ст. 9, п. c), а также равные права в получении образования и при трудоустройстве (ст. 13) [13].

В 2002 г. впервые в новейшей истории Марокко шиитская организация «Аль-Гадир», основанная Мухсином Хани, младшим братом влиятельного шиитского лидера Идриса Хани, подала заявку на официальное признание. Однако официального ответа на эту заявку марокканское руководство так и не дало [14], что может свидетельствовать о существовании ряда ограничений свободы шиитов в создании союзов и организаций.

В настоящее время, как отмечает большинство исследователей, рост шиитской общины Марокко обуславливается, главным образом, влиянием внешнего фактора, т.е. усилением роли шиитов в постсаддамовском Ираке и политическими успехами «Хезболлы» в Ливане, а также ростом шиитского активизма в странах Персидского залива. Следствием вовлечения марокканских шиитов в транснациональную шиитскую политику становится растущее недоверие к ним со стороны марокканских властей, а также случаи дискриминации шиитов, проживающих в Королевстве.

В 2009 г. произошел очередной кризис в отношениях между Марокко и Ираном. Тогда Рабат обвинил Тегеран в распространении шиитского ислама внутри Марокко с целью дестабилизации внутреннего единства Королевства и подрыва его «духовной безопасности». Подобный шаг марокканской стороны можно рассматривать и как реакцию на обострение территориального спора между Ираном и Бахрейном, хотя разрыв отношений в масштабах той ситуации кажется непропорциональным ответом.

Вслед за этим власти Королевства организовали кампанию по арестам марокканских шиитов. Шиитов задерживали и подвергали допросу, их подозревали в лояльности Тегерану и/или ливанской «Хезболле». С тех пор любое ограничение общественно-политической активности шиитско-

¹ Маликитский мазхаб - одна из 4 религиозно-правовых школ в суннитском исламе, возникшая в VIII в. в Медине. Распространен на Аравийском п-ове, в Египте, Северной Африке. Одной из особенностей маликитского мазхаба является то, что *Сунна* (Священное предание ислама) не подлежит никакой интерпретации в отношении тех *хадисов* (рассказов), которые восходят к сподвижникам пророка Мухаммеда - мединцам, только их сведения признаются полностью достоверными.

Ханбалитский мазхаб - 4-й канонизированный суннитский мазхаб, возникший в IX в. как религиозно-политическое движение и только к началу XI в. оформившийся в догматико-правовую школу. Одна из главных особенностей ханбалитского мазхаба - отрицание любых не имеющих прямого обоснования в Коране и хадисах нововведений (*бид'а*) в области вероучения и права (*прим. авт.*).

го населения оправдывается тем, что она может подорвать «духовную безопасность» государства. Ответной реакцией на преследования со стороны властей стал перенос деятельности шиитских активистов в виртуальное пространство.

Ситуация 2009 г. повторилась спустя 9 лет, в 2018 г., когда Марокко вновь объявило о закрытии посольства Ирана в Рабате в ответ на «военную поддержку Ираном фронта ПОЛИСАРИО и формирование Тегераном альянса, направленного на подрыв национальной безопасности Королевства и его интересов» [15]. Тем не менее, в отличие от 2009 г., вслед за разрывом отношений антишиитской кампании не последовало.

Марокканский социолог М.Генфуди выделяет 4 идеологических течения среди шиитов Марокко [6].

Первое и самое многочисленное - это сторонники движения «*Аль-хадд ар-рисалий лиль-Маг-риб*» (*Ressali Line*), возглавляемого Камалем аль-Газали и Исамом Хмайданом. Действует преимущественно в Танжере и Тетуане. *Ressali Line* позиционирует себя как общеисламскую организацию, «открытую для всех» и «принимающую в свои ряды представителей всех течений внутри ислама, поскольку ислам - это единая религия, а Марокко - общая родина, защищающая интересы всех своих подданных» [16]. Таким образом, организация выступает за диалог между шиитами и суннитами, преодоление идеологических разногласий и уважение права каждого выбирать, какой правовой доктрине следовать.

Стоит отметить, что существуют серьезные предпосылки для такого диалога: в Королевстве сунниты вместе с шиитами 10 числа месяца *му-харрам* (первый месяц мусульманского лунного календаря) отмечают день поминовения имама Хусейна (*Ашшур*) [5, р. 523], что размывает границу между суннитской и шиитской частью марокканского населения и сильно отличает марокканский шиизм от его ближневосточного варианта.

Второе течение - «*ширазиисты*» - представляет собой наиболее радикально настроенное объединение марокканских шиитов. Сторонники этой группы называют себя наследниками идей великого аятоллы Мухаммеда Ширази (1928-2001), приверженца идей ненасилия, миролюбия и свобод человека. Вопреки этому «ширазиисты» находятся в прямой конфронтации с марокканскими суннитами, а также с теми шиитами, которые выступают за внутриисламский диалог и защиту религиозной специфики Королевства Марокко, на протяжении своей долгой истории служившее прибежищем для представителей различных религий и конфессий.

«Ширазиисты» не скрывают своей симпатии к шейху Ясиру аль-Хабибу (р. 1979 г.), шиитскому проповеднику родом из Кувейта, который проживает в Великобритании. Я.аль-Хабиб читает

лекции по исламу, которые транслируются спутниковым телеканалом «Фадак». В своих речах и проповедях шейх Хабиб нередко подвергает критике высказывания лидера ливанской «Хезболлы» Хасана Насраллы (р. 1960 г.).

Третье течение - это «*хомейнисты*». Их активность ограничена пространством Интернета, на просторах которого они обсуждают различные аспекты шиитской догматики и *фикха* (исламского правоведения), поэтому выделить кого-то в качестве лидера группы не представляется возможным. Организационная структура у этого течения также отсутствует. Взаимосвязь между политическим руководством Исламской Республики Иран и вопросами, обсуждаемыми на страницах «хомейнистов» в социальных сетях, привела к тому, что члены группы сильно ограничили свое присутствие в марокканских СМИ. «Хомейнисты» опасаются преследования со стороны марокканских властей и обвинений в нелояльности правящему в Марокко режиму, а также в связях с Тегераном.

Наконец, четвертое течение - это «*систанисты*», самое малочисленное и слабое из всех. Название группы происходит от имени верховного аятоллы Али ас-Систани (р. 1930 г.), духовного лидера шиитов в Ираке. Взгляды А.ас-Систани являются объектом изучения Центра исследования веры «Аль-Акаед» (Ирак), который «взял под свое крыло» часть марокканских шиитов, выделив на своем веб-сайте специальных раздел, где публикуются статьи и книги шиитов Королевства, истории из их жизни.

Примечательно, что одним из вопросов, разрабатываемых аятоллой ас-Систани, является кодекс поведения мусульманина, живущего в странах Запада. Эта тема становится все более актуальной в свете нерешенного до сих пор миграционного кризиса в Европе, начавшегося в 2015 г. вследствие лавинообразной миграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Неконтролируемая миграция в европейские страны была вызвана народными протестами в ряде ближневосточных и североафриканских государств в ходе так называемой «арабской весны» и последовавшими за ней гражданскими войнами в Ливии, Сирии и Йемене. Кроме того, хаосом в Ливии воспользовались и жители стран Африки южнее Сахары, примкнув к потокам беженцев из зон конфликтов для нелегального переезда в Европу с ливийской территории.

Особую значимость приобретает положение марокканских шиитов, проживающих в Европе, главным образом - в Бельгии.

МАРОККАНСКИЕ ШИИТЫ В БЕЛЬГИИ

Значительные потоки мигрантов из Марокко в страны Западной Европы стали результатом

подписания официальных межправительственных соглашений о найме рабочей силы: в 1963 г. - с Францией и Германией, в 1964 г. - с Бельгией, в 1969 г. - с Нидерландами. Для ограниченного круга представителей элиты также было доступно получение высшего образования, в частности во Франции. Однако после нефтяного кризиса 1973 г. европейские страны были вынуждены свернуть свои программы приема трудовых мигрантов и в одностороннем порядке ввести ограничения на выдачу виз, в т.ч. для марокканцев. Вследствие этого миграция из развивающихся государств в страны Западной Европы либо приобрела нелегальный характер, либо продолжалась уже в рамках программ по воссоединению семей.

В настоящее время самые крупные марокканские общины проживают во Франции, Испании, Италии, Бельгии, Нидерландах и Германии. Марокканская община в Бельгии, о которой ниже пойдет речь, насчитывает 300 тыс. человек [17, р. 10].

Активная миграция из Марокко в Западную Европу, т.е. в инорелигиозное пространство, вызвала у марокканского правительства обеспокоенность. С одной стороны, оно опасалось усиления позиции неофициальных течений и движений, существующих в Марокко и вместе с мигрантами «переселившихся» за границу, где они быстро оформлялись и крепились, а с другой - проникновения чуждых идеологий на территорию Королевства как раз через своих подданных, проживающих за рубежом.

Это заставило власти Марокко разработать механизмы контроля над марокканской диаспорой в Европе, в т.ч. над духовными аспектами жизни представителей этой диаспоры. Доктор политических наук Б.Брюс (Колледж северной границы, г. Монтеррей, Мексика) вводит термин «религиозная политика в отношении диаспоры» (*religious diaspora policy*), под которым понимает «совокупность действий, осуществляемых национальными государственными учреждениями с целью определения легитимности/нелегитимности того или иного религиозного авторитета в мусульманском поле диаспоры» [7, р. 77].

Важность «религиозной политики в отношении диаспоры» возросла после того, как в конце 1970-х - начале 1980-х гг. начала меняться структура марокканской зарубежной диаспоры: к мужчинам, работавшим в странах Западной Европы по найму, приехали их жены с детьми, которых теперь приходилось воспитывать в инокультурной среде. Ключевую роль здесь стали играть мечети, которые должны были способствовать сохранению традиционных ценностей и поддержанию со-

циальных связей с соотечественниками вдали от родины.

В контексте изучения марокканских шиитов наиболее интересным представляется случай Бельгии, где выходцы из Марокко представляют довольно многочисленное мусульманское меньшинство (преимущественно проживающее в Брюсселе и его пригородах), внутри которого в последние годы наблюдается феномен обращения марокканцев-суннитов в шиизм.

Это явление тщательно изучено в работах бельгийской исследовательницы Иман Лешкар [9; 17], которая проводила полевое исследование в среде марокканцев Бельгии. Посредством интервьюирования она установила, что марокканцы-сунниты, перешедшие в шиизм, не воспринимают свой поступок как «обращение в шиизм», но как «озарение» (*истибсар*) или «возвращение к истокам», которые в силу обстоятельств были утрачены [17, pp. 368-369]. Среди таких обстоятельств чаще всего указывается на то, что в течение долгого времени окружение формировало у респондентов негативный образ шиитов, называя их немусульманами, а их верования «нечистыми» и «ложными». Нередко также подчеркивалось, что шииты - это персы, а не арабы [17, р. 372].

И.Лешкар выделяет 6 волн «шиитизации» марокканцев Бельгии:

1. Обращение в шиизм небольшой группы марокканцев из Бельгии, которые молились вместе с имамом Хомейни в то время, когда он находился в ссылке во Франции (1978 г.);
2. Реакция на трансляции хода исламской революции в Иране и последовавшие после нее открытие посольства ИРИ и иранских культурных центров в Брюсселе;
3. Плоды деятельности иракской партии «Ад-Да'ава»² в Брюсселе;
4. Ирано-иракская война 1980-1988 гг., ход которой освещался бельгийскими СМИ, и решение брюссельского имама Уадрасси организовать молебен за павших шиитских воинов, вслед за чем имам сообщил, что открыл для себя шиитскую доктрину;
5. Реакция на политический подъем ливанской «Хезболлы», особенно после ее столкновений с Израилем в 2000 и 2006 гг.;
6. Рост влияния марокканских шиитов Бельгии на своих соотечественников [17, р. 368], а также пополнение числа приверженцев шиизма в Бельгии за счет мигрантов из Афганистана, Ирака, Ливана и Ирана. После миграционного кризиса 2015 г. в Европе численность шиитов в Бельгии составила 10-15% от

² «Ад-Да'ава», или Хизб ад-Да'ава аль-ислямийя (Партия исламского призыва) - иракская шиитская партия, созданная в 1950-х гг. с целью противостояния светской идеологии партии «Баас» и коммунизму. Является правящей партией в Ираке с 2006 г. (прим. авт.).

500-тысячной общины мусульман, проживающих в стране [9, р. 244].

Как и в случае с марокканскими шиитами, проживающими в Королевстве, марокканцы-шииты Бельгии также можно условно разделить на 2 типа: те, кто обращается в шиизм под действием некоего эмоционального события (аффекта) (*affectional / relational* по терминологии И.Лешкар), например, встречи с имамом Хомейни, и те, кто сделал рациональный выбор в пользу шиитских постулатов [17, р. 370]. Следовательно, первых, как правило, больше впечатляют политические, а вторых - богословские аспекты шиизма.

В Брюсселе функционирует 2 крупных шиитских центра - мечеть Ар-Рахман (*Al Rahman Mosque*), которая открылась в начале 1980-х гг., и Центр Аль-Реда (*Al Reda Centre*), основанный в 1994 г. Причем эти центры посещают не только марокканцы-шииты, проживающие в Брюсселе: жители других городов приезжают в столицу с целью участия в торжествах по случаю главных шиитских праздников.

И.Лешкар отмечает, что мечеть Ар-Рахман посещают преимущественно марокканцы (шииты и сунниты), тогда как Центр Аль-Реда пользуется популярностью как у марокканцев, так и у выходцев из Ливана, Ирака, Турции, стран Тропической Африки и коренных бельгийцев, исповедующих ислам. Еще одно важное отличие двух центров состоит в следующем: мечеть Ар-Рахман видит своей миссией сближение двух исламских течений, что демонстрирует упоминание праведных халифов в *хутбе* (проповеди), тогда как Центр Аль-Реда работает на сохранение и укрепление именно шиитских традиций среди мусульман Бельгии, поэтому в *хутбах*, читаемых в Центре, упоминаются только 12 шиитских имамов [9, pp. 249-250].

Марокканские шииты, проживающие в Бельгии, проявляют себя как более активные в общественно-политической жизни, чем их единоверцы, проживающие в Марокко. В Бельгии созданы такие организации шиитов, как «Ассоциация мира», «Ассоциация Захра», «Хуссейни Захра», «Культурная ассоциация Ас-Саклин» [6].

Это объясняется, во-первых, тем, что свобода вероисповедания в Бельгии и других странах Западной Европы соблюдается более тщательно, чем в Марокко. Это облегчает отправление религиозных ритуалов и посещение святых для всех шиитов мест в Ираке и Иране. Во-вторых, проживая среди единоверцев из числа иракских, иранских и ливанских мигрантов, марокканские шииты Бельгии значительно быстрее проходят процесс религиозной трансформации и глубокого погружения в доктрину шиизма.

Со своей стороны, Марокко реагирует на рост численности марокканской общины в странах Европы, увеличивая численность исламских ре-

лигиозных деятелей - чтецов Корана, проповедников и университетских преподавателей, - направляемых в принимающие общества. Разумеется, речь идет о представителях суннитского ислама, так как наличие шиитского «компонента» в религиозной идентичности Марокко замалчивается.

* * *

Малочисленность шиитского меньшинства в Марокко, на первый взгляд, может показаться свидетельством его незначительности и отсутствия влияния на общественно-политическую жизнь Королевства. Однако, напротив, случай Марокко особенный, поскольку шиизм в этой стране имеет глубокие исторические корни. Его влияние сохранилось в шерифской традиции наследования власти, а также в том, что марокканский монарх является главой как светской, так и духовной власти.

При этом шиитскому исламу не удалось стать равноправной частью уникальной модели взаимодействия между исламом, обществом и государственными институтами наряду с маликитским мазхабом, аш'аризмом и суфизмом. Но этот факт не препятствует росту политической активности марокканских шиитов: более того, их влияние на общественно-политическую жизнь страны возрастает.

Говорить о дискриминации шиитов в Марокко, на наш взгляд, нельзя. Это обусловлено, во-первых, тем, что многие шииты, используя принцип *ат-такыйй*, скрывают свою приверженность шиитскому исламу с тем, чтобы избежать возможного преследования со стороны властей; во-вторых, в Марокко не запрещены шиитские праздники, которые отмечаются не только шиитами, но и суннитами.

Единственным ограничением является создание ассоциаций шиитов, которые, по мнению марокканского правительства, могут представлять угрозу «духовной безопасности» и национальному единству Королевства. Следовательно, власти Марокко опасаются не «индивидуального» шиизма, а консолидированного, лояльность которого может принадлежать не марокканской монархии, а иностранным правительствам, например, Ирану или ливанской «Хезболле».

Из вышесказанного также следует, что на положение марокканских шиитов - причем как в Марокко, так и проживающих за рубежом - большее влияние оказывает внешний фактор, нежели чем какие-либо внутривнутриполитические события или явления. Так, всплеск политической активности марокканских шиитов наблюдался после начала конфликтов в Ираке (2003 г.), Сирии и Йемене (2011 г.), а также шиитских восстаний в Бахрейне и Саудовской Аравии в ходе «арабской весны».

Марокканские власти стремятся контролировать распространение шиизма среди своих граждан как внутри страны, так и за ее пределами. Для этого Рабат применяет инструменты «религиозной политики в отношении диаспоры», в частности, финансирует организации марокканцев, проживающих за рубежом, через государственные фонды и Министерство хабусов, и строит мечети и культурные центры в различных европейских городах.

Тем не менее, шиизм усиливает свои позиции среди марокканцев, особенно в Бельгии. Этому способствует неограниченная свобода вероисповедания, гарантированная бельгийцам, отсутствие препятствий для осуществления религиозного паломничества, в том числе к шиитским святыням, широкий доступ к источникам информации о шиизме, ценнейшими из которых являются шииты из Ирана, Ирака и Ливана, проживающие в Бельгии по соседству с марокканцами.

Таким образом, события на Ближнем Востоке, обострение суннито-шиитских противоречий в этом регионе и конфликты в Сирии, Ираке и Йемене оказывают существенное влияние на

Марокко, усиливая подозрительность в отношении шиитов как потенциальных сторонников Ирана и его политики. Однако в этих условиях жертвами становятся именно шииты, которые не имеют никакого отношения к международной политике: они вынуждены наравне с суннитами бежать из своих стран за рубеж в поисках мирной жизни, но на новых местах они часто так и не становятся «своими». Даже религия, призванная объединять людей и связывать их общими целями, не всегда может служить миру и безопасности. Для этого необходима воля государств, гражданских обществ и отдельных индивидов.

У марокканской модели взаимодействия религии, общества и правящего режима есть необходимый потенциал, который может способствовать недопущению внутриисламского противостояния в Королевстве. В частности, необходимо стремиться к вовлечению умеренных групп марокканских шиитов в политическую жизнь страны посредством легализации их ассоциаций, как это делается в западноевропейских государствах.

Список литературы / References

1. Morocco Population Census. UN Data. <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode%3a1> (accessed 24.01.2020)
2. Mapping the Global Muslim Population. Pew Research Center. October 7, 2009. <https://www.pewforum.org/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (accessed 26.01.2020)
3. Morocco. UN Data. <http://data.un.org/en/iso/ma.html> (accessed 26.01.2020)
4. Morocco 2018 International Religious Freedom Report. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/MOROCCO-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed 08.02.2020)
5. Zweiri M., Künig C. 2008. Are Shias Rising in the Western Part of the Arab World? The Case of Morocco. *The Journal of North African Studies*. Vol. 13, № 4, pp. 513-529. DOI: 10.1080/13629380802343632
6. Guenfoudi M. Despite the Media Controversy Surrounding the Question of Moroccan Shiites, Their Political Influence Remains Limited. Moroccan Institute for Policy Analysis. February 5, 2019. <https://mipa.institute/6438> (accessed 03.02.2020)
7. Bruce B. 2019. Governing Islam Abroad: Turkish and Moroccan Muslims in Western Europe. Palgrave Macmillan.
8. Akdim Y.A. 2013. Attentats de Casablanca: Le 16 mai 2003, un '11 septembre marocain'. *Jeune Afrique*. May 16. <http://www.jeuneafrique.com/Article/JA2729p052.xml0/> (accessed 12.02.2020)
9. Lechkar I. 2017. Being a "True" Shi'ite: The Poetics of Emotions among Belgian-Moroccan Shiites. *Journal of Muslims in Europe*. № 6, pp. 241-259. DOI: 10.1163/22117954-12341349
10. Jaabouk M. 2019. Le chiisme au Maroc entre Idriss I, Hassan II et Mohammed VI. *Yabiladi*. Join 03. <https://www.yabiladi.com/articles/details/43055/histoire-chiisme-maroc-entre-idriss.html> accessed 30.01.2020)
11. Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019, Т. 19, № 4, с. 545-565. (Chikrizova O.S. 2019. Saudi Model of Development for the Islamic World: Peculiarities and Limits. *Vestnik RUDN. International Relations*. No. 4) (In Russ.)
12. Pargeter A. 2005. The Islamist Movement in Morocco. *Terrorism Monitor*. Vol. 3, № 10. <https://jamestown.org/program/the-islamist-movement-in-morocco/> (accessed 10.02.2020)
13. Конституция Королевства Марокко. Принята 13 сентября 1996 г. (Constitution of the Kingdom of Morocco. Adopted on September 13, 1996) (In Russ.). <https://worldconstitutions.ru/?p=68> (accessed 05.02.2020)
14. Morocco 2004 International Religious Freedom Report. <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2004/35504.htm> (accessed 04.02.2020)
15. Morocco Cuts Diplomatic Ties with Iran over Western Sahara Feud. *Al-Jazeera*. May 1, 2018. <https://www.aljazeera.com/news/2018/05/morocco-cuts-diplomatic-ties-iran-western-sahara-feud-180501173229190.html> (accessed 28.01.2020)
16. What We Want? *Ressali Line*. (In Arab.). http://www.ressali.com/what_we_want?language=arabic (accessed 01.02.2020)
17. Moroccan Migration in Belgium. More than 50 Years of Settlement / Ed. by C.Timmerman, N.Fadil, I.Goddeeris, N.Clycq, K.Ettourki. Leuven University Press, 2017.

К ДНЮ АФРИКИ - 25 МАЯ

ЭФИОПО-ЭРИТРЕЙСКИЙ КОНФЛИКТ: ПУТЬ К ПРИМИРЕНИЮ

© 2020 Л. ЗАТОЛОКИНА

DOI: 10.31857/S032150750009548-4

ЗАТОЛОКИНА Лидия Олеговна, студентка бакалавриата факультета международных отношений, МГИМО (У) МИД России (lidiazatolokina@gmail.com)

Резюме. В статье излагаются причины конфликта и исторические особенности отношений между Эфиопией и Эритреей. Рассматриваются посреднические усилия международного сообщества по урегулированию конфликта. Особое внимание уделяется аспектам деятельности Миссии ООН в Эфиопии и Эритрее (2000-2008 гг.) и проблеме её эффективности. В статье автором оценивается вклад ООН и ОАЕ в нормализацию обстановки на Африканском континенте в контексте эфиопо-эритрейского конфликта, а также дается характеристика современного состояния отношений между Эфиопией и Эритреей.

Ключевые слова: эфиопо-эритрейский конфликт, Эфиопия, Эритрея, ООН, ОАЕ

THE ETHIOPIAN-ERITREAN CONFLICT: THE WAY TO RECONCILIATION

Lidia O. ZATOLOKINA, African Studies Undergraduate Student, Faculty of International Relations, Moscow State University of International Relations (lidiazatolokina@gmail.com)

Abstract. The paper explores the reasons for the conflict between Ethiopia and Eritrea and gives an account of the countries' relations in the past.

The border conflict, which erupted in 1998, significantly deteriorated the relations between Ethiopia and Eritrea and led to the complete severance of their ties. The article considers the role of the international community's mediation efforts to resolve the conflict, especially the contribution of the United Nations (UN) and the Organization of African Unity (OAU) to the normalization of the situation in the Horn of Africa. Though the peace process ended in the Algiers Agreement of 2000, which was supposed to bring a formal end to the war, the conflict became «frozen» due to the tensions which remained between the countries. Particular attention in the article is given to the United Nations Mission in Ethiopia and Eritrea (UNMEE) and the issue of its effectiveness in terms of settling the conflict. The relevance of the article stems from the fact that the Ethiopian government's decision of 2018 to fully accept the ruling of the Boundary Commission has revitalized the peace process and led to the signing of the Joint Declaration of Peace and Friendship between the countries.

In October 2019, Ethiopia's Prime Minister Abiy Ahmed was awarded the Nobel Peace Prize for his contribution to forging a peace deal with Eritrea. The bilateral peace agreement has launched a new era in the countries' relations and put an end to the «no war, no peace» situation between Ethiopia and Eritrea.

Keywords: Ethiopian-Eritrean conflict, Ethiopia, Eritrea, United Nations, Organization of African Unity

Напряженность в отношениях между Эфиопией и Эритреей традиционно создавала нестабильность в регионе Африканского Рога. Вооруженный конфликт, начавшийся в 1998 г. и формально урегулированный в 2000 г., приобрел «замороженный» характер и сопровождался периодическими всплесками боевых действий на эфиопо-эритрейской границе. Примирение двух государств, состоявшееся в 2018 г. с подписанием соглашения о прекращении состояния войны, стало результатом политической воли лидеров обеих стран и позитивным примером реализации принципа «африканским проблемам - африканское решение» [3].

ИСТОКИ КОНФЛИКТА

Отношения между Эфиопией и Эритреей нельзя назвать простыми: для понимания истоков

эфиопо-эритрейского конфликта 1998-2000 гг. необходимо обратиться к событиям, выходящим за рамки современных международных отношений.

В 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 390А о создании Федерации Эфиопии и Эритреи, закреплявшую за эритрейцами законодательную, исполнительную и судебную власть во внутренних делах. К тому времени в Эритрее, которая с 1890 г. по 1941 г. была колонией Италии, а с 1941 г. находилась под британским правлением, среди населения не существовало консенсуса относительно пути будущего развития страны: многие являлись сторонниками независимости, часть эритрейцев выступала за присоединение к Эфиопии, другая - к Судану (эта позиция была особенно популярна среди мусульманского населения) [8].

На фоне государственной политики Эфиопии, направленной на устранение эритрейской автономии, формировалось сепаратистское движение, начавшее в 1961 г. в лице Фронта освобождения Эритреи войну за независимость. В результате продолжительного вооруженного конфликта 1961-1991 гг. между правительственными войсками Эфиопии и эритрейскими повстанцами Эритрея получила независимость от Эфиопского государства: в условиях ослабления режима Дерга¹ и последующего бегства из Эфиопии диктатора Менгисту Хайле Мариам на конференции представителей этнических групп Эфиопии была принята переходная хартия, фактически признававшая отделение Эритреи.

Однако объявление о независимости страны последовало лишь после проведения под наблюдением ООН референдума, по итогам которого Эритрея официально была провозглашена независимой (99,8% избирателей проголосовали за суверенитет) и позже принята в состав ООН [10].

Специальный посланник Генерального секретаря ООН Самир Санбар в своем заявлении от 27 апреля 1993 г. выразил благодарность Миссии наблюдателей ООН по контролю за проведением референдума в Эритрее (МНООНКРЭ) и признал, что он был проведен честно и без каких-либо значительных нарушений [5]. К этому же заключению пришла и миссия Организации африканского единства (ОАЕ, с 2002 г. - Африканский Союз).

Обращаясь к нации после референдума, лидер Временного правительства Эритреи Исаяс Афеворки (р. 1946 г.) охарактеризовал его как «прекрасный и неоспоримый исторический результат самоопределения эритрейского народа», назвав итоги выборов предсказуемыми и очевидными [5]. Одной из первых стран, признавших новообразованное государство, стала Эфиопия. Еще в 1991 г. в письме к Генеральному секретарю ООН глава переходного правительства Эфиопии Мелес Зенауи (1955-2012) заявил, что «народ Эритреи имеет право самостоятельно определить собственное будущее... статус Эритреи должен быть определен по итогам референдума при участии международных наблюдателей» [7].

Эфиопский лидер, считавший, что признание независимости Эритреи является «единственным здравым вариантом» после 30 лет войны, присутствовал на торжественном объявлении независимости Эритреи в столице страны Асмэре 24 мая 1993 г. и призвал народы двух стран не ворошить прошлое и двигаться дальше [4]. Однако решение проблемы независимости Эритреи не ликвидировало её противоречия с Эфиопией.

Молодое государство, возглавляемое полувоенной организацией «Народный фронт за демократию и справедливость» (НФДС) и бессмен-

ным президентом Исаясом Афеворки, поначалу поддерживало продуктивные отношения с Эфиопией: страны договорились о совместном использовании эритрейских портов, сотрудничестве во внешней политике, экономике и сфере безопасности. Однако в 1997 г. Эритрея приняла решение заменить эфиопский *быр* национальной валютой, после чего Эфиопия стала осуществлять большую часть своих внешнеторговых операций через Джибути.

Экономическая война между странами послужила толчком к эскалации территориального спора: некоторые пограничные участки не были демаркированы, но до тех пор, пока отношения развивались благоприятно, ни одна из сторон не поднимала данный вопрос.

ВООРУЖЕННАЯ ФАЗА КОНФЛИКТА

В 1997 г. на границе Эфиопии и Эритреи в районе спорных территорий Бадме, Тсорона Заламбесса и Бурэ произошли первые мелкие вооруженные столкновения.

Как позже заявили эритрейцы, активная фаза боевых действий началась после того, как в мае 1998 г. в Бадме эфиопские солдаты якобы застрелили нескольких граждан Эритреи, являвшихся членами двусторонней комиссии по демаркации [9]. В итоге, уже к 12 мая эритрейские войска заняли все спорные территории.

Интересно, что с 1993 г. Эритрея успела ухудшить отношения со всеми соседями, предъявив территориальные претензии даже Йемену, с которым у страны нет сухопутной границы, из-за спорных островов. В Асмэре рассчитывали на то, что военные неудачи усилят сепаратистские настроения в Эфиопии и, возможно, приведут к распаду государства, однако эти расчеты не оправдались. В мае 2000 г. Эфиопия освободила занятые эритрейцами территории, а 18 июня 2000 г. было достигнуто Соглашение о прекращении военных действий.

Необходимо отметить, что некоторые политики характеризуют этот конфликт как «бессмысленную войну» [11], потому что многие населенные пункты, ставшие причиной вооруженных столкновений, даже не имели общепризнанного положения на географической карте: к эскалации конфликта привели по большей части основанный на военизированной идеологии внешнеполитический курс Афеворки и чувство национального превосходства эфиопов над эритрейцами, не позволившие достигнуть компромисса по пограничным спорам и обусловившие склонность сторон к военному решению вопроса.

Вооруженная фаза конфликта унесла жизнь около 70 тыс. эфиопов и эритрейцев, привела к значительным материальным потерям с обеих

¹ В пер. с амх. - «совет». Временный военно-административный совет - высший коллегиальный орган государственной власти в Эфиопии (прим. авт.).

сторон и посеяла вражду между двумя государствами на долгие годы. Несмотря на активную вовлеченность международного сообщества в процесс урегулирования кризиса, улаживание конфликтной ситуации приобрело затяжной характер, и вплоть до 2018 г. на границе двух государств периодически наблюдался рост напряженности.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ УСИЛИЯ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА

Процесс мирного урегулирования проходил под эгидой Организации африканского единства (ОАЕ), которая тесно взаимодействовала на протяжении всего процесса с ООН.

После начала боевых действий в мае 1998 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан незамедлительно связался с обеими сторонами конфликта и предложил помощь в мирном разрешении ситуации. Эта задача была возложена на Специального посланника Генерального секретаря в Африке посла Мохаммеда Сахнуна (Алжир), которому поручалось наладить взаимодействие с ОАЕ для совместных посреднических усилий в конфликте. Так как именно Алжир исполнял активную посредническую роль при урегулировании кризисной ситуации, переговоры по прекращению военных действий между Эфиопией и Эритреей впоследствии получили название «Алжирский процесс».

По итогам консультаций в рамках ОАЕ был принят документ - «Технические процедуры осуществления Рамочного соглашения ОАЕ и Способов его выполнения», предусматривавший создание Независимой комиссии для определения районов вывода войск сторон [2]. Несмотря на то, что, по заявлениям Аддис-Абебы и Асмэры, стороны были настроены на продолжение диалога и работы над документом с целью разрешения конфликта мирными средствами, риск возобновления боевых действий на границе оставался высоким.

В этих условиях в мае 2000 г. Совет Безопасности ООН принял решение об организации визита Специальной миссии СБ ООН в Аддис-Абебу и Асмэру для проведения переговоров на высшем уровне о способах предотвращения возобновления боевых действий. Тем не менее, несмотря на посреднические усилия, 12 мая 2000 г. военные действия между сторонами активизировались. Несколькими днями позже Советом Безопасности была принята резолюция 1298, которая ввела эмбарго на поставки оружия в Эфиопию и Эритрею.

Следует отметить, что деятельность ООН не ограничивалась лишь посредническими усилиями, направленными на урегулирование ситуации мирными средствами. В Эфиопии засуха усугубила и так осложненную гуманитарную ситуацию и привела к обострению продовольственного кри-

зиса. По инициативе Генерального секретаря ООН был назначен Специальный посланник по проблемам засухи на Африканском Роге - Катрин Бертини, на которую возлагалась задача привлечь внимание международной общественности к этой проблеме и оказать содействие правительствам конфликтующих стран в её разрешении. Тогда же Кофи Аннан объявил и о создании целевой группы во главе с ФАО, отвечавшей за разработку мер по обеспечению долгосрочной продовольственной безопасности в субрегионе.

Алжирский процесс, начавшийся еще в 1998 г., увенчался успехом лишь в 2000 г., когда 18 июня 2000 г. стороны договорились о подписании мирного соглашения (12 декабря 2000 г.) о прекращении военных действий при активном участии президента Алжира Абдельазиза Бутефлики (на тот момент - председатель ОАЕ). Некоторые исследователи отмечают, что лидеры Эфиопии и Эритреи особенно позитивно рассматривали посредническую роль Алжира, расценивая его как пример справедливой национально-освободительной борьбы [11].

В Соглашении содержался призыв к ООН совместно с ОАЕ создать миссию по поддержанию мира для наблюдения над исполнением положений этого документа. В соответствии с докладом Генерального секретаря ООН от 30 июня 2000 г. (S/2000/643), учреждению миротворческой миссии должно было предшествовать постепенное размещение до 100 военных наблюдателей ООН в каждой из двух стран в течение двух месяцев. Именно на Кофи Аннана Совбез ООН возложил планирование операции и принятие необходимых административных мер для учреждения миссии.

МИССИЯ ООН В ЭФИОПИИ И ЭРИТРЕЕ

Мандат Миссии ООН в Эфиопии и Эритрее (МООНЭЭ) был утвержден в августе 2000 г., однако в дальнейшем Совет Безопасности неоднократно его пересматривал. Основная задача Миссии состояла в поддержании постоянного контакта со сторонами в создании механизма для обеспечения контроля за прекращением военных действий и в подготовке к учреждению Военно-координационной комиссии, предусмотренной в мирном соглашении. 12 декабря 2000 г. было подписано итоговое соглашение между Эфиопией и Эритреей. Стороны обязались «навсегда прекратить военные действия в отношении друг друга» и воздерживаться от угрозы силой или её применения друг к другу» [12].

Соглашение, в частности, требовало учреждения нейтральной Комиссии по вопросу о границах для «делимитации и демаркации колониальной договорной границы». На церемонии подписания Кофи Аннан, говоря о значимости предстоящей Миссии, заявил: «Нам предстоит большая работа; мы эффективно и действенно займемся её выполнением, а выполнив её - уйдем» [12].

Деятельность Миссии продолжалась 8 лет, её мандат был прекращен 31 июля 2008 г. на основании резолюции 1827 Совета Безопасности [14]. В резолюции выражалось сожаление о том, что противодействие Эритреи, неоднократно демонстрировавшей нежелание сотрудничать с Миссией, поставило под угрозу исполнение мандата МООНЭЭ и, в конечном счете, привело к его прекращению.

Дискуссия о степени эффективности МООНЭЭ для реализации Алжирских соглашений продолжается до настоящего времени.

В ходе 8-летней деятельности Миссии были решены «военные» вопросы, связанные с обменом пленными, разминированием и возвращением интернированных [13]. Миссии, однако, не удалось разрешить все существующие между странами противоречия и обеспечить нормализацию обстановки на Африканском Роге.

Приступив к процессу демаркации границы, Миссия столкнулась с трудностями взаимодействия с Асмэрой и Аддис-Абебой. Несмотря на то, что, в соответствии с соглашением, стороны принимали обязательный и окончательный характер решений Комиссии, Эфиопия отказалась от его полной реализации. Комиссия отнесла к Эритрее ряд территорий, которые Эфиопия считала исключительно своими [1]. Эритрея приняла соглашение, но отказалась вести дальнейшие переговоры без предварительного согласия Эфиопии с решением Комиссии.

Вследствие неуступчивости лидеров обеих стран и их нежелания признавать обязательный характер решений, вынесенных Комиссией по вопросу о границах, процесс демаркации зашел в тупик. С другой стороны, процесс урегулирования тормозила и твердая позиция Комиссии о неизблемости своих решений. Заявляя о неэффективности МООНЭЭ, не справляющейся, по мнению эритрейского правительства, со своими задачами, Асмэра приняла меры по сворачиванию сотрудничества с ней, нередко создавая препятствия для осуществления её деятельности.

С 2002 по 2008 гг. Эфиопия неоднократно призывала к «прямому диалогу» лидеров двух стран для урегулирования территориального спора. Асмэра рассматривала эфиопские инициативы по созданию нового механизма разрешения противоречий как нарушение алжирских договоренностей и заявляла, что страна не будет участвовать в переговорах об изменении постановлений Комиссии.

Создавалась сложная ситуация, когда ни Комиссия, ни непосредственный диалог между странами не представляли собой реальный путь разрешения проблемы. С тех пор пограничный вопрос оставался нерешенным, хотя Комиссия продолжала свою деятельность по демаркации границы. К 2007 г., когда фаза демаркации была завершена, Эфиопия все еще не вывела свои войска с эритрейской стороны демаркационной линии.

Вплоть до 2018 г. на границе между странами неоднократно происходили инциденты, создававшие риск эскалации конфликта. Этому немало способствовала и пограничная деятельность различных группировок, оппозиционных эфиопскому и эритрейскому правительству и получавших поддержку от эритрейцев и эфиопов, соответственно.

РАЗМОРОЗКА КОНФЛИКТА СПУСТЯ 20 ЛЕТ

Вопрос эффективности Миссии ООН в Эфиопии и Эритрее особенно актуален в связи с тем, что полная нормализация отношений между Эфиопией и Эритреей произошла лишь в 2018 г. - через 10 лет после окончания мандата Миссии.

В апреле 2018 г. премьер-министром Эфиопии был избран Абий Ахмед Али, сразу пообещавший стране проведение демократических реформ. Важным элементом его политической концепции стало обеспечение благоприятных внешнеполитических условий для развития Эфиопии, в т.ч. мирное разрешение застарелого конфликта с соседней Эритреей.

В июне 2018 г. в Эфиопии по инициативе Абия Ахмеда на заседании исполкома правящей коалиции «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (РДФЭН) было принято решение о том, что «Эфиопия полностью принимает выводы эритрейско-эфиопской пограничной комиссии и будет работать над их воплощением в жизнь без колебаний» [17]. В обнародованном после заседания заявлении содержался призыв к правительству Эритреи принять эфиопскую мирную инициативу.

Инициатива Аддис-Абебы безоговорочно принять постановление Комиссии по вопросу о границе встретила энтузиазм эритрейской стороны, которая могла расценивать это решение как собственную политическую победу. В соответствии с Декларацией о мире и дружбе, подписанной между странами уже в следующем месяце, 20-летней состоявшейся войны между Эфиопией и Эритреей закончилось. Наступила новая эра мира и дружбы, сопровождавшаяся снятием санкций ООН с Эритреи как агрессора в конфликте с Эфиопией [6].

Стороны обязались воплотить в жизнь принятые пограничной комиссией решения о границе между государствами. Правительства Эфиопии и Эритреи также взяли на себя обязательства по укреплению двустороннего и регионального сотрудничества и мира на Африканском Роге. Не имея выхода к морю Эфиопия получила право пользоваться портами Эритреи. Для Эфиопии Декларация также означала конец деятельности мятежных антиправительственных партий и группировок, базирующихся на территории Эритреи. В сентябре того же года лидеры двух стран подписали мирное соглашение в Джибб (Саудовская Аравия). На церемонии подписания

присутствовал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. Достигнутые договоренности получили одобрение и значительный положительный резонанс во всем мире.

Необходимо, на наш взгляд, хотя бы кратко обозначить еще ряд важных факторов, без учета которых анализ перспектив окончательного урегулирования одного из самых сложных африканских конфликтов будет неполным.

Помимо объективной готовности нового эфиопского руководства к возобновлению диалога с Эритреей, а также ответной позитивной реакции эритрейского лидера, примем во внимание и внешние факторы, которые оказали существенное влияние на весь процесс эфиопо-эритрейского урегулирования.

Речь, прежде всего, идет о значительном усилении давления на эфиопского премьер-министра и эритрейского президента со стороны руководства США, ОАЭ и Египта. В этом контексте следует отметить несколько важных контактов на высшем уровне, состоявшихся в июне 2018 г.

Это, во-первых, визит наследного принца ОАЭ Мухаммеда бен Заида Аль Нахайяна в Аддис-Абебу (15-16 июня 2018 г.). В ходе встречи эмиратский лидер пообещал Эфиопии инвестиции в объеме около \$3 млрд [18]. Одним из условий оказания финансовой помощи являлась нормализация отношений с Эритреей. Этому визиту предшествовал, не менее важный визит, когда 10 июня 2018 г. сам эфиопский премьер посетил Египет. В Каире у него состоялись встречи с президентом Абдулом Фаттахом ас-Сиси. Основная тема переговоров - преодоление известных разногласий по эфиопской плотине «Возрождение», возводимой на Голубом Ниле. Но вопрос эфиопо-эритрейских взаимоотношений также был в повестке дня.

Упомянем и то, что, почти как всегда, во всем этом сложном процессе сыграл «закулисную» роль Вашингтон, активно лоббировавший урегулирование отношений Аддис-Абебы с Каиром. Так, накануне визита эфиопского премьера в Египет США показательно выделили Национальному банку Эфиопии миллиард долларов на преодоление валютного кризиса [19].

Отмеченные официальные мероприятия, реализованные на высшем уровне, стали заключительным аккордом в целой серии серьезных закрытых и полуофициальных внешнеполитических контактов, которые Каир, Абу-Даби и Вашингтон проводили в последнее время на самых разных уровнях.

Лоббистские усилия по большей части координировались и согласовывались между сторонами практически на всех этапах. Так, год, непосредственно предшествовавший описываемым событиям, был наполнен высокой дипломатической активностью представителей Госдепа США разного ранга. Посещая Аддис-Абебу и Асмэру в рамках своей «челночной» дипломатии, американцы

убеждали, уговаривали, а в необходимых случаях оказывали и прямое давление на эритрейских и эфиопских чиновников самого высокого уровня, не исключая и высшее руководство этих стран [20].

Подоплека действий сторон очевидна и связана с нарастающей геополитической борьбой за сферы военного и экономического влияния между Турцией, Катаром и Ираном, с одной стороны, и ОАЭ, Египтом и Саудовской Аравией при гласной и негласной поддержке США - с другой. При этом Африканский Рог, и, прежде всего, Эфиопия, Эритрея и Сомали, все очевиднее становится одной из основных площадок обозначенного противостояния.

Ограниченность объема данного исследования не позволяет автору дать более глубокий и развернутый анализ этих чрезвычайно важных геополитических процессов, которые, безусловно, будут продолжать оказывать существенное влияние на будущее рассматриваемого региона Африки. Оставляя этот задел для будущего исследования, подведем некоторые итоги.

* * *

Итак, вплоть до 2018 г. механизмы ООН представляли фактически единственную площадку по урегулированию спора, играя роль «сдерживающего» фактора в эскалации конфликта, однако не располагали реальным потенциалом, чтобы прийти к конкретным результатам в силу неуступчивости руководства обеих стран в соответствующий период.

2018 год явился переломным и был ознаменован подписанием мирного договора между Эфиопией и Эритреей, который Совет Безопасности ООН охарактеризовал как «историческое и значительное событие с далеко идущими позитивными последствиями для региона Африканского Рога и за его пределами» [16].

Не умаляя значимости роли и доброй воли нового эфиопского премьер-министра Абия Ахмеда и задержавшегося у власти на три десятилетия и давно «нерукопожатного» эритрейского лидера Исаяса Афеворки, отметим, что практическое решение о начале деэскалации стало результатом сложного комплекса как внутривосточных, так и внешнеполитических факторов.

Спустя 20 лет эфиопо-эритрейский конфликт, пройдя все стадии своего развития, подошел к рубежу, когда его дальнейшее затягивание стало невыгодным для всех участников, а его скорейшее разрешение превратилось в настоятельное, если не сказать ультимативное, требование серьезных внешних сил как в регионе, так и за его пределами.

В таких условиях для двух непосредственно вовлеченных в него стран движение навстречу друг другу, пусть пока и демонстрационное, явилось своеобразной выгодной «разменной монетой».

В результате, в краткосрочной перспективе Аддис-Абеба добилась совершенно очевидных экономических и политических дивидендов. Страна получила от новых союзников значительные инвестиции в объеме, как минимум, \$4 млрд с тенденцией дальнейшего наращивания. Премьер-министр Абий Ахмед в октябре 2019 г. в знак признания усилий по урегулированию конфликта с Эритреей стал лауреатом Нобелевской премии мира.

Асмэра, по крайней мере, получила очередную «отсрочку» приговора, давно вынесенного «мировым сообществом» за бесконечное нарушение всех и всяческих резолюций различных организаций, включая ООН. Международные санкции (кроме оружейного эмбарго) с Эритреей вновь сняты.

Надолго ли? Время покажет, как и то, что будет на практике с реальным процессом урегулиро-

вания эфиопо-эритрейского пограничного конфликта, которое пока не отличается высокой динамикой. Недаром сам главный творец эфиопо-эритрейского мира Абий Ахмед считает, что данный процесс займет немало времени и потребует участия всего эфиопского и эритрейского населения. В своей речи по этому поводу он говорит: «Чтобы развязать войну, нужно несколько человек, но, чтобы построить мир, нужны деревня и целая нация» [14].

В контексте вышеизложенного анализа позволим себе добавить к этой цитате эфиопского лидера, что для стабильного мира также потребуются и политическая благосклонность, и продолжение масштабной экономической поддержки со стороны как новых и старых региональных союзников, так и мировых центров силы.

Список литературы / References

1. Alexandra Magnolia Dias. An Inter-state War in the Post-Cold War Era: Eritrea-Ethiopia (1998-2000). London School of Economics and Political Science, 2008.
2. Sean D. Murphy. The Eritrean-Ethiopian War (1998-2000). GW Law School Public Law and Legal Theory Paper No. 2016-52.
3. Declaration on Self-Reliance. Assembly/AU/Decl.5 (XXV). https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/au/adoption_first10yrplan_2015.pdf (accessed 20.12.2019)
4. Eritrea Begins Vote on Independence. <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1993/04/24/eritrea-begins-vote-on-independence/01b316fc-8337-4cec-9583-f2df8be50275/> (accessed 29.12.2019)
5. Eritrea: Birth of a nation. Government of Eritrea, Dept. of External Affairs, 1993. http://www.dehai.org/conflict/history/birth_of_a_nation.htm (accessed 29.12.2019)
6. Ethiopia & Eritrea Peace Treaty and End of UN-Sanctions. http://www.afrikakomitee.ch/eritrea/2018_12_Peace_Agreement.pdf (accessed 15.12.2019)
7. Human Rights Watch. The Horn of Africa War: mass expulsions and the nationality issue (June 1998 - April 2002). Vol. 15, No. 3 (A). NY., 2003. <https://www.hrw.org/reports/2003/ethioerit0103/ethioerit0103.pdf> (accessed 29.12.2019)
8. Гетачеу Джиги Деликсса. Этнополитические конфликты в Африке: На примере Африканского Рога. М., 2000. (Getacheu D.D. 2000. Ethnic conflicts in Africa: the example of the Horn of Africa. M.) (In Russ.)
9. Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары. М. 2012. (Yemelyanov A.L. 2012. The postcolonial history of Sub-Saharan Africa. M.) (In Russ.)
10. Кравченко В.С. Африканские конфликты: генезис, типология, проблемы урегулирования (1990-2006 гг.). М., 2006. (Kravchenko V.S. 2006. African conflicts: genesis, typology, issues of conflict resolution. M.) (In Russ.)
11. Пискунова Н. Две стороны одного конфликта. Эфиопия и Эритрея в противостоянии 1998-2000 годов. *Космополис*. 2006. №1 (15). (Piskunova N. 2006. The two sides of the conflict. Ethiopia and Eritrea in the conflict of 1998-2000. *Cosmopolis*. № 1) (In Russ.)
12. Миссия ООН в Эфиопии и Эритрее (МООНЭЭ). (The United Nations Mission in Ethiopia and Eritrea (UNMEE). <https://peacekeeping.un.org/en/mission/past/unmee/background.html> (accessed 15.12.2019)
13. Основные итоги миссии ООН в Эфиопии и Эритрее (2010). (UNMEE's Key Results) (In Russ.). http://factmil.com/publ/strana/oon/osnovnye_itogi_missii_oon_v_ehfiopii_i_ehritree_2010/145-1-0-371 (accessed 10.12.2019)
14. Премьер-министр Эфиопии не заслуживает Нобелевскую премию - протестующие. (Ethiopia's PM does not deserve the Nobel Prize, say the protesters) (In Russ.). <https://regnum.ru/news/society/2804446.html> (accessed 20.12.2019)
15. Резолюция Совета Безопасности ООН 1827 (2008). (UN Security Council's Resolution 1827 (2008). <https://undocs.org/ru/S/RES/1827%282008%29> (accessed 15.12.2019)
16. Совбез ООН назвал урегулирование спора Эритреи и Эфиопии историческим. (UN Security Council welcomes the settlement of the Ethiopian-Eritrean conflict as historic) (In Russ.). https://ria.ru/20180710/1524339625.html?referrer_block=index_archive_14 (accessed 15.12.2019)
17. Эфиопия и Эритрея - долгий путь к миру. (Ethiopia and Eritrea - a long way to peace) (In Russ.). https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4302&p=4 (accessed 20.12.2019)
18. UAE injects \$3B into Ethiopia's cash-strapped economy. <https://www.aa.com.tr/en/africa/uae-injects-3b-into-ethiopia-s-cash-strapped-economy/1176003> (accessed 09.04.2020)
19. Торг вокруг Рога. (Bargaining over the Horn of Africa). <https://vpk-news.ru/articles/44254> (accessed 09.04.2020)
20. In peace between Ethiopia and Eritrea, UAE lends a helping hand. <https://www.reuters.com/article/us-ethiopia-eritrea-emirates-insight-idUSKBN1KT1QX> (accessed 09.04.2020)

ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОЕ СООБЩЕСТВО: 20 ЛЕТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© 2020 Н. МАНСУР (Танзания)

DOI: 10.31857/S032150750009550-7

МАНСУР Нассор Мохамед, аспирант РУДН (mohamedmansour350@gmail.com)

Резюме. В статье проанализированы процессы социально-экономического развития и региональной экономической интеграции в рамках Восточноафриканского сообщества (ВАС). Автором установлено, что интеграционные процессы в рамках ВАС поступательно и устойчиво развивались. Это проявилось, в частности, в росте внутрорегиональной торговли. Имеются и качественные изменения, такие как постепенная трансформация отраслевой структуры стран ВАС. Среди проблем выделена высокая дифференциация и низкий уровень развития рыночных структур, а также дублирующее членство стран ВАС в других региональных экономических сообществах.

Ключевые слова: Восточноафриканское сообщество, ВАС, региональная экономическая интеграция, Таможенный союз, Общий рынок, внутрорегиональная торговля

EAST AFRICAN COMMUNITY: 20 YEARS OF REGIONAL INTEGRATION

Nassor M. MANSOUR (Tanzania), Post-graduate student, Department of political economy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (mohamedmansour350@gmail.com)

Abstract. The article analyzes the processes of socio-economic development and regional economic integration within the SOUTH-East African community.

The study is important because of the relevance of the analysis of regional economic integration processes in developing countries, especially in Africa, in the context of growing global instability and protectionist trends in world trade. On the other hand, integration into the world economy for African countries is significantly facilitated with the support of partner countries in the integration bloc. The author analyzed statistical data from the international database of UNCTAD on the main macroeconomic indicators of socio-economic and integration development of the EAC countries since 2000, the year of the creation of the East African community.

The author has revealed that socio-economic and integration processes within the framework of the East African community have developed steadily and steadily. This was reflected both in the growth of GDP and per capita income, as well as intraregional trade. In addition to quantitative indicators, we can also talk about qualitative changes, such as the gradual transformation of the industry structure of the EAC countries - from mainly agricultural to service and, to a lesser extent, industrial. Among the problems, the author highlights the high differentiation and low level of development of market structures, as well as the duplicate membership of the EAC countries in other regional economic communities. These and other problems make it difficult to further develop the complete Common market of the East African community. This research makes a significant contribution to understanding the nature and features of integration processes in the East African community.

Keywords: East African community, EAC, regional economic integration, Customs Union, Common market, intraregional trade

Процессы региональной экономической интеграции для Африки чрезвычайно актуальны. Более того, по мнению ряда исследователей [1; 2], а также международных экономических организаций [3], они становятся все более важными - в силу нескольких причин.

Во-первых, Африка на протяжении длительного периода - фактически с 1960 г. - года Африки (ознаменовавшегося освобождением большинства стран континента от колониальной зависимости) остается наиболее маргинальным игроком в мировой торговле и в мировой экономике. При этом некоторые исследователи утверждают, что такое положение сохраняется вследствие целенаправленной политики государств Запада, направленной на ограничение поступления на мировой рынок товаров с относительно высокой степенью обработки из Африки [4].

Во-вторых, страны континента сохраняют высокую степень зависимости от глобальных торго-

вых процессов. Так, на Африку негативно повлиял глобальный экономический кризис 2008 г. и его последствия. Региональная торговля может содействовать снижению уязвимости континента от внешних факторов.

Наконец, еще одна причина актуализации интеграционных тенденций для Африки заключается в том, что внутриафриканская торговля, определяемая как среднее значение внутриафриканского экспорта и импорта, колебалась в период 2015-2018 гг. на уровне около 15,2%, в то время как сравнительные показатели для других континентов - Америки, Азии, Европы и Океании - составляли, соответственно, 47,4%, 61,1, 67,1 и 7,2%. Следовательно, Африка, наряду с Азией, представляет собой континент с растущими - с 2008 г. - объемами внутрорегиональной торговли.

Одним из наиболее успешных интеграционных объединений в Африке традиционно считается Восточноафриканское сообщество (ВАС) [3].

Договор о создании Восточноафриканского сообщества (как таможенного союза) был подписан 30 ноября 1999 г. и вступил в силу 7 июля 2000 г. после его ратификации тремя государствами-основателями: Кенией, Танзанией и Угандой [5]. Руанда и Бурунди присоединились в 2007 г., Южный Судан - в 2016 г. [6].

Основной целью Сообщества провозглашалось развитие взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами в экономической, политической, социальной и культурной сферах, в исследованиях и технологиях, обороне, безопасности, а также правовых и судебных вопросах.

В 2020 г. ВАС исполнится 20 лет. Каковы же результаты интеграционных процессов?

Эти результаты охватывают как внутристрановые, так и региональные процессы - социальные, экономические, торговые.

ВАС: ВНУТРИСТРАНОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Прежде всего, следует отметить, что совокупный ВВП стран ВАС вырос за 2000-2018 гг. с \$56 303 до \$157 006 млн, т.е. в 2,8 раза, и рост этот достаточно устойчив у всех стран. Экономики Руанды, за которой следуют Танзания и Уганда, и в меньшей степени Кения, имели в 2000-2018 гг. наиболее высокие темпы экономического роста (см. *граф. 1*) - соответственно, 3,6; 3,2; 3,1 и 2,4 раза.

Бурунди, несмотря на политические и экономические конфликты и кризисы, также удалось увеличить стоимостной объем ВВП за рассматриваемый период в 1,7 раза (см. *граф. 1*). Таким образом, Кения и Танзания остаются крупнейшими экономиками в ВАС.

Высокие показатели экономического роста в Восточной Африке в последние годы стали результатом различных макроэкономических мер, включая улучшение управления валютными кур-

сами, сокращение внешней задолженности, сокращение бюджетного дефицита и сдерживание инфляции, трансформации отраслевой структуры национальных экономик.

Исследование показывает, что за истекший период отраслевая структура экономик стран ВАС сместилась от сельского хозяйства в сторону сферы услуг и - в меньшей степени - промышленности. Таким образом, траектория развития ВАС, как это характерно для Африки, не переходит от сельского хозяйства к промышленности, а затем к услугам, как это характерно для азиатских развивающихся стран [7; 8], а в большей степени соответствует модели трансформации региональной экономики Союза сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [9].

Положительная хозяйственная динамика обеспечила устойчивый рост реального ВВП на душу населения - несмотря на устойчивые темпы роста населения - во всех странах ВАС за тот же период, за исключением Бурунди (см. *граф. 2*).

В 2018 г. ВВП на душу населения в Кении традиционно оказался наиболее высоким (это единственная страна, у которой данный показатель выше среднего по объединению) - \$1639, 2-е место по этому показателю у Танзании - \$1041.

Важную роль сыграли реформы в области экономической политики, направленные на повышение конкурентоспособности частного сектора и, в целом, экономики, что позволило активно привлекать иностранные инвестиции. Эти потоки весьма нестабильны и в высшей степени неравномерно распределяются между странами. Наиболее устойчивым получателем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ВАС остается Руанда, а наиболее крупным - Кения (см. *граф. 3*).

ПИИ в ВАС в последнее десятилетие все больше используются странами для реализации инфраструктурных проектов, уровень развития ко-

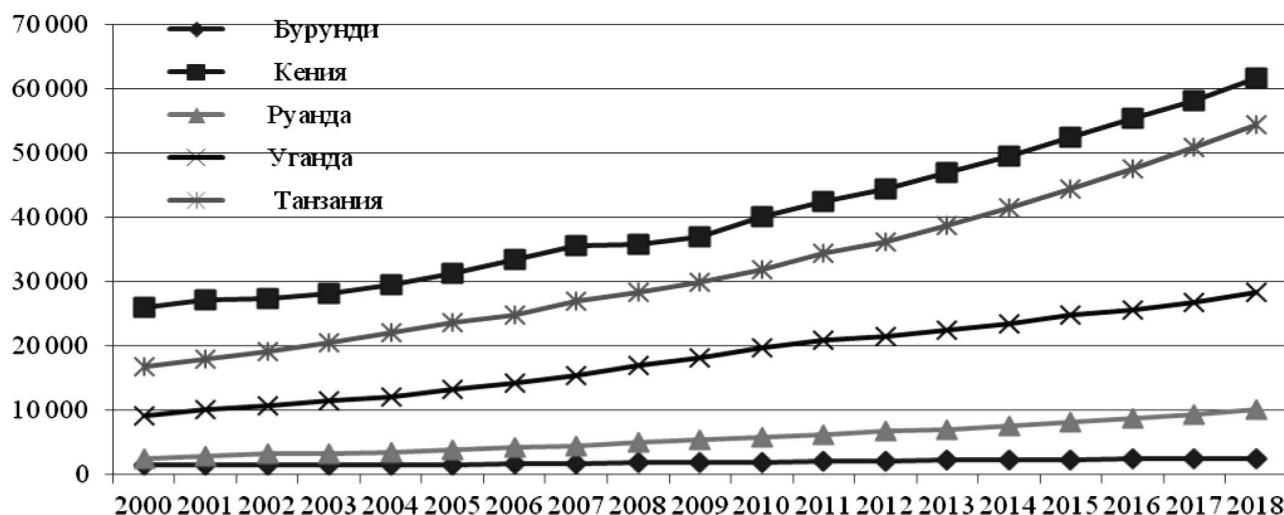

График 1. Динамика ВВП в странах ВАС в 2000-2018 гг., \$ млн по текущему курсу и в текущих ценах. Составлено по: [17].

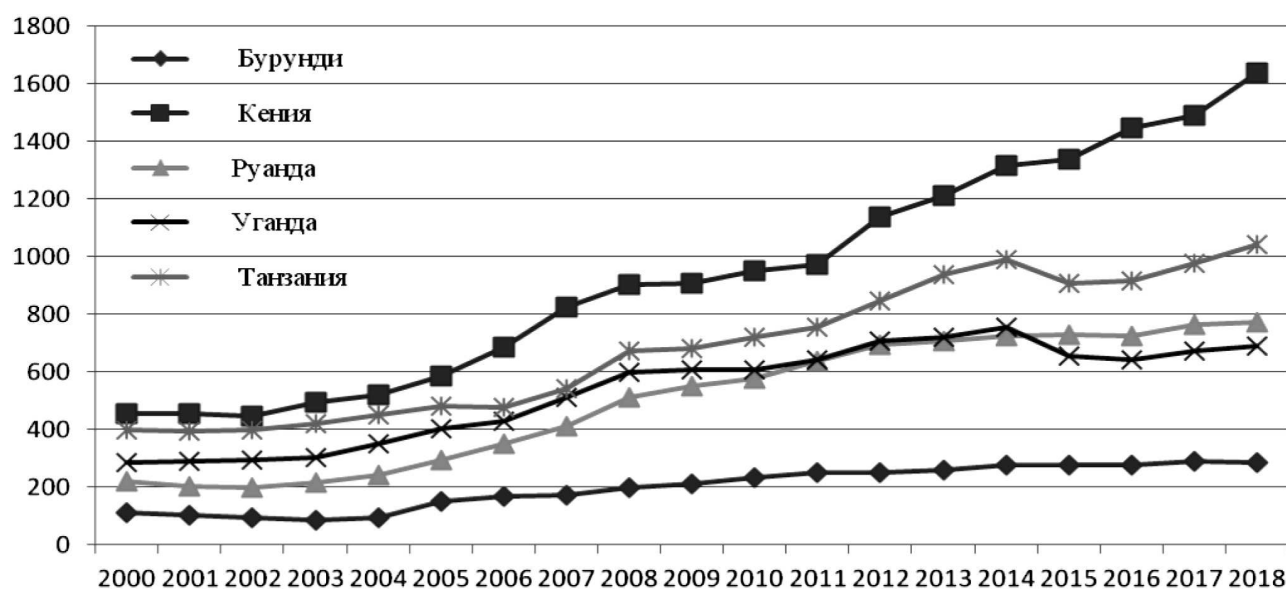

График 2. Динамика подушевых доходов в странах ВАС в 2000-2018 гг., \$ по текущему курсу и в текущих ценах.

Составлено по: [17].

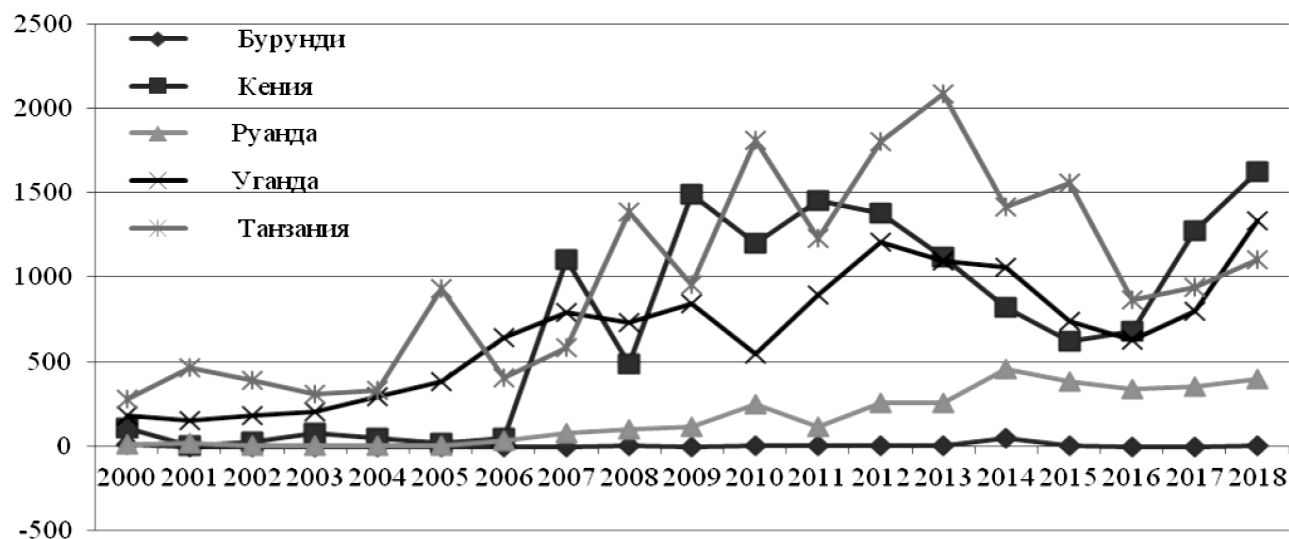

График 3. Приток ПИИ в страны ВАС в 2000-2018 гг., \$ млн по текущему курсу и в текущих ценах.

Составлено по: [17].

торых весьма затрудняет не только устойчивый рост, но и интеграционные процессы [10].

Анализ внешнеторговых процессов стран ВАС показывает их столь же значительную дифференциацию, хотя и существенно менее заметные колебания в стоимостном объеме экспорта и импорта.

Так, Кения остается безусловным лидером по объемам внешней торговли, а 2-е место в блоке по этому показателю занимает Танзания. Это обстоятельство достаточно серьезно упрочивает и стабилизирует социально-экономическую динамику обеих стран. Бурунди, Руанде и Уганде также удалось нарастить объемы своей внешней торговли.

В то же время неравенство в сфере торговли сохраняется, а значит, имеет место неравенство в распределении выгод от экономического сотрудничества между отдельными членами сообщества [11]. Это актуализирует исследования проблем развития интеграционных процессов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Выше отмечалось, что ВАС был создан как «Таможенный союз» (*Customs Union*), который был сформирован в целом к 2005 г. (Политические аспекты развития ВАС освещались на страницах журнала [12]).

Соответственно, государства-партнеры ВАС договорились о либерализации торговли (или нулевой пошлины) товарами между собой. Они согласовали общий внешний тариф, применяемый к импорту из третьих стран. Товары, свободно перемещающиеся в пределах таможенного союза, должны соответствовать правилам происхождения ВАС и определенным положениям протокола о создании Таможенного союза Восточноафриканского сообщества [13].

«Общий рынок» (*Common Market*) ВАС, действующий с 2010 г., подразумевает, что государства-партнеры ВАС придерживаются либеральной позиции в отношении свободы передвижения всех факторов производства [14].

Следует отметить, что все государства ВАС (за исключением Южного Судана) участвуют и в других региональных интеграционных объединениях. Так, Танзания, Руанда и Уганда - члены 2-х, а Бурунди и Кения - 3-х различных интеграционных блоков (в общей сложности - пяти).

Это обстоятельство, во-первых, в определенной степени затрудняет внутриблочную торговлю в рамках ВАС, не позволяя реализовать имеющийся в этой сфере потенциал в полной мере.

Как показывает анализ, стоимостный объем внутриблочной торговли в ВАС заметно растет, и за исследуемый период увеличился с \$1374,646 до \$5718,847 млн, т.е. в 4,16 раза. Внутриблочный экспорт вырос в 5,9 раза, а импорт - в 3,2. Это означает, что постепенно развивается внутриблочная специализация и некоторое экономическое взаимодополнение.

Однако основную часть импорта страны ВАС получают из-за пределов региона, причем значение развитых стран как поставщиков имеет тенденцию к сокращению в пользу таких государств, как Индия и особенно Китай. Основную долю во внешней торговле стран ВАС составляет именно импорт, жизненно необходимый странам ВАС для обеспечения социально-экономического развития. Совокупный товарооборот ВАС за исследуемый период увеличился в 5,48 раза (рост несколько ниже внутриблочного), в т.ч. импорт возрос в 5,6, а экспорт - в 5,18 (также ниже внутриблочного показателя).

Доля внутриблочной торговли ВАС составила в 2018 г. 11% - это достаточно хороший показатель для интеграционного объединения развивающихся стран (если учесть, например, что в ССАГПЗ доля внутриблочной торговли традиционно составляет лишь около 5%). Проблема в том, что в 2000 г. этот показатель достигал 15%, т.е. за время формирования Общего рынка ВАС как этапа экономической интеграции он сократился. Одной из причин этого, мы полагаем, в т.ч. и членство стран ВАС более чем в одном интеграционном блоке. Прежде всего, это касается Кении

и Танзании - основных «локомотивов» интеграционных процессов в ВАС.

Во-вторых, дублирующее членство стран ВАС в других региональных экономических сообществах указывает на некоторые недостатки существующей конфигурации и остается причиной различных «эффектов экономической интеграции» для отдельных стран-участниц ВАС.

Учитывая различия в степени либерализации тарифов в различных интеграционных объединениях, дублирование членства в них имеет важные последствия с точки зрения различных тарифных ставок, с которыми сталкиваются экспортеры, что потенциально может препятствовать жизнеспособности региональных цепочек создания стоимости или, по крайней мере, формировать их конфигурации неоптимальным образом.

Например, экспорт из ВАС в Египет чая - одного из основных экспортных товаров для многих африканских стран, особенно в Восточной и Южной Африке - облагается различными тарифами [15]. Это зависит от того, происходит ли экспорт из Кении, которая, как и Египет, является членом *COMESA*¹, или из Танзании. Кения занимает 3-е место в мире по экспорту чая, и ее доля на рынке за тот же период составила примерно 17%.

Чай представляет собой важный товарный экспорт: в 2015-2018 гг. на долю Африки приходилось более 20% мирового экспорта чая и 12% импорта. В целом, на внутриафриканский рынок приходится примерно 25% экспорта чая из Африки; остальная часть продается, главным образом, в Казахстан, Пакистан, Российскую Федерацию, ОАЭ, Великобританию и США. Хотя Кения экспортирует лишь 15% своего чая в остальную Африку, она является ведущим игроком во внутриафриканской торговле, главным образом благодаря экспорту в Египет (\$173 млн) и в меньшей степени - в Нигерию (\$12 млн) [15].

Ключевая роль Кении в торговле чаем также обусловлена важностью Момбасы как места проведения долларовых чайных аукционов, где чай из всего субрегиона продается под эгидой восточноафриканской Ассоциации торговли чаем.

Более 90% чая, экспортируемого из Руанды и Уганды, и 40% чая, экспортируемого из Бурунди и Танзании, направляются в Кению, где чай продается на аукционе вместе с отечественной продукцией. Южная Африка также импортирует значительное количество чая из других африканских стран, особенно из Малави, Танзании и Зимбабве. Часть такого импорта предназначена для внутреннего потребления, а часть - для реэкспорта на соседние рынки, часто после смешивания и упаковки.

Как член ВАС и *SADC*², но не *COMESA*, Танзания подпадает под действие наиболее благоприятного национального тарифа. Аналогичным

¹ COMESA - Common Market for Eastern and Southern Africa / Общий рынок Восточной и Южной Африки.

² SADC - Southern African Development Community / Сообщество развития Южной Африки.

образом, Бурунди, Танзания, Руанда и Уганда пользуются беспоплатным режимом для африканских наименее развитых стран (НРС) в отношении экспорта в Марокко. В отличие от этого, чай, экспортируемый из Кении, облагается 2,5%-ным тарифом. Хотя это и понятно с исторической точки зрения, такого рода диспропорции могут непреднамеренно нарушить бесперебойную работу торговой интеграции в рамках ВАС и создать стимулы для отклонения торговли.

В-третьих, дублирующее членство стран ВАС в других региональных экономических сообществах затрудняет формирование механизма «давления партнеров», т.е. их целенаправленного взаимодействия в рамках ВАС для дальнейшего развития интеграционных процессов. Это обстоятельство еще усиливается вхождение в состав ВАС Южного Судана - одной из наименее развитых стран Восточной Африки. И все это ведет не только к ослаблению конфигурации ВАС (так как слабых стран стало больше), но и к затруднениям в процессе «доставки» «Общего рынка» ВАС, т.к. его цели не в полной мере соответствуют интересам всех стран-членов Сообщества.

К этому следует добавить низкий уровень развития рыночных структур, в то время как это не-

обходимо для формирования конкурентных преимуществ и цепочек добавленной стоимости [16].

* * *

Таким образом, автором выявлено, что социально-экономические и интеграционные процессы в рамках Восточноафриканского сообщества развиваются устойчиво и неуклонно. Это отразилось как на росте ВВП и доходов на душу населения, так и на внутрирегиональной торговле. Помимо количественных показателей, можно говорить и о качественных изменениях, таких как постепенная трансформация отраслевой структуры стран ЕАС - от преимущественно сельскохозяйственной к сервисной и, в меньшей степени, промышленной.

Среди проблем автор выделяет высокую дифференциацию и низкий уровень развития рыночных структур, а также дублирование членства стран ВАС в других региональных экономических сообществах. Эти и другие проблемы затрудняют дальнейшее развитие полного общего рынка ВАС, в частности, наращивания внутрирегиональной торговли, и требуют от Сообщества разработки и реализации более адекватной интеграционной политики.

Список литературы / References

1. Mangachi M.W. Regional Integration in Africa: East Africa Experience. Safari Books Ltd. Ibadan, 2011.
2. Gibb R. Regional integration and Africa's development trajectory: Meta-theories, expectations and reality. *Third World Quarterly*. 2009. Vol. 30. № 4. Pp. 706-708.
3. Regional Integration in Africa. Trade Law Centre for Southern Africa (tralac) / World Trade Organization Economic Research and Statistics Division, October 2011. Staff Working Paper ERSD-2011-14. https://www.wto.org/ENGLISH/res_e/reser_e/ersd201114_e.pdf (accessed 19.02.2020)
4. Баскин В.С. Проблемы развития внешней торговли стран Африки в конце XX - начале XXI в. Москва: Институт Африки РАН, 2004. (Baskin V.S. 2004. Problems of foreign trade development in Africa at the end of the XX - beginning of the XXI century. M.) (In Russ.)
5. The Treaty for the Establishment of the East African Community. https://www.eala.org/uploads/EAC_TREATY.pdf (accessed 19.02.2020)
6. East African Community Regional Integration: Trade and Gender Implications / United Nations Conference on Trade and Development, 2018. https://unctad.org/en/publicationslibrary/ditc2017d2_en.pdf (accessed 19.02.2020)
7. Захарова Е.В., Русакович В.И. АСЕАН в мировой экономике: реалии XXI века. *Инновационная экономика*. 2014. № 4 (1). С. 3. (Zakharova E.V., Rusakovich V.I. 2014. ASEAN in the world economy: realities of the XXI century. *Innovatsionnaya ekonomika*. № 4) (In Russ.)
8. Rizwanulhassan M. Economic Integration: An Analysis of Major SAARC Countries. *South Asian Studies*. 2015. 30.1: 95-105.
9. Shkvarya L.V., Frolova E.D. Transformations in socio-economic development of the Gulf group states. *Regional economy*. 2017. V. 13. № 2. Pp. 570-578.
10. Шкваря Л.В. Финансовые потоки в странах Африки: источник для реализации инфраструктурных проектов. *Африка в поисках источников мира и развития. Ежегодник. Сер. «Африканские исследования»*. М., 2013. С. 206-215. (Shkvarya L.V. 2013. Financial flows in African countries: a source for implementing infrastructure projects. *Africa in search of sources of peace and development. Yearbook. Ser. «African studies»*. M.) (In Russ.)
11. Clementi F., Fabiani M., Molini V. The Devil is in the Detail: Growth, Inequality and Poverty Reduction in Africa in the Last Two Decades. *Journal of African Economies*. 2019. V. 28, № 4. Pp. 407-433.
12. Турьинская Х.М. «Согласны не соглашаться»: федерализм vs конфедерализм в Восточной Африке. *Азия и Африка сегодня*, 2019, № 11. С. 22-28. (Turinskaya Kh.M. 2019. «Agree to Disagree»: Federalism vs Confederalism in East Africa. *Asia and Africa today*. № 11) (In Russ.)
13. East African Community (EAC). Customs Union. March, 2017. <http://www.eac.int/integrationpillars/customs-union> (accessed 19.02.2020)
14. East African Community (EAC) Common Market. March, 2017. <http://www.eac.int/integrationpillars/common-market> (accessed 19.02.2020)
15. Economic Development in Africa Report 2019 Made in Africa - Rules of Origin for Enhanced Intra-African Trade 29 October 2019. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldafrica2019_en.pdf, P. 10. (accessed 19.02.2020)
16. Шкваря Л.В. Международная экономическая интеграция и рынок. *Вестник Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова*. 2004. № 2. С. 32-36. (Shkvarya L.V. 2004. International economic integration and the market. *Bulletin. G.V.Plekhanov Russian Academy of Economics*. No. 2) (In Russ.)
17. UNCTADSTAT. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (accessed 19.02.2020)

ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ ГВИНЕЯ. ВЫЗОВЫ СЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2020 В. ГУСАРОВ, Л. КАЛИНИЧЕНКО

DOI: 10.31857/S032150750009549-5

ГУСАРОВ Владilen Иванович, доктор географических наук, кандидат экономических наук, вед. н.с. Института Африки РАН (vladilen.gusarov@yandex.ru)

КАЛИНИЧЕНКО Людмила Николаевна, ст.н.с. Института Африки РАН (kalinichenkolyudmila@mail.ru)

Резюме. В статье анализируются достижения и вызовы экономического развития Республики Экваториальная Гвинея (РЭГ), демонстрировавшей значительные темпы роста в 2000-е гг. благодаря высоким доходам от экспорта нефти, но столкнувшейся впоследствии с комплексом проблем в результате ухудшения ситуации на глобальном рынке энергоносителей, сокращением запасов сырья, низким уровнем развития других секторов хозяйства. Исследуются перспективы роста, включая освоение ресурсов природного газа, и возможности выхода страны из рецессии. Показано противоречивое влияние сырьевой экономики на социальную сферу.

Ключевые слова: Экваториальная Гвинея, нефть, природный газ, сырьевая экономика, электроэнергетика

EQUATORIAL GUINEA. CHALLENGES OF OIL-DRIVEN ECONOMY

Vladilen I. GUSAROV, Dr.Sc. (Geography), PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (vladilen.gusarov@yandex.ru)

Liudmila N. KALINICHENKO, Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (kalinichenkolyudmila@mail.ru)

Abstract. The article considers the achievements and challenges of Equatorial Guinea's economic development, which became in the middle of 2000s one of Africa's fastest-growing economies and third-largest oil producer and exporter in Sub-Saharan Africa.

The country started to implement the National economic development plan Horizon 2020 aimed mainly at infrastructure creation and social problems solving. There were some positive results such as the construction of several motorways, runways, reconstruction of ports in Malabo, Luba and Bata, creation of telecommunication system, building of some hospitals, schools and international conference centre.

Despite of one of the highest indicators of income per capita among African countries at that period, most part of population was still living in poverty. Besides, according to Transparency International organization's estimate corruption was one of the greatest problems for the country. Unfortunately, macroeconomic and fiscal situation deteriorated due to the energy market crisis breaking out in 2008 and 2014, which was accompanied by depletion of oil reserves and low level of other sectors development.

As economic recession has already continued for 6 years, the government has developed interim strategy for the period 2020-2022 which envisages on the one hand economic diversification and on the other, attraction of international investment for researching new hydrocarbon resources. Attention is also paid to the natural gas processing and export.

Equatorial Guinea is interested in cooperation with Russian companies in energy sphere, which was discussed at the highest level at the Russia - Africa summit in October 2019. As a result, such corporations as Lukoil and Rosgeologiya have concluded contracts for hydrocarbon research.

Keywords: Equatorial Guinea, oil, natural gas, oil-driven economy, electric power sector

Экономическое развитие афро-азиатских стран между серединой 1950-х и началом 1990-х гг. ознаменовалось появлением в Юго-Восточной Азии четырех быстро развивающихся государств, получивших название «тигров» или «драконов». Это - Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань. В основе их стремительного развития были форсированные масштабы индустриализации, обеспечивавшие экономике высокие темпы роста. К началу XXI столетия Гонконг и Сингапур стали одними из ведущих мировых финансовых центров, а Южная Корея и Тайвань заняли лидирующие места среди мировых производителей электронного оборудования.

В Африке аналогичные азиатским «тиграм» показатели развития были достигнуты в Ливии в декаду 1960-1970 гг., когда среднегодовые тем-

пы роста ее ВВП составили около 25%, а в расчете на душу населения достигали 20% [2, с. 70]. Это было вызвано открытием новых месторождений нефти и началом ее экспорта. В дальнейшем эти показатели резко снизились по ряду причин, одной из основных среди которых стал стремительный рост населения главным образом за счет притока мигрантов. В результате, название африканского «тигра» или «льва» в указанную декаду так и не было присвоено Ливии.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ «ТИГР» АФРИКИ: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

С начала XXI в. на Африканском континенте на это высокое звание стала претендовать Рес-

Таблица 1

Динамика добычи нефти и макроэкономических показателей РЭГ в 1991-2018 гг.

Год	Добыча нефти		Экспорт (постоянные цены 1970 г.)		Капиталовложения* (постоянные цены 1970 г.)		ВВП (текущие цены)	
	млн т	Доля в Африке, %	\$ млрд	Рост, %	\$ млрд	Рост, %	\$ млрд	\$ на душу населения
1991	-	-	0,013	10,4	0,007	-13,4	0,17	389
1995	0,3	0,1	0,023	15,4	0,038	209,0	0,22	427
1996	0,9	0,3	0,057	148,8	0,093	148,4	0,34	649
1997	3,0	0,8	0,16	181,6	0,13	36,9	0,65	1200
2001	8,8	2,4	0,60	56,8	0,38	58,7	2,2	3451
2005	17,7	3,8	1,2	5,0	0,49	15,8	8,5	11250
2008	17,6	3,6	1,6	15,4	0,88	32,3	19,7	22742
2013	13,2	3,2	1,3	-7,6	0,86	-38,9	21,9	20247
2014	13,3	3,4	1,3	0,5	0,78	-9,6	21,7	19246
2015	12,1	3,1	1,2	-6,4	0,47	-39,2	13,2	11209
2016	10,4	2,9	1,1	-9,3	0,27	-42,4	11,3	9220
2017	9,0	2,3	1,1	-4,5	0,21	-22,3	12,5	9874
2018	8,7	2,2	1,0	-6,6	0,25	19,3	13,3	10141

* Валовые частные инвестиции в основной капитал.
Составлено по: [5; 6; 7].

публика Экваториальная Гвинея (РЭГ), оставшаяся до конца истекшего столетия отсталой аграрной страной, ВВП на душу населения которой (\$244 в 1980 г. и \$356 в 1990 г.) был на уровне беднейших государств Африки, что давало основание относить ее к наименее развитым странам [3, р. 341].

Основу экономики страны¹ составляло производство какао-бобов, кофе, бананов, табака, которые поступали на экспорт, выращивание кокосовых и масличных пальм. Для внутреннего потребления производились маниок, арахис, сахарный тростник, кассава, батат, рис, маис. Животноводства как отрасли сельского хозяйства практически не существовало. Подавляющая часть обрабатываемых земель распределялась между мелкими хозяйствами африканцев. Европейцы, главным образом испанцы и французы, владели крупными плантациями, на которых производилась основная часть урожая какао-бобов.

В 1986 г. Африканский банк развития (АБР) предоставил РЭГ кредит для развития скотоводства и птицеводства. Традиционной отраслью экономики страны было рыболовство. Рыболов-

ством издавна занималось население прибрежных районов и островов. Начиная с 1970-х гг. правительство стало предоставлять концессии на лов рыбы иностранным государствам. В стране действовали мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и древесины, по изготовлению мебели и производству стройматериалов. Большинство участков лесов с ценными породами деревьев были отданы в концессии иностранцам [4, с. 39].

Основными статьями экспорта были древесина ценных пород (розового и железного дерева, мовингу, лимба), какао и кофе. В импорте преобладали машины и транспортное оборудование, морские суда, продовольственные продукты, табак и напитки, нефтепродукты [4, с. 40].

Новый этап в развитии экономики страны начинается в середине 1980-х гг. после открытия месторождений нефти и газа. В 1984 г. на шельфе острова Биоко, на котором находится столица страны г. Малабо, было обнаружено первое значительное месторождение углеводородов Альба.

В 1991 г. американская корпорация *ExxonMobil* в этом же районе открыла самые крупные в стра-

¹ РЭГ - государство на западе Африки - завоевало независимость от Испании 12 октября 1968 г. Территория - 28051 кв. км - охватывает как континентальную часть, так и несколько близлежащих островов. Население, согласно переписи 2015 г. - 1,22 млн человек. Официальный государственный язык - испанский (наряду с французским) (*прим. авт.*).

не залежи нефти Зафиро, освоение которых началось в 1995 г., впоследствии было введено в эксплуатацию еще одно шельфовое месторождение - Сейба с большими запасами. В результате, объем добычи нефти в период 1995-2005 гг. возрос до 17,7 млн т, а доходы от экспорта, более 95% которого приходилось на углеводороды, показывали в этот период огромные темпы роста.

Вплоть до 2008 г. наблюдался устойчивый рост частных, в первую очередь иностранных, инвестиций. Эти процессы способствовали рекордному подъему ВВП страны, по уровню которого в расчете на душу населения РЭГ занимала во второй половине 2000-х гг. лидирующие позиции не только в Африке, но и в мире.

Основная часть полученных от нефтяного бизнеса доходов уходила иностранным нефтяным компаниям, главным образом американским (*ExxonMobil*, *Marathon Oil*, *Amerada Hess*, *Vanco Energy* и др.). Правительство РЭГ ставило задачу повышения своей доли в доходах. В связи с этим в 2001 г. была учреждена национальная нефтяная компания *GEPetrol*. В ее ведение перешло управление отраслью, включая развитие партнерства между государственными и частными компаниями, продажу акций принадлежащих государству месторождений и участков на шельфе, создание совместных предприятий с иностранными инвесторами.

До образования *GEPetrol* доля государственного участия в нефтедобыче составляла от 3 до 6%, а после этого достигала 20-30%. Компания преуспела в выделении участков для подписания новых контрактов, чему способствовало принятие в 2006 г. нового Закона об углеводородах, обеспечивающего большую прозрачность в нефтяном секторе. Валютные резервы страны в конце 2006 г. превысили, по оценкам экспертов МВФ, \$3 млрд [8].

На протяжении первой и второй декад 2000-х гг. упор был сделан на создание инфраструктуры. Был построен ряд современных шоссе дорог (между Батой и Мбини, Ниетангом и Эвинайонгом). Марокканская инженеринговая компания *Somages GE* провела реконструкцию портов Малабо и Бата, построила порт и взлетно-посадочные полосы на о. Аннобон и о. Кориско, а также несколько отелей для приема туристов. Зона свободной торговли и логистический центр были созданы в порту Луба на о. Биoko к югу от столицы, китайская фирма *ZTE* смонтировала первую в стране волоконно-оптическую систему связи с высокой пропускной способностью, проводились модернизация систем водоснабжения и водоочистки в гг. Эдебийн, Монгомо, Эвинайонг, строительство учебных заведений, в т.ч. студенческого комплекса для Национального университе-

та в Малабо, больниц, муниципальных зданий, включая центр для проведения международных конференций в Сипопо (район Малабо).

Для поддержки компаний, осуществляющих инфраструктурные проекты, в 2006 г. был учрежден Национальный банк Экваториальной Гвинеи (*BANGE*), акционером которого впоследствии стала Африканская корпорация развития, которая оказала помощь в менеджменте, внедрении современных технологий, в т.ч. интернет-банкинга, оптимизации работы банка и увеличении объемов кредитования [8].

Достижение высокого среднестатистического уровня ВВП на душу населения (см. табл. 1) не означало, что нефтегазовые прибыли распределялись равномерно между разными социальными группами и слоями населения. Руководство РЭГ неоднократно подвергалось в печати африканских стран критике за нецелевое использование средств. В коррупционном индексе международной организации *Transparency International* за 2008 г. РЭГ заняла 8-е место в мире (среди 180 стран) по показателю уровня коррумпированности.

В этот же период, по оценке Детского фонда ООН, менее половины населения имело доступ к питьевой воде, не говоря уже об электроэнергии, 20% детей умирали, не дожив до 5-летнего возраста, а средняя продолжительность жизни составляла 50 лет. Небывалый рост нефтяных доходов не привел к существенному сокращению бедности - по оценкам, примерно 70% населения страны продолжали в 2008 г. жить на \$1 в день. Страна по-прежнему полагалась на поставки продовольствия из Камеруна, Нигера, Мали [9].

К началу нынешнего столетия более половины населения РЭГ проживало в сельской местности. Однако после начала нефтяного бума многие сельские жители устремились в города в надежде на свою долю в нефтяных доходах. Особенно это относится к столице страны Малабо, население которой в первой декаде 2000-х гг. удвоилось и достигло 100 тыс. человек. Но надежды подавляющего большинства прибывших из сельской местности неквалифицированных мигрантов на обеспеченную жизнь совершенно не оправдались. Их уделом стали городские трущобы - бидонвили.

В то же время каждый год десятки тысяч человек из соседних стран Африки (Камеруна, Ганы, Буркина Фасо и др.) прибывали в РЭГ в поисках лучшей жизни. В стране зрело недовольство создавшимся положением и существующей системой распределения нефтяных доходов, что привело к попытке государственного переворота в марте 2004 г.

В создавшихся условиях власти РЭГ были вынуждены сочетать репрессии с уступками и пре-

доставлением социальных льгот, в частности в сфере здравоохранения. В 2005 г. правительство объявило, что на здравоохранение будет направляться 10% расходов бюджета, как того требует Всемирная организация здравоохранения. Впоследствии для решения социальных проблем был создан Фонд социального развития, в который должна поступать десятая часть доходов от экспорта нефти [8].

В 2007 г. РЭГ вошла в состав Комиссии стран Гвинейского залива, учрежденной на саммите глав государств региона, состоявшемся в марте 2007 г. в Либревиле (Габон). В нее входят также Ангола, Габон, Камерун, Республика Конго, ДРК, Нигерия, Сан-Томе и Принсипи [10].

Зависимость от нефтяных доходов в стране, коррупция, плачевное состояние некоторых отраслей экономики привели к резкому ухудшению макроэкономических и финансовых показателей (см. табл. 1). Причинами этого послужили значительное снижение цен на мировом рынке нефти в 2008-2009 и 2014-2015 гг., а также монетарный кризис, охвативший в 2014 г. Экономическое и валютное сообщество стран Центральной Африки (СЕМАС), членом которого является РЭГ.

Ситуация усугубилась истощением запасов на ряде месторождений, в результате чего общий объем доказанных ресурсов нефти сократился с 1,7 млрд барр. в 2008 г. до 1,1 млрд барр. в 2018 г., а показатели добычи уменьшились в этот период в 2 раза [6, р. 14].

ПЕРСПЕКТИВЫ НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ: 2020-2022

В настоящее время экономика страны находится в рецессии, которая продолжается уже 6 лет. Экспорт углеводородов все еще снижается. Неутешительны и прогнозы Всемирного банка отно-

сительно темпов развития на ближайшие несколько лет (см. табл. 2).

Несмотря на динамику цен на нефть на глобальном рынке за последние несколько лет, перспективы развития углеводородных проектов в стране и инвестиции в них пока остаются неопределенными.

В апреле 2019 г. была разработана промежуточная экономическая стратегия РЭГ на 2020-2022 гг., ориентированная на диверсификацию экономики, развитие таких отраслей, как рыболовство и аквакультура, сельское хозяйство, энергетика, туризм, финансы, горнодобывающая промышленность, включая разведанные запасы золота, цинка, алмазов, колумбита и танталита.

Значительное внимание уделено поддержке малых и средних предприятий, расширению государственно-частного партнерства. На 2020 г. намечено проведение мониторинга уровня жизни и доходов населения для определения задач следующего национального плана экономического развития. В социальной сфере правительство осуществляет программу строительства жилых домов с последующей сдачей квартир в них в аренду и с передачей их через 15 лет в собственность жителям. Проводится бесплатная вакцинация от малярии и туберкулеза, планируется введение бесплатного медицинского обслуживания для граждан старше 65 лет [12].

Необходимо также улучшение делового климата, по уровню благоприятности которого, согласно исследованию *Doing Business 2020*, РЭГ находится на одном из последних мест в Африке и в мире (178-е место). Принимаются меры по совершенствованию законодательства для разрешения споров при выполнении контрактов, устранению административных барьеров при лицензировании, укреплению судебной системы, обеспечению доступа к банковским продуктам, снижению стоимости кредитования. Одной из нерешенных

Среднегодовые темпы роста, %

Таблица 2

	2019 оценка	2020 прогноз	2021 прогноз
ВВП, в постоянных ценах факторов производства	-3,7	-3,7	-3,3
Сельское хозяйство	2,7	1,6	1,5
Промышленность	-8,1	-7,6	-7,5
Услуги	3,8	2,1	2,5
Экспорт товаров и услуг, в постоянных рыночных ценах	-4,6	-5,8	-5,7
Импорт товаров и услуг, в постоянных рыночных ценах	6,1	-1,7	-2,7
Текущий платежный баланс, % от ВВП	-25,2	-29,1	-31,6

Источник: [11, р. 29].

проблем остается подготовка квалифицированных кадров [13].

Правительство РЭГ ведет переговоры о продлении программы помощи МВФ (*IMF's Extended Fund Facility Program*), в которую она входила в 2018-2019 гг. Согласован заем в \$283 млн на проведение структурных реформ, борьбу с коррупцией, развитие человеческого капитала.

Необходимым условием предоставления займа была заявка на присоединение РЭГ к международной Инициативе по обеспечению прозрачности в добывающей промышленности (*Extractive Industries Transparency Initiative*), стандарты которой требуют публикации годовых отчетов с раскрытием информации о контрактах, лицензиях, сборе и распределении доходов, социальных расходах и проч. [14].

В 2017 г. РЭГ вступила в ОПЕК в надежде, что это будет способствовать получению современных технологий, особенно из стран Персидского залива, и привлечению иностранных инвестиций.

Актуальной задачей экономической стратегии РЭГ является расширение использования запасов природного газа (ПГ), в частности путем уменьшения его сжигания в факелах. Производство сжиженного природного газа (СПГ) может увеличить доходы и стать одним из драйверов экономики. Добыча этого энергоносителя в 2010-2018 гг. осуществлялась на шельфовом месторождении Альба в районе о. Биoko. Большая часть его объема (около 70%) отправляется на экспорт в виде СПГ (1,1% мировой торговли этим видом топлива). Поставки осуществляются преимущественно в Индию и Китай, а также в Чили, Пакистан, Сингапур [17].

С середины 2000-х гг. в Пунта Европа, пригороде Малабо, действует комплекс заводов на основе ПГ: по производству газомоторного топлива национальной газовой корпорации *Sonagas*, по выпуску метанола компании *Atlantic Methanol Production Co*, продукция которого (1,1 млн т в год) экспортируется, и завод по производству СПГ (*EG-LNG*). Последний представляет собой современное предприятие мощностью 5 млрд куб. м в год, принадлежит совместной компании, в которой доля *Sonagas* составляет 25%, а основным пакетом акций владеет американская компания *Marathon Oil*. Около половины объема поставок осуществляется по краткосрочным и спотовым контрактам. В планах правительства освоение еще одного газового месторождения Ален и строительство подводного трубопровода для подачи газа, начиная с 2021 г., на завод СПГ в Пунта Европа [17].

Важным шагом стало использование ПГ в качестве топлива для теплоэлектростанций (ТЭС). В 1999 г. в Малабо была построена газотурбинная

электростанция. Сначала ее мощность составляла чуть более 10 МВт, а в настоящее время достигла почти 150 МВт, что вполне достаточно для обеспечения потребностей предприятий и жителей острова. Проблема состоит в эффективной передаче этой энергии. После создания установки для регазификации СПГ в континентальной части страны в районе г. Бата был выполнен проект по переводу местной ТЭС (24 МВт) на газовое топливо [18].

В ноябре 2019 г. столица страны принимала участников Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ), на котором, в частности, было объявлено, что российская компания «Лукойл» выиграла лицензионный раунд, получив для освоения газовый блок неподалеку от дельты р. Нигер в 140 км от о. Биoko, где должна произвести оценку ресурсов и составить план разработки залежей ПГ с планируемым в дальнейшем созданием плавучего завода по производству СПГ. Помимо «Лукойла», еще 7 нефтегазовых корпораций, преимущественно американских, получили концессии на 9 блоках. Во всех проектах партнером выступает государственная компания *GEPetrol*. Получившим лицензии предоставляется двухлетний период для полномасштабного изучения участка с тем, чтобы оценить риски и принять решение о продолжении освоения месторождения [19].

Развитию электроэнергетического сектора отводится важная роль в хозяйстве страны, поскольку он должен обеспечить базовый уровень жизни населения и условия для работы современных промышленных предприятий. Речь идет, в первую очередь, о создании более эффективной и надежной системы поставок энергии. Производство электроэнергии осуществляется на нескольких тепло- и гидростанциях, а также с помощью автономных генераторов, в качестве топлива используются нефтепродукты, ПГ и гидроэнергия. Министерство горнодобывающей промышленности и углеводородов планирует постепенно сокращать долю нефтяного топлива и, соответственно, повышать долю ПГ и гидроэнергии в общем балансе, а в перспективе и некоторых новых источников возобновляемой энергии с целью снижения стоимости вырабатываемой электроэнергии и выбросов углекислого газа.

Производство электроэнергии существенно повысилось в 2012 г., когда была введена в эксплуатацию ГЭС на реке Веле в местечке Джибло (рядом с г. Анисок) мощностью 120 МВт, что создало условия для экспорта энергии в соседние Габон и Камерун. Строительство плотины осуществлялось в 2008-2012 гг. китайской компанией *Sinohydro*, и часть кредитов была предоставлена китайским банком *Eximbank*. В стране действует еще одна небольшая ГЭС Сендже [20].

РЭГ может полностью обеспечить себя собственной электроэнергией, производство которой составляет 430 млн кВт/ч в год (2018 г.). По мировым меркам, это совсем небольшой объем (169-е место в мире среди 219 стран), однако для страны этого достаточно и даже несколько превышает внутренние потребности (400 млн кВт/ч). Основной проблемой является изношенность распределительных сетей, которые охватывают лишь часть территории страны и нуждаются в реконструкции. Поэтому уровень доступа населения к электроэнергии составляет, по оценкам, примерно 70%, и в мире по этому показателю страна занимает 67-е место. Городские районы электрифицированы почти полностью, а сельские - только частично. Обеспеченность населения современным оборудованием (примерно 30%) для приготовления пищи пока оставляет желать лучшего [21].

В 2001 г. электроэнергетический сектор был реструктурирован. Существовавшие ранее компании, одна из которых отвечала за производство электроэнергии для сельских районов, а другая - для городских, были объединены в государственный холдинг *SEGESA (Sociedad de Electricidad de Guinea Ecuatorial)*. Энергетическая сеть создана в районе столицы Малабо. Вместе со строительством ГЭС в Джибло в 2008 г. началось и сооружение линии электропередач (ЛЭП) протяженностью 1367 км, охватывающей 25 населенных пунктов в континентальной части. К 2012 г. эта линия была закончена. Строительство новых ЛЭП происходит только с разрешения Министерства с учетом, прежде всего, отсутствия вреда для окружающей среды при осуществлении проекта [22].

Несмотря на большое число проектов, мало какие из них осуществлены. В частности, предусматривается сооружение ЛЭП напряжением 400 кВ, которая должна соединить РЭГ с Габоном и Камеруном.

Среди возобновляемых источников энергии планируется использование небольших солнечных модулей и биотоплива (в частности путем анаэробной газификации). Остров Биоко вулканического происхождения, что предполагает наличие геотермальной энергии. Скорость ветра в южной части страны позволяет применение ветрогенераторов.

Для обеспечения надежного снабжения энергией и покрытие пиковых нагрузок необходимо подключение к сети различных типов электро-

станций. Так, в 2017 г. во время проведения ремонтных работ на ГЭС Джибло без электричества остался г. Бата, включая аэропорт, что привело к отмене рейсов, проблемы наблюдались в течение месяца. Поэтому упор делается на два направления: эффективное использование гидроэнергии и станций на газовом топливе, что соответствует программе *Gas-to-Power* - актуальной для ряда стран Африки. По поставкам соответствующего оборудования, в частности, осуществляется сотрудничество с финской машиностроительной компанией *Wartsila*, которая соорудила установку мощностью 24 МВт в районе г. Бата. С компанией заключен контракт еще на одну подобную станцию [23].

В 2015 г. был разработан план индустриализации и диверсификации энергетики - «Нефтехимическая революция» (*REPEGE*), частью которого было создание нефтехимического комплекса на о. Биоко, включая сооружение предприятия по производству аммиака и азотных удобрений, терминалов для вывоза продукции, складских помещений, электростанций.

В 2016 г. был заключен контракт с китайским консорциумом во главе с *East China Engineering Science and Technology Co. Ltd* на возведение этого объекта. Однако местная этническая группа *bubi* выступает против расширения строительства на острове, поскольку это ведет к разрушению экосистем, природного биоразнообразия, ухудшению качества воды и воздуха, потере мест традиционного проживания населения.

Проведенный анализ свидетельствует, что за три последних десятилетия в РЭГ созданы объективные предпосылки для превращения этой страны в обозримом будущем в промышленно развитое государство - экономического «тигра» Африки. Главным направлением для достижения такой задачи может быть диверсификация экономики и в особенности промышленности.

Однако главным препятствием на этом пути, как представляется, является отношение персонала уже построенных заводов и фабрик, и строящихся в настоящее время предприятий к труду и исполнению своих профессиональных обязанностей, иными словами качество «человеческого капитала».

Вместе с тем, можно считать, что определенные черты современного промышленно развитого государства Экваториальная Гвинея может приобрести в обозримом будущем.

Список литературы / References

1. The World Bank in Equatorial Guinea. Overview. 13.10.2019. <https://www.worldbank.org/en/country/equatorial-guinea/overview> (accessed 15.01.2020)

2. Гусаров В.И. Северная Африка: полвека независимого развития. М., 2008. (Gusarov V.I. 2008. North Africa: Half a Century of Independent Development. M.) (In Russ.)
3. UNCTAD Handbook of Statistics 2015. UN. New York, Geneva.
4. Иванова О.Я. Экваториальная Гвинея. Справочник. М., 2009. (Ivanova O.Ya. 2009. Equatorial Guinea. Reference Book. M.) (In Russ.)
5. Экономика Экваториальной Гвинеи. 1970-2018. (The Economy of Equatorial Guinea. 1970-2018) (In Russ.). <http://be5.biz/makroekonomika/profile/gq.html> (accessed 22.12.2019)
6. BP Statistical Review of World Energy 2019. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (accessed 12.12.2019)
7. BP Statistical Review of World Energy 2011. <http://large.stanford.edu/courses/2011/ph240/yan1/docs/bp.pdf> (accessed 12.12.2019)
8. Foreign Affairs: Экваториальная Гвинея: Взгляд в будущее. 01.06.2011. (Equatorial Guinea: Looking Ahead. 2011) (In Russ.). <http://e-guinea.ru/news/press?id=16> (accessed 17.11.2019)
9. Equatorial Guinea - Economy. <https://www.globalsecurity.org/military/world/africa/gq-oil.html> (accessed 26.01.2020)
10. Премьер-министр принял исполнительного секретаря Комиссии стран Гвинейского залива. 17.02.2016. (Prime Minister receives the Executive Secretary of the Gulf of Guinean Commission) (In Russ.). http://e-guinea.ru/news/main_news?id=1349 (accessed 18.10.2019)
11. Macro Poverty Outlook. Sub-Saharan Africa. World Bank Group 2019. <pubdocs.worldbank.org/en/720441492455091991/mpo-ssa.pdf> (accessed 23.01.2020)
12. How Equatorial Guinea Turned Oil into Wealth. 01.07.2019. <https://www.businessdailyafrica.com/datahub/How-Equitorial-Guinea-turned-oil/3815418-5178434-nk6v3rz/index.htm> (accessed 22.01.2020)
13. Doing Business 2020. World Bank Group. <https://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/pdf/db2020/Doing-Business-2020.pdf> (accessed 11.11.2019)
14. Equatorial Guinea: Promoting Inclusive Growth, Improving Governance and Transparency. 18.12.2019. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2019/12/13/na121319-equatorial-guinea-promoting-inclusive-growth-and-improving-governance-and-transparency> (accessed 25.01.2020)
15. Экваториальная Гвинея увеличивает добычу нефти и планирует развитие шельфовых месторождений с участием России. 14.01.2020. (Equatorial Guinea Rises Oil Production and Plans Shelf Deposits Development) (In Russ.). <https://neftegaz.ru/news/dobycha/517433-ekvatorialnaya-gvineya-uvlichivaet-dobychu-nefti-i-planiruet-razvitie-shelfovykh-proektov-v-t-ch-s/> (accessed 24.01.2020)
16. Росгеология намерена начать работы в Экваториальной Гвинее. 23.10.2019. (Rosgeologiya is Going to Start Working in Equatorial Guinea) (In Russ.). <https://www.rosgeo.com/ru/content/rosgeologiya-namerena-nachat-raboty-v-ekvatorialnoy-gvinee> (accessed 3.01.2020)
17. ТЭК России. Газовая промышленность Экваториальной Гвинеи. 02.12.2019. (Russian FEC. Equatorial Guinea's Gas Industry) (In Russ.). http://www.edu.ru/tek_russia/articles/3/677/ (accessed 24.01.2020)
18. Equatorial Guinea to Construct a Gas Megahub. 10.05.2018. <https://africaoilandpower.com/2018/05/10/equatorial-guinea-to-construct-a-gas-megahub> (accessed 20.11.2019)
19. Fortuna от ЛУКОЙЛа. Компания может построить плавучий СПГ-завод в Экваториальной Гвинее. 29.11.2019. (Fortuna of Lukoil. The Company can built FLNG in Equatorial Guinea) (In Russ.). <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/510134-fortuna-ot-lukoyla-kompaniya-mozhet-postroit-plavuchiy-spg-zavod-v-ekvatorialnoy-gvinee/> (accessed 24.01.2020)
20. Power Shifts in Equatorial Guinea. 20.09.2018. <https://www.theoilandgasyear.com/articles/power-shifts-in-equatorial-guinea> (accessed 17.10.2019)
21. Equatorial Guinea. Energy Profile. https://www.indexmundi.com?equatorial_guinea/energy_profile (accessed 20.10.2019)
22. Power Shifts in Equatorial Guinea. 20.09.2018. <https://theoilandgasyear.com/articles/power-shifts-in-equatorial-guinea/> (accessed 25.01.2020)
23. New Wartsila Power plant Will Support Industry Development in Equatorial Guinea. <https://www.wartsila.com/media/news/03-10-2018-new-wartsila-power-plant-will-support-industry-development-in-equatorial-guinea-2628039> (accessed 22.10.2019)
24. Equatorial Guinea Awards EPC Contract for New Petrochemical Complex. <https://www.howwemade-itafrica.com/equatorial-guinea-awards-epc-contract-for-new-petrochemicals-complex/53341/> (accessed 15.01.2020)
25. Equatorial Guinea Launches 'Year of Energy' Initiative. <https://yearofenergy2019.com/2018/10/08/equatorial-guinea-launches-year-of-energy-initiative/> (accessed 05.02.2019)

ЖЕНЩИНЫ АЗИИ И АФРИКИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. 2015-2019

© 2020 Н. ГРИШИНА, Н. КСЕНОФОНТОВА

DOI: 10.31857/S032150750009551-8

ГРИШИНА Нина Владимировна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН (eestimaa8@yandex.ru)

КСЕНОФОНТОВА Наталия Александровна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН (tabul@yandex.ru)

Резюме. В статье рассматривается история создания и деятельности за последние пять лет (2015-2019) новой международной организации «Женская двадцатка» (Women 20, W20), значительная часть постоянных членов которой - представительницы азиатских и африканских государств. Анализируются повестка дня и резолюции саммитов W20. Основная цель организации - достижение гендерного равенства во всех сферах экономической, социальной, политической и культурной жизни стран мира. Отмечается, что выдвигаемые «Женской двадцаткой» инициативы согласуются с участниками «мужской двадцатки» - G20.

Ключевые слова: Африка, «женская двадцатка», международные женские организации, гендерная политика, гендерное равенство

WOMEN OF ASIA AND AFRICA IN INTERNATIONAL POLITICS. 2015-2019

Nina V. GRISHINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (eestimaa8@yandex.ru)

Natalia A. KSENOFONTOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (tabul@yandex.ru)

Abstract: Recent decades have been marked by an increasing interest of the world community in the activities of women's organizations, both at the regional and international levels. This is due, in particular, to the increased role of women in society in solving economic, political, and socio-cultural problems. Women from the Asian and African regions are very active in bringing the pressing problems of their countries to a broad discussion. At the same time, the representation of women on an equal basis with men in various international forums is of great importance for achieving positive results.

The brightest sign of the first decades of the XXI century was a powerful surge in the activity of women in Asia and Africa in the political sphere, which resulted, in particular, in the emergence of organizations such as «Women twenty» and in holding a number of influential world forums. In fairness, it should be noted that the creation of such an international structure was initiated and supported by male politicians who came to believe that the solution of the most urgent economic, political, social, cultural and environmental problems of the whole world can only be achieved through the interaction of the efforts of both genders.

It can be argued that the active work of women who are members of the W20 and other international women's organizations over the past five years (2015-2019) has been aimed at uniting the efforts of women from many countries at the global level to achieve equal gender opportunities, which undoubtedly contributes to a more effective solution to many pressing problems facing all countries of the world.

Keywords: Africa, «Women twenty», international women's organizations, gender policy, gender equality. actual problems of development, interaction

Ярчайшей приметой первых десятилетий XXI в. стал мощный всплеск активности женщин Азии и Африки в политической сфере, что вылилось, в частности, в появление таких организаций, как «Women twenty», и в проведение ряда важных мировых форумов. Справедливости ради следует отметить, что создание этой международной структуры произошло по инициативе и при поддержке мужчин-политиков, которые пришли к убеждению, что решить актуальные экономические, политические, социальные, культурные и экологические проблемы можно лишь при взаимодействии обоих гендеров.

Решающий шаг на пути создания женского клуба наподобие G20 сделала Турция в год ее председательства на саммите «Большой двадцат-

ки» в мае 2015 г. Весьма важным в этом плане стало выступление председателя саммита президента Турции Режепа Тайипа Эрдогана, в котором он определил в качестве основных приоритетов вовлечение женщин в экономическую и политическую жизнь общества, а также повышение их роли и расширение возможностей на международной арене.

В клуб G20 входят: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, Южная Корея, ЮАР, Япония и Европейский Союз. По мнению делегатов, озвученному в 2015 г. в Анатолийском коммюнике, деятельность «Женской двадцатки» должна быть направ-

лена на консолидацию усилий представительниц стран «Группы двадцати» на глобальном уровне в целях использования этого международного института для полноценной реализации гендерных приоритетов. Ее участники должны будут обсуждать проблемы женщин в экономических и политических процессах стран G20 [1].

Первый саммит «Женской двадцатки» прошел в Стамбуле 16-17 октября 2015 г. В нем приняли участие 36 представительниц 20 стран и двух международных организаций - «ООН-Женщины» (*UN Women*) и Международной организации труда. По специальному приглашению организаторов на саммите были представлены Вьетнам, Камбоджа, Афганистан, Нигерия и Уганда.

В состав «Женской двадцатки» вошли как постоянные члены - жены и дочери президентов и премьер-министров (Африку представляла первая леди ЮАР Тобека Мадиба Зума), так и представительницы правительств, крупных компаний, ассоциаций женщин-предпринимателей, образовательных учреждений и научно-исследовательских организаций 20 стран мира со средним и низким уровнем развития.

С приветственным словом выступили: спецпредставитель Турции в «Большой двадцатке» Айзе Синирлиоглу, председатель «Женской двадцатки» Гюльден Тюрктан и заместитель исполнительного директора «ООН-Женщины» Лакшми Пури. W20 призвала включить женские приоритеты во все направления работы «Большой двадцатки» (макроэкономику, глобальное экономическое управление, формирование бюджета и т.д.).

Итоговое коммюнике W20, принятое на основе всеобщего консенсуса, призвало лидеров G20 к усилению позиций женщин и к расширению их возможностей путем укрепления связей между образованием, занятостью и предпринимательством, а также посредством поддержания баланса «работа-жизнь», увеличения числа женщин на руководящих должностях, предоставления им доступа к финансированию предпринимательства, ликвидации дискриминации на рабочем месте, поддержки женских организаций и предприятий с обеспечением надлежащей социальной защиты и возможностей развития [2].

На встрече выдвигалось много идей, шли активные дискуссии и предлагались различные шаги по реализации поставленных задач, что выявило заметные различия в подходах к способам их осуществления у политически активных феминисток из США и европейских стран, в частности из Германии, с одной стороны, и женщин из более традиционных обществ России, Мексики, Аргентины, Китая и многих африканских стран, для которых не свойственна воинственность в отстаивании идентичных с мужчинами прав и обязанностей, - с другой. В большинстве выступлений акцент делался на необходимости учета объективных различий между полами для осознания роли и возможностей женщины для ее самореализации.

На форуме выступил председатель КНР Си Цзиньпин, выдвинувший предложения по содействию достижению равноправия мужчин и женщин и всестороннему развитию последних. Среди его предложений - одновременное продвижение женского и социально-экономического развития, активная защита законных прав женщин, строительство гармоничного общества, создание благоприятной международной среды.

АКТИВИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Все эти программные установки легли в основу следующего, второго, саммита W20, состоявшегося в г. Сиань провинции Шэньси (Китай) 24-26 мая 2016 г. Его организовала Всекитайская федерация женщин (*ACWF*). В заседании принимали участие более 200 человек из стран - участниц G20, приглашенных из азиатских, африканских, европейских и латиноамериканских международных организаций. На мероприятии присутствовали женщины-политики, министры, высокопоставленные чиновницы, ответственные лица из женских организаций, ученые, эксперты, представительницы торгово-промышленных кругов.

Главную тему форума - «Равное участие и инновационное развитие» - определили проблемы, которые рассматривались по четырем позициям:

1. Гендерные перспективы в глобальном экономическом управлении;
2. Женское трудоустройство, предпринимательство и социальная защита;
3. Роль женщин в цифровой экономике;
4. Взаимосвязанная и инновационная женская сеть.

Члены клуба обсудили пути реализации Декларации саммита лидеров G20, провозглашавшей продвижение гендерного равенства, содействие эффективным стратегиям роста, активное вовлечение женщин в общественные процессы; обменялись успешным опытом и передовой практикой участия женщин разных стран в экономике и в реализации их экономических полномочий [2].

Участницы форума передали эстафету мужскому клубу G20, заседание которого состоялось в сентябре 2016 г. в китайском городе Ханьчжоу.

Знаменательно, что заседания «Женской двадцатки» предваряют крупные форумы политических игроков-мужчин. Это означает, что современные женщины обрели важную роль на политической арене: они вырабатывают решения по различным вопросам общественного развития, а затем передают их на рассмотрение клуба G20, чтобы его члены приняли конкретные решения по их реализации.

Так произошло и в 2017 г. Перед открытием в Гамбурге (Германия) встречи представителей 20 ведущих стран мира 25-27 апреля в Берлине прошел третий саммит «Women 20». Встреча была организована по поручению германского правительства Ассоциацией женщин-предпринимате-

лей этой страны. Она стала самым значительным женским форумом за последние десятилетия и получила огромный резонанс во всех странах.

Большой эмоциональный подъем мировой общественности был вызван тем, что почетными участницами там стали такие выдающиеся женщины-политики, как канцлер Германии Ангела Меркель, глава МВФ Кристин Лагард, нидерландская королева Максима, министр иностранных дел Канады Криста Фриланд, дочь президента США и его советник Иванка Трамп. На форуме были представлены 400 делегатов из многих стран мира, включая азиатские и африканские, среди которых были первые леди, мужья которых возглавляют страны и правительства государств-членов G20, предпринимательницы и экономические эксперты, общественные деятели и представительницы науки [3].

Трехдневная конференция была насыщена интересными докладами, живыми дискуссиями. Участницы из стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки в своих выступлениях дополняли инициативы, выдвинутые организацией «ООН-женщины», женским форумом организации Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и другими авторитетными международными союзами, и позволяющие женщинам в большей мере включаться в происходящие мировые политические и экономические процессы, преодолевать сохраняющиеся в ряде стран барьеры на пути карьерного роста.

Отмечалось, что существуют проблемы, характерные для большинства стран - участниц диалога: например, проблема «серебряной экономики», т.е. уязвимость женщины после 45 лет перед работодателем.

На официальном сайте берлинского саммита подчеркивалась особая важность как для развитых, так и для развивающихся государств распространения женского предпринимательства и более активного экономического участия женщин в развитии своих стран, помощи им в трудоустройстве и в получении адекватной заработной платы. Во многих документах красной нитью проходит мысль: «Когда мы инвестируем в женщин, мы инвестируем в мощный источник глобального развития» [4].

Все эти идеи нашли отражение в итоговом документе форума «*Women 20*», в котором содержатся рекомендации и план действий для гамбургского саммита G20. Как один из наиболее важных пунктов можно выделить следующий: «Женщины W20 призывают G20 систематически интегрировать гендерный анализ и гендерное бюджетирование во все свои планы. Это должно включать совершенствование сбора информации по признаку пола для разработки политики на основе фактических данных и мониторинга прогресса».

В резолюции подчеркивалось, что члены «Группы двадцати» должны активно работать над привлечением работодателей к ответственности

за нарушение гендерного равенства и поддерживать принятие и реализацию принципов расширения прав и возможностей женщин. Если не направлять усилия на ликвидацию ограничений, на изменение стереотипов и предвзятости, женщины не смогут полностью реализовать свой потенциал для содействия национальному экономическому росту.

W20 призывает G20 пересмотреть положение и в области информационных технологий. Подчеркивается, что женщины должны быть не просто пользователями современных технологий, но и их создателями. Информационные и коммуникационные технологии определены как ключевой фактор достижения Целей устойчивого развития ООН и инноваций, связанных с Четвертой промышленной революцией [4].

Безусловно, важнейшей проблемой остается устранение неравенства в обучении девочек и мальчиков точным наукам и в технической подготовке. Следует особо отметить факт вручения в рамках саммита премии «*Eskills4Girls*» за разработку методов адаптации женщин к цифровой экономике. Главный приз в 2500 евро получила команда из Кении. Можно сказать, что это победа не одной страны, а Африки в целом.

Одна из почетных гостей выразила мнение о работе форума весьма эмоционально: «Саммит окончился, и можно теперь смело сказать, что это было огромным успехом. Сегодня я имею возможность наблюдать, как заключаются договоренности на высшем уровне, как пишется история. И делается это руками и умными головами женщин» [4].

РОССИЯ ПОДДЕРЖИВАЕТ «ЖЕНСКУЮ ДВАДЦАТКУ»

Женщины всего мира активно включаются в деятельность международных организаций, внося идеи и предложения, сформированные на саммите «Женской двадцатки». В частности, они приняли участие в работе старейшей, основанной в Париже в 1889 г. и объединившей 173 государства, ассамблеи Межпарламентского союза (МПС), состоявшейся 14-18 октября 2017 г. в Санкт-Петербурге.

Этот форум стал самым масштабным за всю историю МПС. Он собрал 2400 делегатов из 160 стран мира, включая азиатские и африканские. Основная тема ассамблеи - «Продвижение культурного плюрализма и мира через межрелигиозный и межэтнический диалог».

Знаменательно, что первый день ассамблеи был назван «женским», поскольку он полностью был посвящен проблемам демократии под гендерным углом зрения, а также современным технологиям и методам, с помощью которых можно бороться с гендерным неравенством. С главным докладом, освещающим эти вопросы, выступила председатель Совета Федерации России В.И. Матвиенко.

Организация «Женская двадцатка» не сбавляет активных темпов работы, что ярко выразилось в поставленных на повестку дня вопросах следующего, четвертого саммита, состоявшегося в начале октября 2018 г. в Буэнос-Айресе [5]. Необходимо отметить, что члены этого политического сообщества в своей деятельности не ограничиваются раз и навсегда избранным форматом заседаний; они постоянно участвуют и в других международных саммитах. Так, 20-21 сентября 2018 г. W20 стала одной из основных организаций - участников Второго Евразийского женского форума, прошедшего в Таврическом дворце Санкт-Петербурга, где собрались 400 делегатов из 157 стран мира. Кроме таких постоянных «восточных» членов W20, как Китай, Индия, Индонезия, Япония, Саудовская Аравия, Южная Африка, Южная Корея и Турция, прибыли делегаты и из многих других азиатских и африканских государств.

Целью форума было обсуждение насущных вопросов экономики, энергетики, социального прогресса и развития здравоохранения. Акценты в повестке дня были расставлены таким образом, чтобы сделать ее полностью созвучной вызовам, с которыми сейчас сталкивается мировое сообщество в целом. Темы заседания распределились по четырем блокам: «Женщины за устойчивое развитие глобального мира», «Женщины за сбалансированное экономическое развитие», «Женщины за социальный прогресс», «Женщины за энергию будущего». Отдельный блок программы был посвящен истории успеха женщин-политиков, предпринимателей, руководителей некоммерческих организаций [6]. Кроме того, центральным пунктом в документах Второго Евразийского женского форума стало требование достижения равенства полов в системе и структуре власти [7].

По мнению председателя Совета Федерации РФ В.И.Матвиенко, организация W20 стала эффективным каналом коммуникации женской общности с мировыми лидерами [6].

Все отмеченные на этом форуме требования отразились в резолюции четвертого саммита «Женской двадцатки», проведенного в столице Аргентины. Представитель «Большой двадцатки» Педро Виллагра Дельгадо отметил в своем выступлении, что мужчины должны в большей степени принимать участие в деятельности «Женской двадцатки» и во всех гендерных программах и определять вопросы, которые могут быть включены в глобальную повестку дня G20. По мнению участников форума, гендерное равенство является ключевым фактором устойчивого и всеобъемлющего роста. Эта точка зрения соответствует пятой Цели в области устойчивого развития.

Данная проблема стала ключевой и на заседании Всемирной женской ассамблеи, организованной совместно с «Женской двадцаткой» 22-25 марта 2019 г. в Токио. Участники пятого саммита W20 в своих итоговых документах призывали лидеров G20 ускорить темпы выполнения своих обязательств относительно гендерных проблем. Делегатки вновь отметили необходимость устранения гендерного разрыва для достижения Целей в области устойчивого развития [8].

Можно утверждать, что активная деятельность женщин - членов W20 и других международных женских организаций в последние пять лет (2015-2019 гг.) была направлена на объединение усилий жительниц многих стран по достижению равных гендерных возможностей, что, несомненно, способствует более эффективному решению многих насущных проблем, стоящих перед всеми странами мира.

Список литературы / References

1. «Женская двадцатка» в Стамбуле и выступление Реджепа Эрдогана. Москва. Главные новости. («Women's twenty» in Istanbul and the statement of Recep Tayyip Erdogan. Moscow. Main news) (In Russ.). <http://moskva.bezformata.ru/listnews/dvadzatka-v-stambule-i-vistuplenie-redzhepa/39042002/> (accessed 19.01.2020)
2. Участники W20 призвали к равенству полов. Гендер. Права женщин. (W20 participants called for gender equality. Gender. Women's right) (In Russ.). <http://makeout.by/2015/10/22/uchastnicy-w20-prizvali-k-reshitelnym-deystviyam-podstizheniyu-ravenstva-polov.html> (accessed 19.01.2020)
3. Евразийское женское сообщество. Саммит «большой двадцатки». (Eurasian women's community. The summit of «big twenty») (In Russ.). <http://eawfpress.ru/press-tsentr/world/sammit-bolshoy-dvadzatki> (accessed 19.01.2020)
4. Ван Моурик К. Достигнет ли «женский вопрос» вершины Эвереста? Евразийское женское сообщество. (Van Mourik K. Will the «women's question» reach the top of Everest? Eurasian women's community) (In Russ.). <http://www.dw.com/ru/D1%81%D0%B0%D0%BC> (accessed 24.01.2020)
5. История W20: курс на экономику с женским влиянием. Евразийское женское сообщество. (The history of the W20: a course on Economics with female influence. Eurasian women's community) (In Russ.). <http://eawfpress-tsentr/forum> (accessed 27.01.2020)
6. W20: женщины рвутся к власти. (W20: women rush to power) (In Russ.). <https://online47.ru/2018/09/20> (accessed 24.01.2020)
7. «Женская двадцатка» впервые соберется в России. *Парламентская газета*. 14.03.2018. (The women's twenty will meet for the first time in Russia. *Parlamentskaya Gazeta*. 14.03.2018) (In Russ.). <https://www.pnp.ru/politics/> (accessed 24.01.2020)
8. W20: женщины рвутся к власти. (W20: women rush to power) (In Russ.). <https://online47.ru/2018/09/20> (accessed 24.01.2020)
9. Необходимость сокращения гендерных разрывов обсудили на Всемирной женской ассамблее. *Известия*. (The need to reduce gender gaps was discussed at the world women's Assembly. *Izvestiya*. 25.03.2019) (In Russ.). <https://iz.ru/860515/2019/03/25> (accessed 24.01.2020)

PUTTING OUT THE SMALL FLAMES: SOUTH AFRICA'S APPROACH TO COMBATING COVID-19

© 2020 B. GORELIK

DOI: 10.31857/S032150750009552-9

Boris M. GORELIK, PhD (History), Independent Researcher (boris.gorelik@outlook.com)

Abstract. *Although the COVID-19 pandemic started only recently, and the epidemiological situation in Africa and worldwide changes rapidly and sometimes unexpectedly, a preliminary analysis of the South African experience in handling the outbreak can be illuminating. Within the two months since the first confirmed case was reported in South Africa, the government took comprehensive measures to combat the new coronavirus. These measures displayed patterns and attitudes that will probably persist and determine the government's response to the COVID-19 crisis.*

'Putting out the small flames to avoid a raging fire' has been the main principle of the government's strategy. The anticipatory action includes community screening and testing, using some of the experience that South African health professionals acquired in containing the HIV/AIDS pandemic. By minimising or preventing community transmission in high-risk areas they have succeeded in maintaining a comparatively low infection rate.

South African policymakers have displayed flexibility in response to the demands of the population and the business community. The full lockdown has been replaced with the so-called 'shielding' approach, protecting the most vulnerable residents while allowing the rest of the people to engage in their normal activities, with mandatory precautions.

The government has also shown its resolve to salvage the South African economy by reallocating a large part of the budget and securing loans from international financial institutions, such as the New Development Bank (BRICS), for a stimulus package that amounts to 10% of the country's GDP.

Keywords: South Africa, coronavirus, pandemic, COVID-19, Africa

The fight against the new coronavirus in Africa began only a few months ago, and the epidemiological situation has been changing. The approaches to handling the COVID-19 emergency have been evolving as both governments and healthcare professionals obtain new information on the virus, its fatality and recovery rates.

This process is also taking place in South Africa, where the COVID-19 pandemic has been recognised as the greatest health crisis since the outbreak of Spanish flu a century ago. President Cyril Ramaphosa even stated that his country 'has never had to deal with a public health emergency of this magnitude' [1]. Under these circumstances, it is too early to evaluate the efficiency of the measures taken against the pandemic in that country. However, these measures have displayed certain characteristics that can be identified in order to understand how South African policymakers would view new developments and respond to them.

IMPOSITION OF A LOCKDOWN

A confirmed COVID-19 case in South Africa was first reported on 5 March, 2020. Ten days later, President Ramaphosa declared a national state of disaster. There were just sixty confirmed cases of COVID-19 countrywide and no confirmed deaths, but community transmission of the virus had already started. Epidemiological projections indicated that 40% of the South African population would be

infected and over 350,000 of those would die from the coronavirus unless its spread was arrested [2]. South Africans, with their immunity compromised by high rates of HIV and tuberculosis, were deemed particularly vulnerable to the infection [3].

South Africa became one of the first countries on the continent to impose a countrywide lockdown. From 27 March most South Africans were prohibited from leaving their homes except for necessary trips, such as buying groceries or seeking medical help. All shops and companies were closed except those providing essential goods and services. Liquor and cigarettes were not regarded as essential goods, so their sale was stopped. The expected reduction in alcohol-related cases was meant to enable hospitals to keep more beds ready for COVID-19 patients.

The mandatory social distancing and other emergency measures introduced by the government helped to forestall the spread of infection [4]. Although the number of COVID-19 cases in South Africa was expected to grow exponentially, the curve proved to be flatter than was the case in the US and many countries of Western Europe. The pattern of the infection in March and April resembled that of South Korea [5].

LESSONS LEARNT FROM THE HIV/AIDS PANDEMIC

Since the imposition of the lockdown, the daily number of new confirmed COVID-19 cases had a

tenfold reduction. It had been growing by 41% on the average, but, during the lockdown the number was rising by only 4% [6].

South African epidemiologists have used their experience of the HIV/AIDS pandemic. Given that the country has the largest number of confirmed HIV cases in the world, the government cannot afford to let their nation fall victim to another dangerous virus, which is why they have consistently taken the advice of medical experts.

Another lesson from the HIV pandemic has been 'putting out the small flames to avoid a raging fire' is an appropriate strategy of managing the outbreak [5]. To identify COVID-19 cases and minimise community transmission, mobile testing units and thousands of health workers, some already employed in HIV- or tuberculosis prevention, are deployed in areas with the highest population density and, correspondingly, the highest risk of infection. Residents showing coronavirus symptoms are identified and treated, and their contacts quarantined.

However, the comparatively low number of confirmed COVID-19 cases in South Africa has also been attributed to insufficient testing [7]. By 28 April, for every thousand residents, South Africa had conducted 10 times fewer tests than Italy or Spain, and 7 times fewer than Russia. Still, South Africa, with its 3.1 tests per thousand residents, was second only to Ghana (3.2) among the African countries with a population of two million and more. South Africa also outperformed its BRICS partners: India (0.5) and Brazil (1.6) [8].

During the lockdown, the National Health Laboratory Service aspired to raise the daily number of COVID-19 tests to 35,000. The inefficiency of the public healthcare system, the lack of testing kits and testing sites as well as the lengthy processing of samples hindered the progress [7; 9; 10]. At the end of April, nearly 10,000 tests were carried out in South Africa every day. Although it represented a threefold increase from the beginning of the month, the goal was not reached [11].

THE LOCKDOWN ENDS

By the end of April, over 5000 confirmed cases of the new coronavirus had been reported [12]. South Africa found itself among the three countries with the highest COVID-19 infection rate on the African continent, the others being Egypt and Morocco (which conducted significantly fewer tests per

thousand residents). It also had the largest number of confirmed COVID-19 cases south of the Sahara.

The COVID-19 death toll in South Africa was less than 100, and nearly 2100 patients had recovered by the end of April. The low fatality rate may be explained by the predominance of young people among the residents. The median age of the South African population is twenty-five, and younger COVID-19 patients have a much lower chance of severe disease or death than those aged seventy or older. Four out of five COVID-19 cases in South Africa were under seventy-one years, which places them in the lower-risk group [13]¹.

Restrictions on economic activity were eased from 1 May in a phased lifting of the lockdown. Precautions were still to be taken to limit community transmission and outbreaks of the new coronavirus. Each province, district and metropolitan municipality has been classified according to the local COVID-19 infection rate and the health system capacity, with the restrictions imposed or lifted according to the current risk level in the area.

After the lockdown, the consensus among medical experts in South Africa seemed to be that South Africa would not avoid a gradual escalation in the number of COVID-19 cases [5; 14]. The thinking was that many of the social distancing restrictions would be upheld for the next 3-5 months in order to sustain a comparatively low infection rate.

The Department of Health announced that the spread of the new coronavirus in South Africa was being slowed down thanks to the preventive measures taken by the government and the public health sector. Their projections indicated that the peak numbers of coronavirus cases would be reached in September, with a total maximum number of 1.5 million COVID-19 cases in Gauteng, the most densely populated province. The lockdown restrictions bought the authorities an additional two months to prepare hospitals and quarantine facilities for the surge and avoid overburdening the healthcare system. In the worst case, South African hospitals would need twice as many ventilators and three times as many intensive-care beds as there were in April [1; 15].

THE NEED OF AN AFRICAN APPROACH

The medical authorities are going to intensify COVID-19 testing and community screening. The National Health Laboratory Service plans to widen its testing capacity thanks to the newly

¹ Update on Covid-19 (22nd April 2020), SA coronavirus, 22 April 2020. <https://sacoronavirus.co.za/2020/04/22/update-on-covid-19-22nd-april-2020>

acquired machines which process samples automatically and produce results within an hour [16]. The gradual lifting of the lockdown restrictions lessens social distancing and increases community transmission. Although herd immunity will be developed sooner, the new factors complicate pre-emptive case detection [7]. It will be further compounded by the seasonal flu epidemic in the next few months [17].

Africa has considerably fewer health professionals, ventilators and hospital beds per person than other continents [18]. Meanwhile, South Africa's healthcare and financial resources exceed those of most African countries. Comparatively well-funded and staffed non-governmental organisations make up some of the deficiencies of the public health system in South Africa. However, the country grapples with the same social and political problems including poverty, corruption and mismanagement, as other African nations. These problems have aggravated the coronavirus crisis in Africa, therefore the strategies pursued by Western countries in combatting COVID-19 should be adapted to the local conditions.

The South African government has eventually realised the futility of enforcing the lockdown in townships and informal settlements. Self-isolation and strict social distancing are impossible in poor, overpopulated parts of African cities [19]. Only half of the South African population have access to water inside their homes or have a flush toilet connected to the sewage system. Millions of South Africans live in informal urban settlements with communal taps and toilets [20]. Residents have to go out every day if only to earn a living, and a lockdown deprives them of their meagre income. In some of these areas, they have completely ignored the government restrictions and recommendations.

The media exposed disturbing cases of police and army brutality as these forces wield emergency powers for the first time since the 1980s [21; 22]. Rather than achieving compliance with the new regulations, the oppressive actions triggered protests and fomented disobedience.

SHIELDING THE VULNERABLE

Due to the lack of income-generating opportunities, the most disadvantaged South Africans became fully dependent on social grants and government rations. There were reports of government officials appropriating food parcels and supplying them for bribes [23]. During the lockdown, the authorities failed to organise timely delivery of food parcels. As a result, hungry residents resorted

not only to violent protesting but also to looting of shops and delivery vehicles [1; 24; 25; 26].

Experts have warned against a blanket imposition of physical distancing. In order to alleviate the pressure on the economy and the healthcare system as well as to ease the socio-political tensions, the authorities should focus on protecting the high-risk groups, such as residents aged over seventy or those with underlying health conditions. While those groups are required to maintain physical distancing during the pandemic to minimise or eliminate their chances of being infected, others can engage in economic and other activities with fewer restrictions [27]. Modelling for the African context shows that 'shielding a small portion of the population is a potentially more practical strategy to adopt for a prolonged period of time, compared with strong physical distancing among the general public' [18].

The gradual lifting of the countrywide lockdown and the more selective application of the restrictions indicates that the South African government is inclined to take the 'shielding' approach. There may be more COVID-19 cases than under a full lockdown, but the number of severe cases would probably be reduced [18].

10% OF GDP AS A STIMULUS PACKAGE

The official unemployment rate in South Africa had exceeded 29% before the pandemic [28]. Further significant job losses are expected until September or even October due to the lockdown, financial troubles and permanent closure of small and medium businesses [29; 30; 31]. The South African Reserve Bank expects that 370,000 employees in the formal sector would become redundant in the near future [32]. According to another forecast, which considers the informal sector, over a million South Africans would lose their jobs as a consequence of the COVID-19 emergency [33].

On declaring the state of disaster in mid March, the government took steps to minimise the damage to the economy and the employment rate. The government allocated funds to enable companies affected by the COVID-19 crises to continue paying salaries. Employees infected by the coronavirus in the workplace started receiving grants. Small and medium businesses could apply for direct subsidies and tax deferral. The South African Reserve Bank set its repurchase rate at a record low: 4.25%.

Yet these targeted interventions added up to 0.7% of GDP, while most emerging markets were allocating from 2% to 5% of their GDP for managing the COVID-19 crisis [18; 34].

In late April, the South African stimulus package was increased to 10% of GDP. The government started implementing a comprehensive plan to revitalise the economy, which provides for bigger subsidies and guaranteed loans to small businesses, more substantial grants for the unemployed and large-scale funding of the healthcare system.

BORROWING TO SAVE THE ECONOMY

A quarter of the amount was taken from the country's budget, but the remainder had to be raised with external funding, which had proved to be a formidable task. The economy had gone into a recession even before the pandemic reached the country. Both Fitch and Moody's demoted the country's sovereign debt to sub-investment grade because of the slow economic growth and the widening primary deficits [35]. South Africa was excluded from the FTSE World Government Bond Index, which raised the cost of borrowing in the financial markets.

This year, the country's economy is expected to contract drastically. Estimates vary from -2.5% (Moody's) to roughly -6% (South African Reserve Bank; IMF). The potential damage to the GDP is said to be graver than after the 2008 financial crisis. The South African National Treasury has projected a deep recession with the fiscal deficit of 6.8% of the GDP [32].

Despite the bleak outlook for the South African economy, the government managed to obtain loans from the World Bank and the International Monetary Fund. Besides the South African government is relying on a billion US dollars from the New Development Bank, established by the BRICS grouping [36; 37].

THE SOUTH AFRICAN WAY OF MANAGING THE PANDEMIC

The government's reaction to the pandemic has been characterised by anticipatory action such as the comparatively early imposition of the lockdown and proactive community testing and screening. The authorities have followed the recommendations of both the WHO and leading South African epidemiologists. Although the required daily number of COVID-19 tests was not achieved during the lockdown, South Africa appears determined to intensify the testing. The timely lifting of the lockdown and the transition to the 'shielding' model demonstrates that the authorities are prepared to adjust their approach to the changing situation.

By gradually restoring economic activity, the government has shown its regard for the interests of the South African business. The generosity of the new stimulus package surprised even the government's critics. The authorities seem determined to minimise the damage that the pandemic and the restrictions have caused to the economy in recession, to invest in retaining productive capacity, compensate for the income losses of the most disadvantaged residents and prevent further erosion of the tax base.

However, South African officials as well as law enforcement and military personnel have sometimes abused their emergency powers. The effectiveness of the policies depends on the efficiency, honesty and goodwill of those who carry it out, and it remains to be seen if the government's ambitious strategy can be implemented successfully.

References

1. From the desk of the President (20 April 2020). <https://sacoronavirus.co.za/2020/04/20/from-the-desk-of-the-president-20th-april-2020> (accessed 22.04.2020)
2. Baleta A. COVID-19: What we think we know about the epidemiological numbers. <https://www.spotlightnsp.co.za/2020/04/14/covid-19-what-we-think-we-know-about-the-epidemiological-numbers> (accessed 14.04.2020)
3. President Cyril Ramaphosa: Escalation of measures to combat Coronavirus COVID-19 pandemic-23-mar (accessed 14.04.2020) <https://www.gov.za/speeches/president-cyril-ramaphosa-escalation-measures-combat-coronavirus-covid-19-pandemic-23-mar>
4. What South Africa learned from AIDS. *The Economist*. 18 April 2020. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/04/16/what-south-africa-learned-from-aids> (accessed 20.04.2020)
5. South Africa's coronavirus lockdown: what comes next - and what needs to happen to end it sooner. <https://businesstech.co.za/news/government/389247/south-africas-coronavirus-lockdown-what-comes-next-and-what-needs-to-happen-to-end-it-sooner> (accessed 20.04.2020)
6. Wiysonge C.S. South Africa's War on COVID-19. <https://www.samrc.ac.za/news/south-africas-war-covid-19> (accessed 28.04.2020)
7. Schütz E. COVID-19. Why is SA not testing more? <https://www.spotlightnsp.co.za/2020/04/20/covid-19-why-is-sa-not-testing-more> (accessed 25.04.2020)
8. COVID-19 Coronavirus Pandemic. <https://www.worldometers.info/coronavirus> (accessed 29.04.2020)
9. Kahn T. SA can conduct 25,000 COVID-19 tests a day. <https://www.businesslive.co.za/bd/national/health/2020-04-14-sa-can-conduct-25000-covid-19-tests-a-day-business-for-sa-says> (accessed 01.05.2020)
10. Harding A. Coronavirus in South Africa: The lull before the surge? <https://www.bbc.com/news/world-africa-52228932> (accessed 11.04.2020)
11. Update on COVID-19 (27 April 2020). <https://sacoronavirus.co.za/2020/04/27/update-on-covid-19-27th-april-2020> (accessed 27.04.2020)

12. Update on COVID-19 (28 April 2020) with Media Presentation. <https://sacoronavirus.co.za/2020/04/28/update-on-covid-19-28th-april-2020-with-media-presentation> (accessed 28.04.2020)
13. Update on COVID-19 (22 April 2020). <https://sacoronavirus.co.za/2020/04/22/update-on-covid-19-22nd-april-2020> (accessed 25.04.2020)
14. Hogg A. Inside COVID-19. What comes after lockdown ends... <https://www.biznews.com/inside-covid-19/2020/04/20/covid-19-lockdown-stanford-sunter-dogs> (accessed 27.04.2020)
15. Du Toit P., Cowan K. SA government plans for COVID-19 to peak in September but questions about data remain. <https://www.news24.com/SouthAfrica/News/sa-government-plans-for-covid-19-to-peak-in-september-but-questions-about-data-remain-20200411> (accessed 13.04.2020)
16. Evans S. Cowan K. Nine days left: 5 things SA must get right before lockdown ends. <https://www.news24.com/SouthAfrica/News/nine-days-left-5-things-sa-must-get-right-before-lockdown-ends-20200421> (accessed 21.04.2020)
17. Cowan K. NICD's top epidemiologist: How the COVID-19 pandemic is evolving and why we should be concerned. <https://www.news24.com/SouthAfrica/News/nicds-top-epidemiologist-how-the-covid-19-pandemic-is-evolving-and-why-we-should-be-concerned-20200412> (accessed 14.04.2020)
18. Kartik J., Leke F., Ooko-Ombaka A., Sun Y.S. Finding Africa's path: Shaping bold solutions to save lives and livelihoods in the COVID-19 crisis <https://www.mckinsey.com/featured-insights/middle-east-and-africa/finding-africas-path-shaping-bold-solutions-to-save-lives-and-livelihoods-in-the-covid-19-crisis#> (accessed 30.04.2020)
19. Keaveny P. Why heavy-handed policing won't work for lockdowns in highly unequal countries <https://theconversation.com/why-heavy-handed-policing-wont-work-for-lockdowns-in-highly-unequal-countries-135989> (accessed 16.04.2020)
20. Gevisser M. Share a Toilet with Your Neighbor? *New York Times*. 3 April 2020. <https://www.nytimes.com/2020/04/03/opinion/coronavirus-south-africa.html> (accessed 29.04.2020)
21. SANDF issues stern warning after soldiers accused of beating Alexandra man to death. <https://www.iol.co.za/news/south-africa/gauteng/sandf-issues-stern-warning-after-soldiers-accused-of-beating-alexandra-man-to-death-46625061> (accessed 13.04.2020)
22. Stay home or be whipped. *The Economist*. 4 April 2020. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2020/04/04/some-african-governments-are-enforcing-lockdowns-brutally> (accessed 15.04.2020)
23. Hunter Q. Ramaphosa tells ANC that SA needs R1-trillion for COVID-19 relief: insiders. <https://www.timeslive.co.za/politics/2020-04-20-ramaphosa-tells-anc-that-sa-needs-r1-trillion-for-covid-19-relief-insiders> (accessed 25.04.2020)
24. Masweneng K. 'There is no lockdown here': Diepsloot residents won't stay home as hunger sets in. <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2020-04-21-there-is-no-lockdown-here-diepsloot-residents-wont-stay-home-as-hunger-sets-in> (accessed 22.04.2020)
25. Chaos in Macassar as people loot spaza shops, burn debris. <https://citizen.co.za/news/covid-19/2272825/watch-chaos-in-macassar-as-people-loot-spaza-shops-burn-debris> (accessed 22.04.2020)
26. Mkentane O. Desperation, hunger causing looting of trucks, says Social Justice Coalition. <https://www.iol.co.za/capetimes/news/desperation-hunger-causing-looting-of-trucks-says-social-justice-coalition-46963190> (accessed 26.04.2020)
27. Abdalla S; Galea S. Africa and Coronavirus - Will Lockdowns Work? <https://www.thinkglobalhealth.org/article/africa-and-coronavirus-will-lockdowns-work> (accessed 20.04.2020)
28. Quarterly Labour Force Survey (QLFS) - Q4:2019. Media release. <http://www.statssa.gov.za/?p=12948> (accessed 12.04.2020)
29. Faku D. CCMA warns of jobs bloodbath in coming months. <https://www.iol.co.za/business-report/economy/ccma-warns-of-jobs-bloodbath-in-coming-months-46680676> (accessed 01.05.2020)
30. Henderson R. Investec warns of social harm if South African lockdown endures. <https://www.iol.co.za/business-report/economy/investec-warns-of-social-harm-if-south-african-lockdown-endures-46839005> (accessed 20.04.2020)
31. Buthelezi L. Asset managers join calls to end the lockdown. <https://www.fin24.com/Companies/Financial-Services/asset-managers-join-calls-to-end-the-lockdown-20200423> (accessed 30.04.2020)
32. Dlodla S. Reserve Bank slashes SA growth forecast by 6.1% as Covid 19 hits economy. *Business Report*. 14 April 2020. <https://www.iol.co.za/business-report/economy/reserve-bank-slashes-sa-growth-forecast-by-61-as-covid-19-hits-economy-46679264> (accessed 22.04.2020)
33. Omarjee L. SA business alliance expects 1 million job losses, economy to contract by 10%. <https://www.fin24.com/Economy/South-Africa/coronavirus-sa-business-alliance-expects-1-million-job-losses-economy-to-contract-by-10-20200414> (accessed 20.04.2020)
34. Moola N. The Big Stimulus: How SA can fund it, and how to spend it. *Financial Mail*. 2020. 20 April. <https://www.businesslive.co.za/fm/opinion/2020-04-20-the-big-stimulus-how-sa-can-fund-it-and-how-to-spend-it> (accessed 25.04.2020)
35. Magubane K., Omarjee L. Govt's economic rescue plan a race against time. <https://www.fin24.com/Economy/South-Africa/covid-19-govts-economic-rescue-plan-a-race-against-time-20200419> (accessed 22.04.2020)
36. COVID-19 update: Ramaphosa announces R500 billion economic support package; additional grants for unemployed. <https://www.businessinsider.co.za/coronavirus-in-south-africa-everything-we-know-about-covid-19-in-sa-2020-3> (accessed 22.04.2020)
37. Isa M. IMF, World Bank scope to assist SA may be limited. *FinWeek*. 8 April 2020. <https://www.fin24.com/Finweek/Business-and-economy/imf-world-bank-scope-to-assist-sa-may-be-limited-20200408> (accessed 10.04.2020)

Рецензия

UGANDA: THE CIVIL WAR AND THE DESTINY OF A JOURNALIST

© 2020 T. DENISOVA

DOI: 10.31857/S032150750009553-0

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (tsden@hotmail.com)

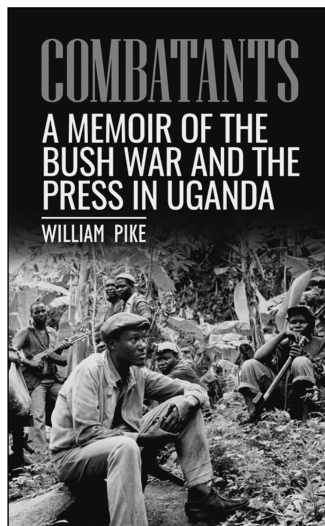
Review of the book: **William Pike. Combatants. A Memoir of the Bush War and the Press in Uganda.** L.: 2019. 293 p.

Keywords: William Pike, Uganda, rebels, mass media, National Resistance Movement, National Resistance Army, Yoweri Museveni

The book by British journalist William Pike (*William Pike. Combatants. A Memoir of the Bush War and the Press in Uganda.* L.: 2019. 293 p.) is an important historical document that reveals details of numerous events of the Ugandan Civil War of 1981-1986, the post-war reconstruction, the ascent to power of Yoweri Museveni and the first years of his presidency.

The work is especially valuable because the author did not just visit cantonment sites of the National Resistance Army (NRA), which had been established in 1981 and soon thereafter transformed into the National Resistance Movement (NRM, or simply the Movement), but also was the first journalist to interview the leader of the NRM - the future president of Uganda Yoweri Kaguta Museveni.

The key characters of the book - field commanders of the Movement and W. Pike himself - are, undoubtedly, extraordinary personalities. Incidentally, the author's name should be familiar to the readers of the *Asia and Africa today* journal of the Russian Academy of Sciences due to the 2012 publication of the article «Mr. Pike in Uganda and Moscow» [1], authored by Dr. Oleg Teterin, who had meetings with the Englishman while being in charge of the Kampala bureau of the *Novosti* News Agency (1985-1990). In turn, W. Pike at that time was

heading the editorial board of the Ugandan government newspaper *New Vision*.

Interestingly, the «African memoirs» of the Russian [2] and British journalists were published nearly simultaneously, allowing us to compare their views - in many respects similar - of events in the Uganda of those days¹.

W. Pike has been taking interest in events taking place on the Black Continent throughout his life. And this is not surprising: the author was born on May 24, 1952 in Tanganyika (present-day Tanzania), where his father served as the Commissioner of the Southern Province. In 1959, his parents brought William to «cold, gray» England, and this was a traumatic experience for the boy. Even then he «knew that he would return to Africa» (p. 5). In 1982, Pike arrived as a freelance journalist in Tanzania, and in July 1984, he came to Uganda.

Meanwhile, events in Uganda at that time were developing rapidly. The failure of the 1972 military operation against Idi Amin, which had been launched from the Tanzanian territory, prompted Y. Museveni to form his own movement - the Front for National Salvation (FRONASA), whose fighters underwent training in Mozambique. In 1978, as a result of a military operation carried out by Ugandan rebel groups and units of the Tanzanian army, the rigidly

¹ In 2011, William kindly provided his long-time friend Oleg with one of the chapters of his future book, *Meeting Museveni*, a Russian translation of which was consequently published in the *Asia and Africa today* journal [3], and in 2012 he facilitated the publication of Dr. O. Teterin's article about the first day of the July 27, 1985 coup in Kampala in the *New Vision* newspaper. Moreover, the article was included in the «Golden Jubilee» rubric as one of the brightest witness accounts in the history of independent Uganda [4].

authoritarian regime of Idi Amin collapsed, and Museveni became the youngest member of the presidential administration of Yusuf Lule (1979), and then - of President Godfrey Binaisa (1979-1980). In 1980, a presidential election took place, wherein Milton Obote rigged the voting results and claimed victory. Museveni, who had warned Obote in advance that he would not allow falsification, began an armed struggle against the ruling regime of Obote and established the NRA/NRM [5].

In 1982-1983, the NRM operated on the territory of the so-called Luweero Triangle, formed by several roads about 120 miles north of Kampala. In 1981-1985, about 300 thousand people died in the area as a result of armed clashes, and Pike, seriously concerned with the fact that Western press was ignoring these events, decided to fill the gap and tell the world about the abuses of Obote's regime, the goals and objectives of the rebels, and the situation in Uganda in general (p. 20).

Almost immediately after arriving in Kampala in 1984, with the support of the Ugandans whom he had met in London, Pike went to the area occupied by the rebels. Risking his life, accompanied by just one NRM fighter, the journalist crossed government army checkpoints, travelled kilometers of forest paths in total darkness or moonlight, got stuck in a swamp, waded through bushes, going from one rebel base to another.

Of special value for the readership, in particular for scholars in conflict studies, are the detailed descriptions of NRM camps a few kilometers from Kampala: plastic canopies with beds arranged under them, bonfires for cooking, AK-47 rifle pyramids, observation posts... (p. 35). According to Pike, the area, including villages with huts destroyed during the war, seemed completely uninhabited to him and reminded of the film *Stalker* by Andrei Tarkovsky, wherein the hero first crosses an abandoned industrial zone in one direction and then in another direction (p. 37).

Pike rightly notes the absence of tribal divisions in the Movement, in which representatives of many Ugandan ethnic groups participated. He points to the discipline of the militants, their loyal attitude to local residents - regardless of their willingness or unwillingness to help the NRM. The author compares the behavior of rebels and soldiers of the regular army: the former, having taken prisoners, offered them either to join the Movement or to walk free; the latter killed the enemy on the spot. Thus, Pike emphasizes the difference between Museveni's fighters and not just Obote's soldiers, but also participants of other African rebellions (the United Revolutionary Front in Sierra Leone, the Liberian National Patriotic Front, the Lord's Resistance Army in Uganda, etc.), which were distinguished by extreme cruelty.

Pike notes that the success of the NRM was largely due to the support rendered to it by the local population, in particular the provision of information on the movement of the regular army. That is why the rebels often managed to show initiative and successfully repel attacks of the government army or, on the contrary, carry out unexpected attacks, forcing Obote's troops to withdraw from their positions, leaving behind their dead and wounded. However, as the author points out, the soldiers would later brutally punish the civilian population. Pike, while celebrating military successes of the NRM, fails to explain how the rebels defended the locals from the revenge of Obote's soldiers.

The most interesting part of Pike's book is dedicated to his June 1984 meeting with the opposition leader Y. Museveni at a rebel forest base. The journalist tells how one morning a group of soldiers led him to the hut where their leader lived. The future president was sitting on a folding wooden chair, benches stood around him in rows, field commanders were sitting on the benches and discussing the strategy and tactics of the war. Museveni was dressed in a camouflage military uniform over a white T-shirt and high canvas shoes, looked calm and was fuller than in the photographs made 3-4 years earlier (p. 59).

They talked all day. Museveni said that the NRM had three thousand soldiers fighting against the regular army of almost 40 thousand. Obote's soldiers, however, «deserted at the first opportunity» (p. 60). Furthermore, the Movement controlled 7 thousand square miles of territory, and this was one of the reasons for its success: militant camps were scattered over a vast area and were hard to find in the bush. However, as Pike notes, quoting Museveni, what matters most was not territorial control, but the self-preservation of the Movement, which had to exhaust the enemy with short sorties, seizure of weapons and destruction of the regime's political image (p. 61).

Pike highlights some features of the NRM's activity that distinguished it from other African rebel movements, usually based in peripheral areas, while Museveni's Movement waged war just a few miles away from Kampala: being near the capital, the rebels could create more problems for the authorities, thus reducing the duration of hostilities. Theoretically, one can agree with this, but the Ugandan Civil War lasted five years, and for such a small country as Uganda, this is a long time.

As the author notes, it is unusual for Africa to wage a rebel war without external assistance. In fact, the Movement was supported only by Libya: Muammar Gaddafi sent weapons to Museveni and provided other logistical assistance to the NRM,

however, on a limited scale. The Obote government, on the other hand, relied on the assistance from the UK, Egypt, Sudan, other countries and the IMF.

Having returned in 1985 from Uganda to the UK, Pike tried to draw the attention of the British authorities to the situation in the country, to the corrupt and repressive nature of Obote's regime, but to no avail. Meanwhile, the journalist became increasingly involved in the affairs of the NRM, attended, and sometimes spoke at rallies of supporters of the Movement in London.

On July 27, 1985, during Pike's stay in the UK, a military coup led by General Tito Okello Lutwa took place in Uganda. Okello invited all opposition groups to cease hostilities and join the government of national unity. However, as government forces continued to commit atrocities in rural areas, Museveni decided to continue the struggle. In January 1986, the NRM launched an attack on Kampala, on January 26 the rebels stormed the capital, and on January 29 Museveni was proclaimed president of the country.

In July 1986, Pike's old friends - former leaders of the NRM, who were now holding various positions in the new government bodies - invited him to head the *New Vision* newspaper, and the journalist returned to Uganda. He faced an insurmountable task: the newspaper was published irregularly due to the lack of personnel, finances, and premises. However, Pike was enthusiastic: running a newspaper allowed to do a lot of good for the country, at least by conveying the truth to its inhabitants.

The author describes in detail both the successes of *New Vision*, which has become one of the most popular periodicals in the country, and the failures and even conflicts with the authorities due to the newspaper's criticism of various aspects of the government's economic policy. According to Pike, the process of economic recovery turned out to be much more complicated than Museveni had thought during the war. The Ugandan leader believed that the economy would begin to develop rapidly as soon as the political situation in the country stabilized. Pike's disappointment with Museveni, which for several years had been his idol, can be read between the lines. However, in fairness, it should be noted that the Ugandan leader apparently did not expect

that he would inherit from the previous regimes the economy that had been so badly damaged as a result of war and poor management: closed industrial enterprises, impassable roads, dormant bureaucracy, depreciated currency, etc.

The author notes the many positive changes were observed in the early years of Museveni's rule: new schools were built, roads were repaired, a local government system was created, and the army was strengthened. However, in the context of political (conflicts with the LRA, the kingdom of Buganda, etc.) and economic instability, the transformation of the regime in the direction of «tightening the screws» seemed inevitable. Since the mid-1990s, the authoritarian tendencies of Museveni's regime, which has been solidifying its power, first, by removing influential public figures from the process of political decision-making and, second, by establishing tight control over the opposition, have become increasingly apparent.

Pike rightly stresses that Museveni's dynamism has certainly contributed to the implementation of radical political transformations, but the lack of political and civil liberties has remained a serious problem facing the country. Indeed, the NRM was formed as a rebel movement, and during the first years of peace in the post-war country the «temporary» ban on the activities of political parties and the neutralization of the opposition and various radical groups seemed justified, because economic reforms could only be carried out in peace and stability. However, over time, the hegemony of the Movement as the only legitimate political force lost its necessity, but the persecution of dissidents even intensified. Repression also affected journalists. Some independent or claiming to be independent media were shut down.

One day in the fall of 1989, at a regular press conference, Museveni, turning to Pike, declared: «Bwana Pike, I am not happy with you and your paper» (p. 243). In 2006, Museveni accused the journalist of working for MI6 (p. 263).

However, Pike continued to lead *New Vision* until October 2007, when he decided not to tempt fate and, not waiting for his dismissal or more severe punishment, moved to Nairobi to start publishing the *Star* newspaper for Kenya's *Radio Africa Group*...

References

1. Teterin O.I. 2012. Mr. Pike in Uganda and Moscow. *Asia and Africa today*. № 3, pp. 62-67. (In Russ.)
2. Teterin O.I. Remembering Africa (important issues... and not so much). Moscow, 556 p. (In Russ.)
3. William Pike. 2012. Meeting Museveni. *Asia and Africa today*. № 3, pp. 68-72. (In Russ.)
4. Teterin O.I. How Swahili saved a Russian diplomat during the 1985 coup. *New Vision* (Kampala). August 28, 2012.
5. Denisova T.S. 2016. Uganda: Yoweri Museveni and the problem of political longevity. *Asia and Africa today*. № 11, pp. 34-41. (In Russ.)

Страницы истории

СССР И ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «СОЮЗА АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ», 1963-1964 гг. (по материалам российских архивов)

© 2020 С. МАЗОВ

DOI: 10.31857/S032150750009555-2

МАЗОВ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, гл.н.с. Института всеобщей истории РАН (s.mazov@mail.ru)

Резюме. Опираясь на архивные документы, автор раскрыл неизвестную роль советских экспертов в подготовке ряда учредительных документов «Союза африканских государств», который пытался создать президент Ганы К.Нкрума в 1963-1964 гг. Один из экспертов - В.Я.Аболтин - в записке в ЦК КПСС охарактеризовал панафриканизм как «идеологию расистскую в своей основе не совместимую с марксизмом-ленинизмом», утопию, «далекую от реальной действительности». Его информация помогла советскому руководству занять правильную позицию в отношении просьб Ганы оказать ей финансовую помощь для борьбы за объединение Африки «на социалистических принципах».

Ключевые слова: панафриканизм, Союз африканских государств, советско-ганские отношения, холодная война, политика СССР в Африке

USSR AND «UNION OF AFRICAN STATES» PROJECT, 1963-1964 (based on Russian archival materials)

Sergei V. MAZOV, Dr.Sc. (History), Principal Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (s.mazov@mail.ru)

Abstract. The author has obtained recently declassified Russian archival materials revealing the secret role of Soviet experts in preparing some constituent documents of the Union of African States, Ghanaian President Kwame Nkrumah sought to establish.

At his request, at the end of 1963 Major General Viktor Kulikov assisted in elaborating recommendations for organizing collective defense for the OAU member countries, and Professor Vladimir Aboltin designed a plan for their economic integration.

Aboltin proposed to establish a Pan-African Customs Union that would abolish customs duties and Central African Bank issuing common currency, to industrialize Africa "on the basis of economic union", to implement infrastructural projects, to domesticate Sahara gradually. He believed that all these would «contribute to the separation of 18 African associated states from the European Common Market», to «the liberation of the remaining African colonies», «weaken the overall position of imperialism, which employs new forms of colonialism in Africa». Professor Aboltin sent to the Central Committee of the Soviet Communist Party (CPSU) a comprehensive memo «On Pan-Africanism», which he defined as «an ideology that was fundamentally racist and incompatible with Marxism-Leninism», an utopia divorced from reality. He advised the Soviet leadership not to treat pan-Africanists as reliable allies, even if they declared a socialist path of development, including Nkrumah whose conception of Nkrumaism was «a mixture of all sorts of things».

Given his position, the Soviet leaders reacted with restraint to the request of the Ghanaian Foreign Minister Kojo Botsio in May 1965 to allocate 300 million pounds to his country for «the struggle to achieve inter-African unity based on socialist principles».

Keywords: Pan-Africanism, Union of African States, Soviet-Ghanaian Relations, Cold War, Soviet policy in Africa

Создание теории панафриканизма и практические попытки добиться объединения африканских государств считаются исключительно африканским и афро-американским делом. Недавно рассекреченные документы из Архива внешней политики РФ (АВП РФ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) показывают, что в разработке проекта «Союза африканских государств» участвовали советские эксперты, а от африканских политиков руководству СССР поступали предложения профинансировать «создание межафриканского единства на социалистических принципах» [1].

Документы проясняют истинное, отличное от официального, отношение части советских ученых и политиков к панафриканизму.

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В ГАНУ

В первой половине 1960-х гг. президент Ганы Кваме Нкрума был влиятельным и авторитетным африканским лидером. Он первым в Черной Африке привел свою страну к независимости в марте 1957 г. Определяющими принципами ганской внешней политики стали антиколониализм и панафриканизм. За призывами Нкрумы объединить Африку, создать «Соединенные Штаты Африки» западные наблюдатели и многие африканские политики усматривали его личные амбиции и ганский гегемонизм.

В мае 1963 г. на конференции глав африканских государств в Аддис-Абебе Нкрума предложил создать «Союз африканских государств» со

своим федеральным правительством, единым военным командованием, общими органами экономического руководства, африканским банком развития. Предложение было отвергнуто как неосуществимое. Некоторые оппоненты Нкрумы «иронизировали над лицом, вообразившем себя Мессией, некоторые говорили, что можно ставить лишь задачу постепенного сближения стран Африки, другие заявляли, что их государства не намерены отказываться от суверенитета» [2, л. 23-24].

Вместо «Союза африканских государств» на конференции в Аддис-Абебе была учреждена Организация африканского единства (ОАЕ), которую ганская проправительственная пресса называла «паллиативом, посредством которого неокolonизаторы стремятся предотвратить подлинное объединение Африки» [2, л. 24].

Продвинуть свой забуксовавший проект объединения Африки Нкрума решил с помощью СССР. Он наладил с нашей страной партнерские отношения, провозгласив курс на построение в Гане социалистического общества, а государственной идеологией - нкрумаизм, основанный, как он утверждал, на «научном социализме». В августе 1963 г. Нкрума обратился к советскому руководству с просьбой оказать ему помощь в разработке военных и экономических аспектов объединения Африки¹. Он считал, что советские специалисты смогут сделать идею Союза более привлекательной и убедительной.

24 сентября 1963 г. Президиум ЦК КПСС постановил командировать в Гану двух экспертов. Генерал-майор Виктор Георгиевич Куликов должен был оказать помощь «в разработке рекомендаций по вопросам коллективной обороны стран Африки - членов Организации африканского единства». Заместитель директора ИМЭМО АН СССР, доктор экономических наук, профессор Владимир Яковлевич Аболтин должен был заниматься вопросами «развития межафриканского экономического сотрудничества»².

Документы о пребывании в Гане Куликова не рассекречены, о результатах миссии Аболтина можно судить по его докладной записке в ЦК [3].

В материалах к постановлению ЦК о командировании Аболтина в Гану ему дана такая характеристика: «является крупным советским экономистом-международником, занимающимся исследованием вопросов распада колониальной системы и развития слабо развитых в экономическом отно-

шении стран»³. Не упомянута, но, вероятно, была учтена при поручении столь секретной и деликатной миссии его основная профессия: В.Я.Аболтин (1899-1978) был одним из первых сотрудников советской военной разведки, агентом-нелегалом, резидентом в Харбине (1927-1928) [4].

Решение о направлении Аболтина в Гану было принято 24 сентября 1963 г. Докладная записка в ЦК датирована 26 февраля 1964 г., но в ней нет ни одной даты. Возможные хронологические рамки его пребывания в Гане можно обозначить как октябрь 1963 - февраль 1964 гг.

Президент Нкрума принял Аболтина по прибытии в Гану. На беседе присутствовал советский посол в Аккре Г.М.Родионов. Нкрума не скрывал, что не удовлетворен Хартией ОАЕ и «продолжает выступать за создание Союза африканских государств, в котором отдельные государства должны отказаться от части суверенитета в пользу Союза». Президент сказал, что с участием советских экспертов уже были разработаны Конституция «Союза африканских государств» и проект создания Общеафриканского военного командования, и если к ним добавить план экономического объединения, то он будет располагать «всем необходимым для того, чтобы доказывать необходимость и возможность создания Союза» [3, л. 7, 8].

Аболтин подготовил 70-страничный документ - «Главные черты проекта экономического объединения африканских государств». Методологию проекта автор сформулировал так: «Насколько возможно удовлетворить пожелания Нкрумы, далеко уходящие от современной политической действительности, и в то же время слишком далеко не отрываться от реальности» [3, л. 10].

Аболтин сделал проект максимально реалистичным в рамках поставленной задачи:

«В документе незримо присутствует мысль о том, что экономическое объединение и развитие Африки, а также размещение производительных сил, как они обрисованы в изложении, возможны были бы в условиях победы социалистического строя в Африке. Однако чтобы сразу же не отпугнуть огромное большинство современных африканских правительств от самой идеи экономического объединения, социализм в документе не упоминается» [3, л. 10].

Привлечь африканцев должны были конкретные меры по межафриканской экономической интеграции: создание общеафриканского таможен-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 341. Л. 3. Председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам СЭВ - министр СССР В.Н.Новиков - ЦК КПСС, 19 сентября 1963 г.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 341. Л. 2. П116/31. Постановление ЦК КПСС «О командировании в Гану тт. Куликова В.Г. и Аболтина В.Я. для оказания помощи в разработке рекомендаций по вопросам коллективной обороны и развития межафриканского экономического сотрудничества стран Африки - членов Организации африканского единства», 24 сентября 1964 г.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 341. Л. 2.

ного союза, в котором отменяются таможенные пошлины, Центрального африканского банка, выпускающего общеафриканскую валюту, ликвидацию «зависимости валют отдельных африканских государств от франка, фунта стерлингов и доллара», проведение «на основе экономического объединения» индустриализации Африки, осуществление крупных гидроэнергетических и инфраструктурных проектов, постепенное освоение Сахары [3, л. 9].

Выполнение этих задач и по сей день остается реальной повесткой отношений между африканскими странами.

Аболтин подчеркивал, что предложенный им путь экономического объединения Африки подтолкнет африканцев к «расширению экономического сотрудничества с Советским Союзом и социалистическими странами Европы, будет «способствовать отрыву 18 африканских ассоциированных государств от европейского Общего рынка, отрыву Конго от его нынешних фактических хозяев - руководителей НАТО», «освобождению оставшихся в Африке колоний, замене фашистского правительства ЮАС (Южно-Африканского Союза. - С.М.) общенародным правительством», «ослаблению в целом позиций империализма, применяющего в Африке новые формы колониализма» [3, л. 10-11].

Документ был переведен на английский язык и передан Нкруме.

Ганская миссия Аболтина не ограничилась разработкой экономических аспектов «Союза африканских государств». По возвращении из Ганы он подготовил и направил в ЦК обстоятельную записку - «О panaфриканизме» [2].

«ИДЕОЛОГИЯ, РАСИСТСКАЯ В СВОЕЙ ОСНОВЕ, НЕ СОВМЕСТИМАЯ С МАРКСИЗМОМ-ЛЕНИНИЗМОМ»

Аболтин характеризовал panaфриканизм как «идеологию, расистскую в своей основе, не совместимую с марксизмом-ленинизмом» [3, л. 11]. Он отмечал, что среди трех человек, стоявших «у колыбели panaфриканизма XX века» (Г.Сильвестр-

Уильямс, У.Дюбуа, и М.Гарви⁴), только Дюбуа - не антипод коммуниста: был «сначала весьма умеренным в своих взглядах, прогрессировал в идеологическом отношении влево и в последний период своей жизни сотрудничал с коммунистами». Остальные вдохновители panaфриканского движения - «резко расистски настроенные лица».

М.Гарви, по мнению Аболтина, - отпетый шовинист, «авантюрист», «проповедовал среди африканских негров лозунг: “Назад в Африку” и создание в Африке “негритянской расовой империи”», являлся с Ку-клукс-кланом, называл себя «первым фашистом в мире», «являлся ярким врагом коммунистического движения» [2, л. 15, 16].

В 1930-е гг. тон в panaфриканизме начали задавать «негры - отщепенцы от коммунизма, принесшие с собой враждебное отношение к коммунистическому движению и к Советскому Союзу» [2, л. 15]. Это такие «идеологи» (Аболтин берет это слово в кавычки. - С.М.) panaфриканизма, как Д.Пэдмор, С.Джеймс, Э.Сезер⁵.

Все panaфрикансты, по Аболтину, мазаны одним миром: «Несмотря на различные варианты он [panaфриканизм] всегда в большей или меньшей степени основывается на принципах расизма и национального шовинизма». Современные африканские лидеры, провозгласившие социалистический выбор, - такие же расисты, только менее явные. Они «склонны использовать марксистскую терминологию для сочинения своих собственных лозунгов и понятий» [2, л. 25, 26].

В их числе и Нкрума, которому посвящен специальный раздел. Нкрумаизм - эклектичная теория, «смесь всякой всячины». Нкрумой руководят наполеоновские амбиции, его главная цель - возглавить объединенную Африку:

«Панафриканизм Нкрумы, - подчеркивает Аболтин, - тесно связан с его воображением о том, что он - африканский мессия, создатель нового идеологического учения. В той мере, в какой это от него зависит, он готов отдать не только собственные силы, но средства и усилия Ганы для как можно более быстрого претворения в жизнь

⁴ Генри Сильвестр-Уильямс (1869-1911) - тринидадский адвокат, публицист, организатор I Panaфриканского конгресса в Лондоне (1900).

Уильям Дюбуа (1868-1963) - афроамериканский общественный деятель, историк, писатель. Маркус Гарви (1887-1940) - уроженец Ямайки, в 1914 г. основал Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров, целью которой было создание в Африке государства с афро-американским самоуправлением, пропагандировал необходимость сохранения чистоты черной расы, в 1922 г. был приговорен к 10 годам тюремного заключения за финансовые махинации (прим. авт.).

⁵ Джордж Пэдмор (1903-1959) - уроженец Тринидада, в 1924 г. уехал в США изучать медицину, где вступил в коммунистическую партию, в 1929-1931 гг. находился в СССР, работал в Коминтерне, Профинтерне, избирался депутатом Моссовета, в 1935 г., находясь в Германии, порвал с коммунистическим движением, осудил сталинскую внешнюю политику, был одним из организаторов V Panaфриканского конгресса в Манчестере (1945).

Сирил Джеймс (1901-1989) - уроженец Тринидада, историк, журналист, политик троцкистской ориентации. Эме Сезер (1913-2008) - французский мартиникский поэт, политик, общественный деятель, один из создателей негритюда, член Французской коммунистической партии, вышел из партии в 1956 г. из-за разногласий вокруг десталинизации (прим. авт.).

“идей” panaфриканизма в той форме, в какой он их представляет и проповедует. Он всемерно поощряет распространение своего варианта panaфриканизма - как в Гане, так, по возможности, в других африканских странах. Распространяется эта версия под названием нкрумаизма. <...> Для него пост президента Ганы лишь ступенька к роли президента или председателя Совета Министров Союза африканских государств» [2, л. 19, 20].

Аболтин считал panaфриканские планы Нкрумы безнадежной утопией: «Нет оснований полагать, что в условиях капитализма или в условиях существования в Африке “национальных социализмов” возможно подлинное объединение Африки, как о том мечтают panaфриканисты и панарабисты». Аболтин не предрекал успеха panaфриканизму в «той далекой от реальной действительности форме, в которой его осуществление стал проповедовать и требовать Нкрума» [2, л. 14].

Шансов на континентальное объединение не было по многим причинам, считал Аболтин.

Во-первых, panaфриканизм - «идеология расизма», а на континенте живут две расы - «негры и арабы». Договориться о совместных действиях им сложно: «Те арабы, которые толкуют о panaфриканизме, являются в то же время наиболее выраженными панарабистами; многие panaфриканисты-негры открыто заявляют, что африканцы-арабы на деле панарабисты и с ними невозможно и нецелесообразно создавать долговременный единый panaфриканский фронт» [2, л. 23].

Во-вторых, противоречия между лидерами движения на почве личных амбиций: «Почти каждый из более или менее выдающихся политических деятелей panaфриканистов считает себя единственным лицом, достойным возглавить движение, и каждый проповедует свою разновидность panaфриканизма. На почве этой взаимной борьбы уже создались недружелюбные отношения между многими деятелями, особенно между наиболее активными и выступающими с наибольшими претензиями. В частности, Нкрума и нкрумаизм подвергались резкой критике со стороны всех других африканских лидеров» [2, л. 23].

Мешали объединению Африки и ряд объективных факторов: «чрезвычайная национально-племенная раздробленность, необычайное многоязычие, экономические противоречия, противодействие империалистических держав, религиозные распри, различия исторических традиций, социально-бытовые различия» [2, л. 24].

Разъединяло африканцев значительно больше, чем объединяло, существовали «непреодолимые препятствия для образования Союза африкан-

ских государств со своим правительством, экономическими, военными и иными центральными органами, обладающими подлинной властью во всей Африке» [2, л. 22].

Аболтин видел еще один существенный изъян panaфриканизма - в его родстве с маоизмом: «Panaфриканизм, - отмечал он, - в своей расистской направленности против “всех белых” находит общий язык с рядом расистских установок нынешнего китайского руководства». Некоторые идеи «panaфриканских отщепенцев от коммунизма» оказались востребованными маоистами. Пример - бывший член Французской компартии мартиниканец Эме Сезер. В письме об отказе от членства в ФКП в 1956 г. этот «ренегат» «писал, что колониальный вопрос не должен рассматриваться как часть какого-то более важного глобального вопроса. Он утверждал, что марксизм и коммунизм должны быть поставлены на службу цветных народов, а не цветные народы использованы для успехов марксистского и коммунистического движения» [2, л. 28, 26].

По Аболтину выходило, что среди panaфриканистов не могло быть долговременных союзников СССР с общими фундаментальными ценностями, только временные попутчики, с которыми можно заключать лишь ситуативные союзы, не рассчитывая на эволюцию panaфриканизма в сторону научного социализма и интернационализма.

Отсюда и рекомендации о политической линии в отношении panaфриканизма: «Поощряя антиимпериалистическую направленность panaфриканизма и идею регионального, а затем и более широкого сотрудничества и объединения государств Африки, имея при этом в виду, что образование подлинного содружества африканских народов и государств возможно лишь при социализме, казалось бы необходимым повести осторожно и умело, но систематически, настойчиво и широко - организованно пропаганду⁶ против расистских элементов panaфриканизма как в самой Африке, так и повсюду, где имеются негры и африканские студенты. Может быть, при этом на первых порах даже целесообразно не упоминать термин panaфриканизм, направляя критику против расизма и национального шовинизма и разоблачая их сущность» [2, л. 27-28].

Оценка Аболтиным panaфриканизма и взглядов его идеологов отличалась от официальной советской. И.И.Потехин⁷ в статье в журнале «Коммунист» разделял panaфриканское движение на *позитивный* panaфриканизм (объединение Африки для усиления борьбы против колониализма, империализма, эволюция идеологии panaфрика-

⁶ Так в тексте. Видимо, следует читать: «настойчиво, широко и организованно - пропаганду ...» (прим. авт.).

⁷ Иван Изосимович Потехин (1903-1964) - один из основателей советской африканистики, первый директор Института Африки РАН (прим. авт.).

низма в сторону социализма советского образца) и panaфриканизм *реакционный* (негритюд, «противопоставление черной расы белой расе», «антирасистский расизм») [5].

У Аболтина такого противопоставления нет. Он аттестовал как «расистов и шовинистов» всех идеологов panaфриканизма, игнорируя существенную, порой, разницу в их взглядах. Похоже, его целью было теоретически обосновать взгляды части советской политической элиты и разведывательного сообщества, считавшей, что СССР расходует слишком много средств на помощь развивающимся странам.

Политизированный и уязвимый в научном плане аболтинский анализ panaфриканизма оказался полезным для выработки советской позиции в отношении просьб Ганы о финансовой помощи.

300 МЛН ФУНТОВ НА ПОМОЩЬ «МЕЖАФРИКАНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ»

Аболтин предлагал использовать panaфриканские амбиции Нкрумы против НАТО для достижения геополитических целей СССР. Нкруму роль статиста не устроила, он попытался сыграть собственную игру, использовать Советский Союз для реализации своих panaфриканских проектов.

Первым шагом в придуманной Нкруме многоходовке было вручение в начале марта 1964 г. послу Родионову для передачи советскому руководству трех документов: «Проект Конституции Союза африканских государств на 124 л. (Асгра, September 1963)», «Проект плана создания Объединенных вооруженных сил Союза африканских государств на 6 л.» и «Записка об основных экономических принципах Союза африканских государств на 6 л.»⁸. Все эти документы были подготовлены советскими экспертами.

С 3 по 10 мая 1965 г. в Москве находилась правительственная делегация Ганы во главе с министром иностранных дел Коджо Ботсио. У него были встречи с министром иностранных дел А.А.Громыко, председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям (ГКЭС) С.А.Скачковым, первым секретарем ЦК КПСС Л.И.Брежневым, Председателем Совета Министров СССР А.Н.Косыгиным [6].

Ботсио в беседе с Громыко 4 мая поставил вопрос о советской помощи Гане в создании Союза африканских государств, упирая на то, что она станет противовесом давлению США на африканские страны: «Что касается вопроса о создании союзного правительства Африки, то, хотя он должен

быть решен самими африканскими лидерами, Советский Союз может повлиять на исход этого решения. Дело здесь в следующем. Хотя почти все африканские лидеры поддерживают идею африканского единства и создание союзного правительства, многие из них всё ещё колеблются и даже проявляют нежелание открыто выступить в поддержку этих предложений в результате давления Соединенных Штатов, которые отрицательно относятся к этим социалистическим устремлениям африканских государств. США проявляют свое недовольство различными путями и, в частности, в личных беседах. Поэтому многие африканские страны опасаются, что в случае, если они присоединятся к такому союзному правительству, Соединённые Штаты постараются их наказать за это. При этом они понимают, конечно, что Советский Союз не может решать за них, но помощь в этом отношении он им оказать может. Если они будут уверены, что Советский Союз поддерживает идею создания союзного правительства и поддержит само правительство в случае его создания, то это будет для них большой поддержкой» [7, л. 7].

Громыко спросил, правильно ли он понял, что «речь идет об объединении, состоящем из суверенных и независимых государств. Если это так, то значит, наряду с отдельными независимыми государствами, будет существовать также союзное правительство этих государств».

Ботсио заверил, что вошедшие в союзное государство страны «не потеряют своего суверенитета». Объединение будет представлять из себя «не что вроде федерации - следует признать, довольно рыхлой федерации». Это будет лучше, чем нынешняя ОАЕ, чья штаб-квартира «за исключением Генерального секретаря и двух его помощников, в основном, состоит из шпионов, посаженных туда реакционными странами». Тем более, что «можно надеяться, что прогрессивные социалистические государства со временем завоюют контроль над положением» [7, л. 3, 5].

Громыко сказал, что требуется «некоторое время» для обдумывания высказанных ганской стороной соображений, «чтобы при продолжении бесед те представители советской стороны, которые будут в них участвовать, смогли высказать свои мнения относительно этих соображений» [7, л. 8].

На следующий день, 5 мая, в беседе с председателем ГКЭС С.Скачковым К.Ботсио рассказал, какое содействие ганское руководство хотело бы получить от Советского Союза «в создании общего африканского правительства».

Без помощи СССР осуществить это трудно, уверял министр, поскольку «ряд африканских

⁸ Посольство СССР в Гане - Заведующему II Африканским отделом МИД СССР М.Д.Сытенко, 4 марта 1964 г. См.: АВП РФ. Ф. 0573. Оп. 8. П. 14. Д. 6. Л. 1.

стран зависит от западной помощи». Нужны заверения Советского правительства, что «Советский Союз окажет экономическую и финансовую помощь межафриканскому правительству. Как нам кажется, для этой цели могло бы потребоваться около 300 миллионов фунтов». Эти средства пойдут «на развитие экономики стран-участников, а также, в случае необходимости, на оборонные цели».

Предполагалось участие советских экспертов в принятии решений о расходовании денег. «Если будут получены заверения от правительства СССР, - говорил К.Ботсио, - о возможности предоставления этой суммы в виде кредита и будет создано межафриканское правительство, то тогда Советский Союз мог бы направить своих экспертов для решения вопросов о наиболее рациональном использовании этих средств» [1].

Ботсио постарался сделать свое предложение максимально привлекательным для советских партнеров, сыграв на двух чувствительных темах - социалистический выбор ряда африканских государств и советско-китайские противоречия. Он «сказал, что просит помощь для тех стран, которые провозгласили своим будущим социализм. Нет нужды оказывать помощь странам, которые идут капиталистическим путем. Нкрума твердо заявил, что Гана будет социалистической страной, и он будет бороться за создание межафриканского единства на социалистических принципах». Министр сообщил, что китайцы обещали оказать любую возможную помощь в создании межафриканского правительства [1, л. 8, 9].

Проясняя деньги для несуществующего государства, ганское руководство пыталось спасти экономику своей страны от коллапса посредством внешних заимствований. Результаты выполнения затеянной Нкрумой и разработанной при участии советских экспертов программы форсированной индустриализации Ганы оказались плачевными - убыточность государственных предприятий, провал насаждаемой сверху кооперации крестьянства, огромные затраты на сооружение престижных дорогостоящих объектов, развал торговли, дефицит товаров, повышение цен и налогов, рост инфляции, обесценивание национальной валюты, появление черного рынка, снижение реальной заработной платы.

Из отчета сотрудника ГКЭС В.И.Седова, работавшего советником президента Ганы с 21 апреля 1964 г. по 9 апреля 1965 г., следовало, что финансовое положение Ганы было катастрофическим: «Большая хроническая дефицитность бюджета и баланса внешних платежей истощили ресурсы

страны», запасов золота и валюты осталось на 2-3 года. Из-за острой нехватки валюты нарушилось снабжение государственных и частных предприятий импортным сырьем, материалами и запасными частями. В результате предприятия работали «с неполной нагрузкой или полностью останавливались»⁹.

Скачков не высказал своего отношения к просьбе Ботсио о финансировании Союза африканских государств, сказал лишь, что она «будет доложена правительству СССР» [1, л. 9].

В тот же день, 5 мая, в ЦК КПСС была направлена записка за подписью Громыко и Скачкова по итогам их бесед с Ботсио. Они считали целесообразным «в общей форме высказать положительное отношение Советского правительства к идее укрепления общеафриканского единства на антиимпериалистической и антиколониальной основе, которая, как это пояснила делегация Ганы, означала бы объединение, основанное на участии в соответствующих общеафриканских органах суверенных государств Африки».

Денег на конкретные проекты, связанные с Союзом африканских государств, обещать не следовало: «Отметить, что Советский Союз оказывает значительную помощь независимым африканским государствам (около 1,5 млрд рублей) и намерен в дальнейшем осуществлять экономическое сотрудничество с этими странами в целях укрепления их независимой национальной экономики, учитывая при этом стремление африканских народов к единству» [8].

Брежнев, принявший Ботсио 6 мая, заявил, что «объединение Африки на антиколониальной, антиимпериалистической основе при сохранении полной независимости и суверенитета каждого отдельного африканского государства, создание какого-то единого общеафриканского органа» - представляется неплохой идеей. Вопрос объединения Африки при полной ликвидации границ - это вопрос будущего. Что же касается объединения с сохранением суверенитета стран - участниц союза африканских государств, - это задача настоящего времени. Советский Союз пойдет на предоставление необходимой помощи и поддержки союзу африканских государств» [9].

10 мая Ботсио вручил Косыгину конфиденциальное послание и памятную записку от президента Ганы. Нкрума считал, что «безотлагательное создание континентального союзного правительства Африки» является «лучшим путем для объединения прогрессивных сил в Африке и для разгрома сил империализма и колониализма». Помощь СССР Гане в «скорейшем» учреждении

⁹ «Отчет о работе Советника Президента Ганы Седова Виктора Ивановича (период с 21 апреля 1964 г. по 9 апреля 1965 г.)», 27 апреля 1965 г. См.: АВП РФ. Ф. 0573. Оп. 9. П. 18. Д. 12. Л. 30, 31.

«союзного правительства» мобилизовала бы «прогрессивные силы Африки», которые пока «не решаются примкнуть к кампании за создание континентального союзного правительства», будучи зависимы от «финансовой помощи Запада»¹⁰.

Запись беседы Косыгина и Ботсио оказалась для автора недоступной. В ответном послании, переданном Ботсио 10 мая, советский премьер сообщил, что «по всем вопросам», затронутым в послании и памятной записке Нкрумы, министру иностранных дел Ганы «были даны соответствующие разъяснения» и «изложена позиция Советского Союза»¹¹. Можно предположить, что прагматик Косыгин был против финансирования Союза африканских государств.

После визита ганской правительственной делегации в Москву Гана прекратила критику африканских политиков, выступавших против создания Союза африканских государств, умерила пропаганду в пользу формирования надгосударственных органов, сосредоточилось на вопросах, по которым у нее могла быть выработана общая позиция с другими африканскими странами. На саммите глав африканских государств в Аккре в октябре 1965 г. предложения Нкрумы по усилению африканского единства, даже выраженные «в не-

бывало мягкой и обтекаемой форме», не были приняты. Об общеафриканском правительстве речь не шла, Нкрума предлагал лишь создание Исполнительного комитета ОАЕ, который бы нес ответственность за выполнение решений Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ¹².

После свержения режима Нкрумы в феврале 1966 г. создание Союза африканских государств надолго перестало быть актуальным вопросом повестки межафриканских отношений. Реанимировать идею Союза с известными результатами попытался ливийский лидер Муаммар Каддафи.

Располагая информацией В.Я.Аболтина, советское руководство рассчитывало использовать антиимпериалистический и антиколониальный потенциал panaфриканизма для достижения своих геополитических целей, но не собиралось финансировать panaфриканские амбиции Нкрумы. СССР предоставил Гане значительную помощь, но советское руководство отказалось финансировать сомнительный проект Нкрумы объединения Африки, хотя он и был снабжен «социалистической» упаковкой. Это было очередным проявлением нарастающего прагматизма в советской внешней политике после отстранения от власти Н.С.Хрущева в октябре 1964 г.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 573. Оп. 9. П. 15. Д. 5. Л. 24.

¹¹ АВП РФ. Ф. 573. Оп. 9. П. 15. Д. 5. Л. 27.

¹² АВП РФ. Ф. 0573. Оп. 10. П. 20. Д. 11. Л. 55. Третий секретарь посольства СССР в Гане С. Беляев. «Позиция Ганы по основным международным вопросам (Справка)», 25 января 1966 г. См.: АВП РФ. Ф. 0573. Оп. 10. П. 20. Д. 11. Л. 55.

Список литературы / References

1. Из дневника председателя Государственного комитета [по внешним экономическим связям] С.Скачкова. Запись беседы с главой правительственной делегации Республики Гана министром иностранных дел Коджо Ботсио, 5 мая 1965 г. *АВП РФ*. Ф. 0573. Оп. 9. П. 17. Д. 4. Л. 8. (From the diary of the Chairman of the State Committee [on Foreign Economic Relations] S.Skachkov. Record of the talk with the Head of the government delegation of the Republic of Ghana, Minister of Foreign Affairs Kojo Botsio, May 5, 1965). *Russian Federation Archives of Foreign Policy* (In Russ.)
2. Докладная записка В.Я.Аболтина в ЦК КПСС «О panaфриканизме», 26 февраля 1964 г. *АВП РФ*. Ф. 0573. Оп. 8. П. 14. Д. 7. (Memorandum by V.Ya.Aboltin to the Central Committee of the CPSU «On Pan-Africanism», February 26, 1964). *Russian Federation Archives of Foreign Policy* (In Russ.)
3. Докладная записка В.Я.Аболтина в ЦК КПСС «О ходе выполнения задания по решению Президиума ЦК КПСС от 24 сентября 1963 г.», 26 февраля 1964 г. *АВП РФ*. Ф. 0573. Оп. 8. П. 14. Д. 7. Л. 7-13. (Memorandum by V.Ya.Aboltin to the CPSU Central Committee «On the progress in the fulfilment of the task assigned by the Presidium of the CPSU Central Committee on September 24, 1963», February 26, 1964). *Russian Federation Archives of Foreign Policy* (In Russ.)
4. Черкасов П. ИМЭМО. Очерк истории. М., 2016. С. 103. (Cherkasov P. 2016. IMEMO. History Essay. M.) (In Russ.)
5. Потехин И.И. Panaфриканизм и борьба двух идеологий. *Коммунист*. 1964, ? 1. С. 108. (Potekhin I.I. 1964. Pan-Africanism and the struggle of two ideologies. *Communist*. № 1) (In Russ.)
6. Правда. 11.05.1965. (Pravda, newspaper) (In Russ.)
7. Из дневника А.А.Громыко. Прием министра иностранных дел Республики Гана Коджо Ботсио, 4 мая 1965 г. *АВП РФ*. Ф. 0573. Оп. 9. П. 17. Д. 3. (From the diary of A.A. Gromyko. Reception of the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Ghana, Cojo Botsio, May 4, 1965). *Russian Federation Archives of Foreign Policy* (In Russ.)
8. А.А. Громыко, С.А. Скачков - ЦК КПСС, 5 мая 1964 г. *АВП РФ*. Ф. 0573. Оп. 9. П. 17. Д. 17. Л. 8, 9. (A.A.Gromyko, S.A.Skachkov to the CC CPSU, May 5, 1964). *Russian Federation Archives of Foreign Policy* (In Russ.)
9. Второй Африканский отдел МИД СССР. «О визите в СССР правительственной делегации Ганы (Краткая справка)», 10 июня 1965 г. *АВП РФ*. Ф. 0573. Оп. 9. П. 17. Д. 9. Л. 115. (The second African Department of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. «On the visit of the government delegation of Ghana to the USSR (Brief information)», June 10, 1965). *Russian Federation Archives of Foreign Policy* (In Russ.)

СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ

РОССИЙСКО-АФГАНСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРУМ AFRUS-2019

© 2020 А. АКИФИ

DOI: 10.31857/S032150750009556-3

АКИФИ Ахмад Хайбар (Афганистан), аспирант кафедры политологии и международных отношений Российского государственного социального университета (akifi.kh@gmail.com)

Резюме. Одно из направлений российской внешней политики - налаживание дружеских связей между молодежной средой России и Афганистана. В соответствии с методологией «мягкой силы» был разработан и проведен в Москве и Курске первый международный российско-афганский форум, получивший поддержку таких структур, как посольство Исламской Республики Афганистан в Москве, МИД России, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова. В статье рассмотрены результаты проведенного форума.

Ключевые слова: молодежный форум, Россия, Афганистан, молодежные программы, «мягкая сила»

RUSSIA-AFGHANISTAN YOUTH FORUM AFRUS-2019

Ahmad Kh. AKIFI (Afghanistan), Postgraduate student, Department of Political Science and International Relations, Russian State Social University (akifi.kh@gmail.com)

Abstract. At present, Russian politics are increasingly paying attention to interaction with Asian countries. It seems important to establish friendly relations among the youth of Russia and Afghanistan. To achieve the goals, the soft power methodology should be applied. With this attitude, the first ever Russia-Afghanistan international forum was developed and held, which received support from government agencies such as the Embassy of the Islamic Republic of Afghanistan, the Russian Foreign Ministry, and Gorchakov Russian Public Diplomacy Support Fund.

The article discusses the goals, objectives and main results of the Forum. The author proceeds from the actual problems existing in the modern youth society of Afghanistan and an understanding of promising areas for cooperation. The article actualizes issues of the image of countries, language policy, the interaction of youth in the field of media, as well as options for academic exchange. The article describes the goals, objectives, subjects and problems of the Forum.

The choice of forms of work is substantiated and the target planning of all aspects of the program is described. When developing an event of this format, involving the youth elite and reputable expert participants, it is necessary to take into account many aspects, including the function of the event, location, duration, staffing and material support, image aspect, linguistic and psychological characteristics of the mentality of participants. Attention is drawn to the importance of stratification of participants and experts, as well as the peculiarity of preventive diplomacy in the format of the Forum.

Keywords: youth forum, Russia, Afghanistan, youth programs, "soft power"

В декабре 2019 г. в Москве и Курске состоялся форум AFRUS-2019. Его цель - налаживание конструктивного диалога молодежи Афганистана и молодежи России, стимулирование их сотрудничества в различных сферах общественной и политической жизни, формирование взаимопонимания в молодежной среде двух стран.

Форум стал первой широкой площадкой для обсуждения острых вопросов взаимодействия и партнерских отношений молодежи двух стран. Его можно считать эффективным инструментом «мягкой силы» - политики, основные направления реализации которой: культура стран и продвижение языков; сотрудничество в области образования и инновационное сотрудничество; развитие общественной дипломатии в формате молодежного обмена; создание различных НКО.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ФОРУМА

Автор программы форума и этой статьи считает, что основными факторами успешного проведения форума были четкое определение целей, учет наци-

ональной специфики его участников, устойчивость влияния Афганистана в России и России в Афганистане, активное привлечение к участию в форуме различных государственных и негосударственных организаций, открытость к диалогу, разработка мер для укрепления дружественных и деловых связей.

Фактором, сыгравшим большую роль в организации форума, стала грантовая программа Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова, которая продемонстрировала как российской, так и афганской молодежи заинтересованность России в дружественных отношениях.

Информационные войны, негативно отображающие те или иные события, ведутся давно. Противостояние информационным войнам в контексте взаимодействия РФ и Исламской Республики Афганистан (ИРА) - объединяющий фактор. Афганистан - страна, которая многим представляется не совсем надежным и, в некотором роде, опасным партнером. Взаимное развенчание негативного образа, распространение информации о положительных возможностях сотрудничества двух стран и определение путей решения существующих проблем -

одна из причин организации и проведения молодежного форума.

Как известно, основные цели любого форума - общение, обсуждение, дискуссии, обмен мнениями и опытом в рамках одной тематики [1]. Единство тематики форума, о котором идет речь, предопределило стремление проанализировать состояние взаимоотношений России и Афганистана и выработать стратегию гармоничного взаимодействия в будущем в разных отраслях.

С учетом специфики современного состояния Афганистана, осведомленности его молодежи и влияния на нее третьих стран, активно действующих на территории ИРА, требовалось построить форум таким образом, чтобы подчеркнуть равноправие действующих сторон. Оргкомитет составляли как молодые афганцы, проживающие в России, так и молодежная организация *Future Team*, ведущая просветительскую деятельность в Афганистане.

Мероприятия форума в течение 7 дней проводились в Москве - в Российском университете дружбы народов, Фонде поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова, посольстве Исламской Республики Афганистан в РФ, а также в Курске - на базе Юго-Западного государственного университета.

Главной формой работы форума были пленарные заседания. Здесь выступали приглашенные гости, проходили отчеты модераторов секций, утверждались резолюции [2]. Были приглашены эксперты - ученые-востоковеды из МГИМО и РУДН, а также представители посольства ИРА, МИД РФ, Федерального агентства по делам молодежи, руководящие сотрудники университетов, городской администрации.

Привлечение экспертов такого уровня решало важные задачи: просветительскую и социально-манипулятивную.

Просветительская функция состоит в том, что информация, экспертов способствует ориентации молодежи в сфере политики и перспектив взаимодействия. Социально-манипулятивная - в побуждении молодых людей приступить к активному исполнению намеченных программ. И это важно при реализации политики «мягкой силы».

Помимо авторитетных экспертов, в форуме участвовали представители молодежной элиты России и Афганистана. Одним из критериев их отбора была медийность участника и его активность в мировой сети, поскольку организаторами форума учитывалось рекреационное влияние и регулятивная функция СМИ, в т.ч. молодежных блогов.

Под реализацией рекреационной функции подразумевается перенесение внимания молодежи с негативных аспектов на позитивные [3]. Эстетическая информация передается фотографиями и красочным описаниями происходящего. Игровое пространство составляют конкурсы и викторины. Такая форма использования проблематики форума позволяла участвующей в нем молодежи погрузиться в мир острых переживаний участников форума, а, следовательно, стимулировать заинтересованность и последующее сотрудничество.

Управление форумом осуществлял организационный комитет, в него вошли сотрудники междуна-

родных медиа, аспиранты российских вузов, представители культуры и спорта Афганистана.

По окончании форума оргкомитет продолжает проводить заседания для обеспечения разработанных мероприятий, поиска путей последующего сотрудничества. Обе стороны имеют постоянный секретариат и консультационные центры, которые занимаются организационными вопросами, связанными с результатами форума.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПРОБЛЕМАТИКА ФОРУМА

В ходе работы форума продуктивным было обсуждение наиболее острых проблем, разработка их совместного решения и дальнейших практических мероприятий. Каждый день работы форума был посвящен отдельному проблемному вопросу.

Вопросы культуры и продвижения языка обсуждались по двум направлениям: популяризация изучения русского языка и содействие студентам-востоковедам в исследовании особенностей персидского языка и культуры. В секции, посвященные этой проблеме, в качестве экспертов были приглашены ученые-востоковеды, преподаватели русского языка, аспиранты и студенты, писатели, пишущие на русском об Афганистане.

Культурологический фактор и аспект языковой политики в структуре форума крайне важен, он способствует критическому осмыслению информационных войн, ведущихся на территории Афганистана.

Образовательный аспект - один из самых важных в воздействии «мягкой силой» - также обсуждался на форуме. Были проведены заседание с представителями различных образовательных структур и презентация ряда вузов, рассмотрены проблемы развития образования в Афганистане и пути их решения.

Общественная дипломатия рассматривалась с учетом перспективы следующих, аналогичных нынешнему форуму, мероприятий, возможности стажировки активной афганской молодежи на политических площадках в России. С целью создания консультативных центров для молодых людей двух стран разработана программа деятельности *Future Team* в Афганистане и ее представителей в России.

Взаимодействие Афганистана и России на мировом политическом пространстве наиболее продуктивно проявляет себя в борьбе с терроризмом и для ослабления негативных влияний в афганском регионе. В этом контексте на форуме рассмотрены гуманитарные миссии и деятельность Красного Креста.

Предполагается, что на базе, сформированной форумом, а также на организованных *Future Team Afghanistan* площадках будут развиваться совместные проекты в разных областях: в культуре, образовании, здравоохранении, безопасности, гуманитарной помощи и других. Определена их проблематика:

- взаимодействие афганской и российской молодежи в вопросах образования и науки;
- реальные возможности личностного роста российской и афганской молодежи при активном взаи-

модействии и сотрудничестве в различных областях жизни;

- необходимость сохранения в современном обществе традиций и их реализация в молодежном сообществе России и Афганистана;

- перспективы российского образования для афганской молодежи, а также возможность повышения качества школьного образования в Афганистане с помощью молодежных научных сообществ, разработка молодежных программ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРУМА

AFRUS-2019 стал не просто первой экспертной, дискуссионной и выставочной площадкой для взаимодействия молодежи России и Афганистана. По результатам проведенного форума было достигнуто несколько важных соглашений. Так как главной его задачей было налаживание дружественных отношений и решение вопросов культуры и образования, то на этом и было сконцентрировано особое внимание участников.

Результатом стал ряд решений:

1. Создание на территории Афганистана консультационного центра из компетентных представителей НКО *Future Team Afghanistan*, а также консультационного центра на территории России из студентов и аспирантов, которые могут консультировать представителей Афганистана по вопросам высшего образования в России.

В ходе панельных дискуссий выяснилось, что афганская молодежь в большинстве своем не располагает информацией о высшем образовании для иностранцев в России. Это происходит из-за проблем с доступом в интернет, блокирования информации, недружественной пропаганды других стран.

2. Организация консультационных сессий в режиме онлайн по вопросам школьного образования.

Это решение представляется не совсем простым в исполнении, но крайне важным для повышения уровня образованности афганской молодежи. Консультационные сессии пока запланированы дважды в год путем взаимодействия представителей *Future Team Afghanistan*, которые будут отбирать основные образовательные программы, отправлять их российским студентам и проводить онлайн-семинары с разъяснениями. Такое решение, на взгляд участников форума, может стимулировать интерес афганской молодежи к учебе.

3. Обращение к представителям кафедры русского языка Кабульского университета для разработки программы взаимного сотрудничества со студентами-востоковедами из России.

Российские студенты, изучающие восточные языки и культуру, проявили интерес к проведению совместных конференций и олимпиад с носителя-

ми изучаемого языка, а также к возможности организации академического краткосрочного обмена.

4. Разработка конкурсной программы, по результатам которой будут организованы образовательные маршруты: обучение афганских студентов на краткосрочных языковых курсах в России, а также участие российских студентов в заочных курсах университетов Афганистана.

5. Объявлено о регулярном проведении подобных форумов и вынесении на их обсуждение наиболее острых вопросов.

Отмечена необходимость такого рода мероприятий, проводимых при активном участии представителей посольства ИРА в РФ и МИД России.

Объявлено об опросе молодежи России и Афганистана, необходимого для разработки программы следующего форума. Решено сузить тематику форумов и проводить их дважды в год.

6. Разработана программа волонтерской школы «Здоровое общество: мы против наркотиков» с активным участием молодых людей двух стран.

Медиа-активной молодежью разработан проект создания цикла видеосюжетов о вреде наркотиков и последствиях их употребления.

Представители крупного бизнеса из Афганистана проявили интерес к форуму и его участникам. Руководитель крупной корпорации *Alokozay International* выразил заинтересованность в знакомстве с представителями молодежной элиты двух стран. Это демонстрирует значимость форума не только как культурно-образовательного мероприятия, но и как потенциально перспективного направления экономического сотрудничества.

Результаты работы форума свидетельствуют о его важности как эффективного инструмента «мягкой силы» в молодежной политике. На форуме была активно задействована молодежь двух стран, актуализированы имиджевые аспекты, намечены реальные перспективы развития взаимодействия, активизировано двустороннее сотрудничество, его вектор направлен на наиболее перспективные стороны политического развития - образование и культуру.

* * *

Проведенный форум можно считать продуктивной реализацией «мягкой силы» на примере студенческих программ. Высокая оценка программы и результатов форума представителями посольства и МИД России, а также широкое освещение в международной прессе и обширное интернет-распространение постов форума доказывает важность организации подобных мероприятий, а также необходимость обязательно обращать внимание на участие в них молодежи, как активных деятелей будущего.

Список литературы / References

1. Агентство интернет-маркетинга. (Internet Marketing Agency) (In Russ). <https://cropas.by/seo-slovar/forum/> (accessed 29.12.2019)
2. Словарь бизнес-терминов. (Glossary of business terms) (In Russ). <https://biznes-prost.ru/plenum.html> (accessed 24.12.2019)
3. Газибагданова Ф.Г. Влияние массовой культуры на формирование и развитие духовно-нравственного облика современной молодежи. (Gazibagdanova F.G. The influence of mass culture on the formation and development of the spiritual and moral image of modern youth) (In Russ.). <http://yamal-obr.ru/articles/vliyanie-massovoy-kulturi/> (accessed 9.01.2020)

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА НА ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ (на примере американского комикса и японской манги)

© 2020 Л. ЧЕРЕШНЕВА, О. ВЛАСОВА

DOI: 10.31857/S032150750009557-4

ЧЕРЕШНЕВА Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П.П.Семенова-Тян-Шанского (larisa-cherehsneva@rambler.ru)

ВЛАСОВА Ольга Геннадьевна, магистрант Липецкого государственного педагогического университета имени П.П.Семенова-Тян-Шанского (vlasik.oly@mail.ru)

Резюме. Задача статьи - дать историко-культурологический анализ американского комикса и японской манги в контексте проблемы влияния внешнего фактора на японскую «островную» ментальность и традиционализм. Авторы иллюстрируют одну из черт мирозерцания японцев - способность к внешним заимствованиям и синкретизации чужого, материкового, заокеанского цивилизационного опыта для стимуляции собственного развития. Сделан вывод о том, что Япония синкретизировала комикс с уже существующими национальными наработками, получив на выходе новый, сузубо японский культурный продукт, тождественный термину и формату «манга».

Ключевые слова: Япония, национальный традиционализм, укиё-э, манга, мангака, комикс

Статья подготовлена при грантовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), соглашение № 091-15-2019-104 от 04.09.2019.

INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON JAPANESE NATIONAL TRADITIONALISM (on the example of American Comics and Japanese Manga)

Larisa A. CHERESHNEVA, Dr.Sc. (History), Professor, Lipetsk State Pedagogical P.P.Semenov-Tyan-Shansky University (larisa-cherehsneva@rambler.ru)

Olga G. VLASOVA, Master's student, Lipetsk State Pedagogical P.P.Semenov-Tyan-Shansky University (vlasik.oly@mail.ru)

Abstract. The purpose of this article is to provide a historical and cultural analysis of American comics and Japanese manga in the context of the problem of the influence of an external factor on the Japanese "island" mentality and national traditionalism.

With the involvement of domestic and foreign, including Japanese sources and research the authors illustrate a specific feature of the Japanese worldview - the ability to borrow and syncretize outsider foreign, mainland, overseas civilizational experience to stimulate their own development. The characteristics of Western comics and Japanese manga are considered, and the influence of American comics culture on the Japanese visual tradition is analyzed.

The article describes the historical predecessors of manga in Japan, its connection with the autochthonous culture of the peoples of the archipelago, and the aesthetics of Japanized Buddhism, as well as the contribution of outstanding masters of manga art to the development of the genre from the middle Ages to the "discovery" of the country in the XIX century and the beginning of contacts with the West. The article shows the process of penetration of Western comics culture to the Japanese Islands, shows the distinctive features of this direction of mass culture, which came into contact with the Japanese traditional way of life.

It is concluded that Japan syncretized the comics with the existing national practices, having received a new, purely Japanese cultural product. The comics has undergone a process of adaptation and assimilation with the culturologically autochthonous heritage of the Land of the Rising Sun and has become the same as the term and format "manga".

Keywords: Japan, national traditionalism, Ukiyo-e, manga, mangaka, comics

Японская цивилизация полна загадок и оригинальных черт. Одним из проявлений «островной» уникальности Страны Восходящего Солнца является способность ее народа к внешним заимствованиям; многое, что принято считать исконно японским, имеет континентальное, в т.ч. западное, происхождение. На архипелаге чужая культура веками подвигалась и сегодня подвергается гибкой трансфор-

мации, приобретая новые черты, которые закрепляются в мировой памяти как традиционно японские.

ЯПОНИЯ И ЗАПАД: СОПРИКОСНОВЕНИЕ КУЛЬТУР

Первыми представителями западной цивилизации, прибывшими в Японию в XVII в., были

португальцы. Начало эпохи колониальных захватов заставило японских правителей перейти к политике закрытия страны. Однако в середине XIX в. Запад во главе с США вынудил Японию прервать культурную изоляцию, европейцы отправлялись туда в поисках богатств и приключений [1, с. 188]. Япония сознательно приступила к модернизации «деструктивного влияния западной культуры и добилась значительных успехов» [2]. Речь шла о заимствовании знаний, выработанных на Западе, при сохранении традиционного для японцев образа мышления и мировосприятия [3, с. 134]. Среди множества западных печатных изданий в страну проникли комиксы.

С.МакКлауд, американский искусствовед, определяет комикс как «иллюстративные и другие изображения, сопоставленные рядом в продуманной последовательности для передачи информации и/или получения эстетического отклика от зрителя» [4, с. 9]. Наиболее близки к современному пониманию комикса работы английского художника XVIII в. У.Хогарта. В XIX в. комиксы перешли в разряд массового искусства и стали появляться на страницах журналов и газет [5, с. 13]. При этом обнаружилось, что у японцев уже есть своя версия графического повествования - манга. Комиксы не вытеснили ее, но повлияли на структуру манги. На примере этого влияния интересно рассмотреть сам механизм японского заимствования и преобразования постороннего опыта.

Термин «манга» появился в XIX в. Японский художник Кацусика Хокусай применил его для обозначения своей серии рисунков, начатой в 1814 г. Слово состоит из иероглифов «ман» - «невольно» или «бессознательно» и «га» - «рисунок», и означает «случайный эскиз». Другой смысл - «смешные картинки» - термин приобрел позднее, когда стал обозначать комические или сатирические картины, мультфильмы или рисунки. Большинство современных определений сводится к тому, что манга означает «особый жанр комикса, произведенный в Японии» [6, с. 50], из чего следует, что, несмотря на существующие различия, и манга, и комикс относятся к одной группе изобразительных средств.

Рисунки-манга существовали под разными названиями задолго до появления термина. Наиболее старые примеры японского комиксного искусства найдены в Шосоне (Нара). Они представляют собой смешные лица, названные «фусакумен» [7, р. 101]. Упоминание о создании первых историй в картинках относится к XII в. Тогда буддийский монах Тоба Сёдзо создал 4 юмористические истории. На бумажных свитках они включали в себя рисунки тушью, дополненные письменными пояснениями, и получили название «Тёдзюига» (яп. - «Весёлые картинки из жизни животных») [8]. Ему также принадлежит идея замены

изображений по ходу повествования, - приём, который впоследствии стал одной из составляющих структуры манги.

Жанр «веселых картинок» породил множество последователей и дал начало новому направлению «Тоба-э» - «картинки в стиле Тоба». В Средние века японская художественная литература выходила в виде «эмаки» - богато иллюстрированных свитков с минимумом текста, что намного упрощало понимание произведений. Результатом стало зарождение символического рисунка, который также стал одним из столпов манги.

Предшественники манги были и в XVIII в. - т.н. «жёлтые книжки» (*кибёси*) - рассказы в картинках, часто имеющие весьма пикантный характер, снабженные текстовыми пояснениями. По их подобию возникали другие литературные направления: *гокан-моно* (романы-серии в виде нескольких объединенных брошюр), *сярэбон* («книжки остроумия») и др. Их литературная жизнь оказалась непродолжительной, но «жанр... стал первым реальным прообразом современного искусства манга» [9, с. 70].

В середине XVII в. популярность среди населения набирает изобразительное искусство *укиё-э*, где «э» - картина, изображение, а буддийское слово «*укиё*», которое когда-то означало определение «мир скорби», приобрело противоположное значение - мир земных радостей. На гравюрах изображались сценки из повседневной жизни города и его обитателей: торговцев, артистов, куртизанок [10, р. 119].

Одним из родоначальников и мастеров пейзажной живописи *укиё* XIX в. становится Кацусика Хокусай. С 1814 по 1878 гг. в свет выходит его произведение «Манга Хокусая» (яп. - «рисунки Хокусая») [11]. Сборник включал зарисовки, сделанные Хокусаям в его многочисленных путешествиях по стране. Российский японист Е.С.Штейнер отмечает, что «“Манга Хокусая” является обобщением многовековой традиции всех зародившихся до неё визуальных текстов, синтезом предшествующего ей опыта, и в этом состоит её новаторство и актуальность» [12, с. 64].

Из *укиё-э* японские *мангаки* - люди, рисующие комиксы, - взяли на вооружение метод плоскостного изображения («приём 2D»), декоративность работ, тягу к гротеску в сочетании с реалистичными зарисовками.

Изначально комиксы проникли в Японию из Европы, через британского комиксиста Ч.Виргмана и француза Ж.Биго. Стиль рисунков, публиковавшихся у Виргмана и Биго, положил начало направлению *понти-э*. Японские художники переняли опыт иностранных коллег, изучили особенности композиции, систему пропорций, цвет, которым в *укиё-э* не уделялось внимания, заменили кисть пером и карандашом. В 1902 г. в журнале «Дзидзи Манга» вышел первый истинно япон-

ский сериальный комикс Ракутэна Китадзавы «Тагосаки и Макубэ осматривают Токио» («*Tagosaki to Makube no Toukyou kenbutsu*»), созданный по образцу американского. Он рассказывал о приключениях двух сельских жителей, впервые попавших в столицу.

Особую популярность манга приобрела в 1920-е гг. Японские мастера пошли по пути адаптации западных идей «к японским художественным традициям, зародившимся задолго до того, как в США и Европе возникла культура комиксов» [9, с. 74]. По мере приближения Второй мировой войны японская милитаристская идеология усиливала свои позиции, на художников начались гонения. Оставшихся на свободе заставляли рисовать пропагандистские листовки [1, с. 190]. Военная тематика ушла из манги лишь в 1945 г. Япония подписала Акт о капитуляции [13, с. 481], контроль над страной установили оккупационные власти США, которые стремились направить ее политическое и культурное развитие по западному пути [14, с. 74].

Вместе с войсками в страну хлынули варианты американских комиксов - *амэкоми*. Американская администрация запретила большую часть довоенной мультипликации и комиксов Страны Восходящего Солнца, оценив их как милитаристскую пропаганду [15]. Японская культура начала усваивать иностранный комиксный опыт, «соединяя его с собственным культурологическим наследием, формируя современный тип манги и периодики» [16, с. 51].

СОВРЕМЕННАЯ МАНГА - СИНКРЕТИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ

Первым *мангакой*, снискавшим признание в послевоенный период, стал Осама Тэдзука (1928-1989). Родившись в 1928 г. в Осаке, свой первый комикс он создал в 9 лет. Считается, что мультфильмы У. Диснея оказали наибольшее влияние на творчество Тэдзуки, а через него - базовые принципы манги.

В 1946 г. художник выступил с профессиональным дебютом - четырёхкадровой мангой «Дневник малышки Ма». Но мировую известность ему принесла другая работа, созданная по произведению японского писателя Ситима Сакаи: «Новый остров сокровищ» стал действительно революционным, при его создании Тэдзука применил ранее не использовавшиеся «кинематографические» приёмы. Он изображал действия с разных ракурсов, применял крупные планы, использовал несколько расположенных рядом рисунков для изображения какой-либо сцены, чтобы создать динамику движения.

Нововведением стало сокращение пояснений к тексту, прописывались только реплики героев, но, в противовес этому, буквами впервые были за-

писаны звуковые эффекты. Российский специалист по японской анимации Б.А.Иванов считает, что «манга Тэдзуки была макетом анимационного фильма» [17, с. 43].

В рисовке прослеживалось объединение довоенной манги с опытом Диснея и аниматора М.Флейшера: сочетание сложного сюжета и анимационной графики. Принято считать, что Тэдзука перенял у Диснея лица для своих героев, придав им европейские черты, в частности, их большие глаза, но подобный тип лица можно найти и в японской традиции театра Бунраку. Тесная связь с традиционным искусством дала Тэдзуке возможность выработать отличный от американского, его собственный стиль.

Но при всей традиционности творчества Тэдзуки, самое известное его творение появилось под влиянием диснеевского «Пиноккио». История *Tetsuwan Atom* («Могучий Атом») повествует об ученом, который создал героического мальчика-робота, в попытке уменьшить боль от гибели собственного сына. Персонаж манги стал звездой журнала для мальчиков «*Shonen*», основанного в 1959 г. К заслугам Тэдзуки в области манги относится создание им *сёдзэ-манги* (манга для девочек). В 1953 г. была выпущена манга «Принцесса-рыцарь» (*Ribon no kishi*), фактически ставшая прародительницей нового направления.

Приводя выдержки из своего интервью с Тэдзукой, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН, к.ф.н., д.и.н. Е.Л.Катасонова отмечает, что мастером был разработан набор особых символов, составляющих уже привычный для современного читателя символический язык манги. «Если герой моего рисунка удивлен, он округляет глаза, рассержен - вокруг глаз у него проступают морщины... Имеется определенный шаблон», - говорил *мангака* [9, с. 77].

Еще одной новаторской идеей стало увеличение объема историй от привычных 10-20 страниц до 100-1000, усложнение сюжетной линии. Прорыв Осаму Тэдзуки в области манги как нового самостоятельного вида литературы способствовал скорейшему закреплению жанра.

Рассматривая графическую культуру послевоенных лет, стоит упомянуть о появлении термина *гэкига*, обозначающего более взрослые произведения. «Если манга, как правило, предназначена вызывать смех у своих читателей, то ... гэкига (драматизированные живописные рассказы) является формой манги, которая показывает темную сторону человеческого существования» [18, р. 249].

Одно время сторонники нового направления активно пытались свергнуть с трона признанного «бога манги» Тэдзуку, но вместо борьбы он стал использовать методы *гэкига* в собственных работах, сохраняя при этом «свой милый «диснеевский» стиль рисования» [1, с. 195]. Такие переме-

ны понравились читателям, и Тэдзука ещё больше укрепил свои позиции.

Несмотря на то, что манга приобрела тесную связь с западными комиксами и развивалась под их влиянием, по стилю рисовки и даже сюжетами она имеет значительные отличия. Японцы, привыкшие к манге как национальному явлению, стали массово предпочитать её западным произведениям. Рассмотрим особенности манги и её различия с комиксом.

По Е.Л.Катасоновой, единственное, что объединяет японские и западные комиксы, «это использование принципа последовательной передачи картинок» [9, с. 81]. В манге иначе строится расположение кадров, они более свободно распределены по странице, не придерживаются строгих горизонталей. Чтение происходит в соответствии с законами японской письменности - справа налево. Считается, что только в таком прочтении человек может понять замысел *мангаки*. Акцент в изображении переходит с детальной зарисовки на линии рисунка, что может быть связано с одним из принципов японской культуры - эстетикой недосказанности. Изображение традиционно чёрно-белое, за исключением нескольких цветных вставок, на которых можно лучше узнать внешность героев.

Также, в отличие от западных художников, четко прорисовывающих задний фон, *мангаки* могут дать не несущий смысловой нагрузки рисунок, сделать одноцветную заливку или пустить случайный орнамент, что придает кадру большую эмоциональность.

Отличием манги является и её охват всех возрастных групп. Если потребителями западного комикса, в основном, являются дети, то в Японии существует деление по полу и возрасту. Набор стандартных тем, в первую очередь - темы человеческих взаимоотношений, также является особенностью японской комикс-культуры.

Изображение персонажа в манге подчинено задаче передать его настроение, характер, показать весь спектр его эмоций. Для её выполнения *мангаки* часто прибегают к знаковой системе манги, начало которой было положено Тэдзукой: применяется деформация пропорций тел и их частей (большой открытый в крике рот, «выскакивающие» от удивления глаза, сплющенное тело).

Распространенным является мнение, что отличительная черта манги - это огромные, четко выраженные глаза. Но такая черта в образе героя может встретиться и в *амэкоми*. Различие состоит в том, что в японском варианте наиболее значим не размер глаз, а их детальная прорисовка, внимание, которое художник им уделяет. «Большие глаза в манге - центральный объект лица персонажа, обозначающий готовность к восприятию и созерцанию, а также молодость: с возрастом способности... снижаются, поэтому у взрослых... глаза меньшего... размера» [19, с. 25].

Б.А.Иванов утверждает, что при этом важно отличать просто «большие глаза», доминирующие на лице персонажа, от «светящихся глаз», зрачок которых дополняется белым «световым бликом» и служит для усиления привлекательности [17, с. 176]. Различная прорисовка глаз отражает настроение и состояние персонажа, и также входит в общепринятый символический язык манги. Автор «Словаря комикса и манги» К.Козлова выделяет несколько категорий: глаза беспокойства, глаза недовольства, радости, размышлений, смущения, удивления и т.д, каждая из которых имеет собственный стиль написания [6, с. 25-27].

Внимание уделяется символике изображения волос и прически. Так, длинные волосы означают женственность и красоту в целом, кудряшки - «милый» стиль, лысина - старость или монашество, прическа с острыми торчащими вверх углами - вспыльчивый и эмоциональный характер, футуристичность.

Отличительной чертой манги выступает сочетание гротескного и реалистического изображения героя, которое может чередоваться в пределах одной страницы, в то время как в *амэкоми* «образ супергероя - это... художественная константа, не подверженная никаким изменениям» [9, с. 82].

Главная особенность манги состоит в условности языка, который берет начало в национальной художественной традиции. Система элементов, в которой хорошо известный символ несет определенное значение, перешла в мангу со сцены. «В этом... манга близка к средневековой живописи и скульптуре, в которых каждый элемент изображения имел свой особый смысл» [20].

Символический язык рисунка берет на себя выразительные задачи: так, капелька у виска персонажа означает нервозность или смущение, потоки слёз - чаще всего шутовское огорчение и т.д. Благодаря символам манга более лаконична и читается быстрее американских комиксов, в которых надо осмысливать большой объём информации.

Текст и в манге, и в комиксах помещается в баллоны (мысли, прямая речь) и в прямоугольники на границе кадра. От их вида зависит не только характер звука, но и эмоциональное состояние героя. Закадровая речь часто расположена без выделения рамками рядом с картинкой. «Подача текста без выделения его рамкой делает чтение... более плавным - текст воспринимается одновременно с картинкой» [19, с. 26].

В XX в. в мире заговорили о стремительной «американизации» Японии и гибели её традиционной культуры. Но, благодаря отсутствию страха потерять национальную идентичность при заимствовании изначально чуждых элементов, Япония создала редкий культурный сплав, гармонично сочетающий в себе опыт многовековых

традиций и все новейшие достижения, пришедшие извне.

В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Итак, манга, изначально зародившись как самостоятельный жанр, имевший аналоги в различных частях света, видоизменилась под воздействием западных идей, проникших на Японский архипелаг. Традиционная манга переняла основные принципы *амэкоми* - комикса США, но при этом дополнила, точнее, значительно обогатила и одухотворила их. Символизм рисунка стал выполнять большую повествовательную задачу, что

позволило сократить количество текста, свободное построение кадров способствовало плавному, интуитивному чтению, а применение «кинометода» - вовлечению в историю и повышению её динамичности. Заимствовав ряд идей, Япония синкретизировала их с уже существующими национальными наработками, получив на выходе совершенно новый, сугубо японский культурный продукт. Комикс прошёл процесс адаптации и ассимиляции с культурологически автохтонным наследием Страны Восходящего Солнца. Он стал тождествен термину и формату «манга», в котором продолжает жить и развиваться в настоящее время.

Список литературы / References

1. Ленте Ф. ван. История комиксов. М., 2019. (Lente F. van. 2019. History of Comics. M.) (In Russ.)
2. Мещеряков А. Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX - начало XX вв.). (Meshcheryakov A. N. the Discovery of Japan and the Reform of the Japanese Body (the Second Half of the XIX - Early XX Centuries) (In Russ.). <https://polit.ru/article/2010/03/02/japan/> (accessed 27.11.2019)
3. Кочнева Е. Д. Япония как Мировой лидер продвижения Soft Power. *ДИСКУРС-ПИ*. Том 11, № 2-3. Екатеринбург, 2014. (Kochneva E. D. 2014. Japan as the World Leader of Soft Power Promotion. *THE DISCOURSE-PI*. Vol. 11, № 2-3. Yekaterinburg) (In Russ.)
4. МакКлауд С. Понимание комикса. Невидимое искусство. (McCloud S. Understanding Comics. Invisible Art) (In Russ.). <https://comicbooks.world/read-scott-mccloud-understanding-comics> (accessed 01.12.2019)
5. Гуков П. С. Американские комиксы как инструмент политической пропаганды. *Вопросы студенческой науки*. СПб, 2017, № 15. (Gukov P. S. 2017. American Comics as a Tool of Political Propaganda. *Questions of Student Science*. St. Petersburg. № 15) (In Russ.)
6. Козлова К. Словарь комикса и манга. СПб, 2003. (Kozlova K. 2003. Dictionary of Comics and Manga. SPb) (In Russ.)
7. Kodansha Encyclopedia of Japan. Vol. 5. Tokyo, 1983.
8. Тёдзюгига («Весёлые картинки из жизни животных»). (Funny Pictures from the Life of Animals) (In Jap.). http://akituva.gooside.com/choujyu_allall.htm (дата обращения: 19.10.2019).
9. Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М., 2012. (Katasonova E. L. 2012. Japanese in the Real and Virtual Worlds: Essays of Modern Japanese Mass Culture. M.) (In Russ.)
10. Garis F. de. We Japanese: Being Descriptions of Many of the Customs, Manners, Ceremonies. Besides numerous other subjects [etc.]. Nakone Miyanoshta, 1949.
11. Хokusai Кацусика. Хokusai манга. Избранные страницы. (Hokusai Katsushika. Hokusai Manga. Selected Pages) (In Russ.). <http://manga.pvost.org/> (accessed 18.10.2019)
12. Штейнер Е. С. «Манга Хокусая» и традиция китайско-японских книжек с картинками. *Сборник материалов II Конференции исследователей рисованных историй* 17-19 мая 2017 г. М., 2017. (Steiner E. S. 2017. "Hokusay Manga" and the Tradition of Chinese-Japanese Picture Books. *Collection of materials of the II Conference of Researchers of Drawn stories*. May 17-19. M.) (In Russ.)
13. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. / Ред.-сост. С. Майоров. М., 1947. (Foreign Policy of the Soviet Union during the Patriotic War: Documents and Materials. 1947. In 3 vols. Vol. 3 / Ed.-comp. S. Mayorov. M.) (In Russ.)
14. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М., 1997. (Bogaturov A. D. 1997. The Great Powers in the Pacific. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995). M.) (In Russ.)
15. Долженков А. Японское наступление: аниме и манга как часть японской культуры. *Искусство кино*. 2002, № 7. (Dolzenkov A. Japanese Offensive: Anime and Manga as Part of Japanese Culture. *Art of Cinema*. № 7) (In Russ.). <http://old.kinoart.ru/archive/2002/07/n7-article25> (accessed 30.09.2019)
16. Потапова Г. И. Журналы комиксов на рынке прессы: сравнительный анализ американских и японских изданий. СПб, 2017. (Potapova G. I. 2017. Comics Magazines in the Press Market: a Comparative Analysis of American and Japanese Publications. SPb) (In Russ.)
17. Иванов Б. А. Введение в японскую анимацию. М., 2001. (Ivanov B. A. 2001. Introduction to Japanese Animation. M.) (In Russ.)
18. Sugimoto Yoshio. An Introduction to Japanese Society. Second Edition. Cambridge. 2003.
19. Татаркин М. А. Коммуникативные особенности современного графического романа. М., 2017. (Tatarkin M. A. 2017. Communicative Features of the Modern Graphic Novel. M.) (In Russ.)
20. Зими́на С. С. Сравнение американских и японских комиксов, начиная с истории и индустрии, заканчивая графическими и сюжетными различиями. (Zimina S. S. Comparison of American and Japanese Comics, Starting with the History and Industry, Ending with Graphic and Plot Differences) (In Russ.). http://samlib.ru/z/zimina_s_s/manga.shtml (accessed 30.10.2019)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

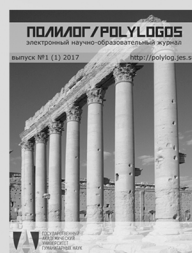
Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).